Созвучье
муз

© Созвучье муз.
Литературный альманах. Коллектив современных авторов.
Выпущено под патронажем
Международной гильдии писателей
International Guild of Writers
Internationale Schriftstellergilde
www.ingild.com

Германия: stella 2021; 369 стр.

Все права защищены.
Редактор-составитель: Л. Баумгартен.
© Дизайн: В. Цветков.

© Verlag „STELLA“
Bundesstr. 52
72379 Hechingen
Deutschland
www.stella-verlag.com
artstellapro@gmail.com
Tel. +491743840306

ISBN 978-3-95772-238-6

Verlag „STELLA“
Deutschland
2021

Созвучье муз

В КАЧЕСТВЕ ВВЕДЕНИЯ

Как известно, творчество – это создание чего-то нового, которое имеет положительно-общественную значимость, способствует прогрессивному развитию человечества.

Творческие компоненты имеются везде: и в составе чувственных представлений, и в системе понятийных образов, как в живом созерцании, так и в эмпирическом, теоретическом познании. При этом творчество помогает человеку освободить свою индивидуальность. В то время, когда включается творческий процесс, человек приобретает активность и желание действовать. Душа стремится к цели. Древние считали, что творчество – это индивидуальный взгляд на вещи, способность видеть каждый предмет по-своему. Что об этом думают современные писатели, читатели смогут так же узнать на этих страницах нашей книги.

К примеру, Илана Городисская (Израиль) пишет: «Для меня мое писательское творчество – это стремление к абсолютной свободе. Свободе делать со своими чувствами, своей жизнью, своими ценностями и потребностями все, что я пожелаю сама, без оглядки на реакцию тех, кто ежедневно предписывают мне, какими эти вещи должны быть. Это – то, что никто никогда у меня не отнимет, как нельзя отнять у человека его собственные мысли. То, чему на самом деле научиться невозможно, так как талант либо есть, либо его нет. Это – просто я».

Однозначно, творческое мышление требует свободы, раскрепощённости, устранения всяких внешних торможений. У каждого человека есть способность генерировать идеи и критически оценивать их. При этом чрезмерная критика сковывает мысль. Творчество – это любовь, свобода, наполненность различными энергиями и устремление к действию.

В основе творчества лежит множество факторов, это и абстрактное, и боковое мышление, и готовность памяти, и способность речи, а также способность к сцеплению фактов, умение работать с информацией и воля, чтобы любой процесс доводить до конца. Если коротко, то для реализации творчества остаются главными: труд, талант и умение найти себя в окружающей реальности.

Максим Сафиулин (Россия): «Я не понимаю тех, кто говорит, что сегодня, например, не готов творить, потому что нет вдохновения. Я считаю, так говорят лентяи, которые в ожидании вдохновения могут прождать всю жизнь, и так ничего и не напишут. А потом будут сокрушаться, когда время упущено, а мечты и мысли оказались воплощены кем-то другим. Поэтому не нужно ждать. Нужно садиться и работать. Потому что вдохновение приходит во время работы. Его не надо ждать. Оно стоит рядом и наблюдает. Если его помощь не нужна – уходит.

Я понимаю, не всем повезло, как мне, настраиваться и работать. Не все могут творить в разных жанрах. Писатель не всегда может стать поэтом, а композитор не всегда может исполнять песни, им созданные. Но главное – это быть благодарным миру за то, что эта способность – выражать себя через стихи, музыку, песни – у

тебя есть. Другие мечтали бы, да не могут. Поэтому и к замыслу, и к творческому процессу, и к готовому творческому материалу, и к людям, которые этот материал будут оценивать, – ко всему этому надо относиться с большим уважением и любовью.

Я не скажу, что мне всё даётся легко. Иногда можно провести весь день в мучительном поиске идеи и замысла. Но лучше попробовать найти и потерять время, чем потом всё время винить себя в том, что не попробовал. Хотя говорят: кто ищет, тот всегда найдёт.

И я ищу. Мысли, чувства, эмоции, идеи. Идеи приходят в беседах с людьми, в наблюдении за миром, природой и его обитателями. Важно только успеть записать, а потом не забыть – где записал. И конечно, чтоб замысел, так называемый „шаблон“, превратился в готовое произведение. И нужно найти в себе силы и время, чтоб произведение получилось. Иначе, спустя время, ты на эти „шаблоны“ смотришь как на вещь бесполезную. И шаблон так и остаётся шаблоном – без жизни и развития».

Ольга Фокина (Россия) добавляет: «Творчество – это состояние наших душ и их открытость окружающему миру! Это наша свобода, раскрепощённость! Это наша энергия, действия и любовь к миру! Но что это – пребывание в каком-то параллельном пространстве или всё-таки стимул жизни на Земле?

Когда мы пишем стихи или музыку, мы абстрагируемся от этого мира, его звуков, запахов, цветов, мы настраиваемся на какую-то иную волну, и вот малейший шорох, скрип дверей или какой-то звук за стеной – и всё, всё пропало, больше нет той еле уловимой волны, и ты снова в этом мире. Как объяснить эти ощущения?

Мы умеем наблюдать, анализировать, мыслить. Творчество даёт нам уверенность. Если у тебя что-то получается, ты чувствуешь себя способным. А ведь любой человек на Земле – личность, и у каждого есть какие-то свои особенности – то, что умеет делать именно он, и лучше других. Только важно раскрыть в себе этот потенциал. Возможно, это и есть миссия на Земле, наше предназначение и польза для окружающих.

Кто-то изобрёл стиральную машинку, кто-то холодильник, компьютер, автомобиль, кто-то построил дом. А как это улучшило жизни миллиардов людей!.. Кто-то нашёл методы лечения неизлечимых болезней, а кто-то, наоборот, создал вирус, который поработит весь мир… Важно своим открытием и необычными способностями не навредить людям, а постараться помочь. И даже если вы просто написали стих или песню, создали картину, то вполне возможно, что именно эта картина-песня-стих перевернёт весь мир, вдохновит кого-то на серьёзные открытия или познание собственной души, что тоже важно; поведёт за собой по дороге добра, чтобы в мире настал МИР. Услышьте себя, разглядите в себе тот росток, который может превратиться в прекрасный бутон в вашем сердце и подарить миру яркие краски».

Таким образом, остается лишь пожелать каждому взявшему эту книгу в руки, провести время приятно и с пользой. Возможно, что, перевернув последнюю страницу, каждый задумается не только о том насколько удачно ему лично удается творить, но и о том – какой посыл несет он своим творчеством миру.

Всем приятного прочтения!

Леонид Колганов

МОЛЧАНИЕ КОЛОКОЛОВ

В нем новгородская душа заговорит
московской речью величавой.
Аполлон Григорьев

Памяти моего деда
Василия Ивановича Лукощука

Что делать мне, ведь я не взял иврит,
Как языка, что дед мой брал на фронте?
И – на иврите мой язык молчит
Как колокол! Но вы его не троньте!
В нем затаились все колокола –
Что в Новгороде звал народ на Вече,
Чей в Угличе надрыв не умолкал,
За что был бит и увезен далече!
Глухонемой я в собственной стране
И на иврите издаю мычанье,
Как скот ущербный! И в Печаль-стене
Оставлю лишь колоколов молчанье!
Ивритский не поможет мне словарь,
В него смотрю с боязнью инородца,
Когда в груди, как затаенный царь,
Царь-Колокол беззвучным громом бьется!
Но час придет! Они заговорят –
Колокола – что я таил незримо,
И что молчали столько лет подряд
В моей груди вблизи Ерусалима!
И под конец тревожного пути,
Неся в себе лихое самозванство,
Колокола я вырву из груди
И тем расширю русское пространство!

И, может быть, расширю я иврит,
Такое в языках не раз бывало.
В нем мощь Библейская опять заговорит
Московской речью величавой!
И – как река, расширится иврит,
В размыве клады вырвутся наружу.
И слышу я – дед с фронта говорит:
«Язык расширить, как расширить душу!»
На фронте взявший столько языков,
Не взял он только языка родного.
Но средь окопной правды земляков
В нем, как земля, подспудно билась мова!
Что делать с этой земляною силой?
Во мне подземный русский гром гремит!
Но, может, над моей глухой могилой
Со дна души взойдет один иврит?
И на плите могильной вспыхнет надпись
О том, кто был и сплыл в немой реке.
Но в Книге судеб не пойму я запись
На трепетно-чужом мне языке!

КРЕМЛЬ В ОСАДЕ

Памяти Кронштадтского и Тамбовского народных восстаний

Шатают волны крышку Гроба,
Они вплотную подошли.
Всосала водная утроба
Гробы и кости всей Земли!
Они дошли до Мавзолея,
И – словно выйдя из глубин,
Поднялись, ширясь, не мелея,
До Красного Кремля вершин! –
Как мужики из всех глубинок,
Из всех медвежьих уголков…
Как будто вновь на поединок
С Кремлем – как лес – пошел Тамбов!
И вижу снова я сегодня –
Балтийских волн крутой накат,
Как будто волею Господней
На Кремль опять пошел – Кронштадт!
Все богоносцы и братишки
В бессмертный выстроились ряд,
За все изъятые излишки
Они его благодарят!
Их волны достают до неба
И обдают, как льдяный душ,
За взятые излишки хлеба,
За взятые излишки душ!

Как будто обступают Стеньки
На подступающей волне,
Готовые поставить к стенке
Всех – кто в Кремлевской спит Стене!
И пятясь, словно от Цунами,
Москва обложена сполна –
Как Кремль былыми мятежами –
Россией – всей – окружена!
И никакой уже нет силы
Сдержать напор волны двойной:
Москва окружена Россией
И обе – Черною Ордой!

ВХОД И ВЫХОД

Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Александр Пушкин

Жизнь – в темной подворотне драка,
Жизнь – черных дней и лет гряда,
Жизнь – черной немочи припадок,
В которой бьешься как судак –
На водных бьется перекатах,
Когда несет туда-сюда,
И – то накаты, то откаты,
И так до Страшного Суда!
И – словно одичалый предок –
Идешь в неведомый простор,
И остается напоследок –
Один больничный коридор!
Но – может быть – он не последний,
Еще не вечер на дворе,
Когда идешь, как немочь, бледный,
К своей Чернеющей дыре!
И – может быть – совсем неплохо,
Что в новый путь идти пора.
Пускай окончилась Эпоха,
Осталась Черная Дыра!
Иль это выход из полетья
Земных кромешных дней и бед,

А – может – просто вход в бессмертье
Из бесполезных смертных лет –
И –
В – неоткрытых сто америк,
А –
Не – в какой-то черный мор…
И – может – нас на новый берег
Выводит дядька Черномор!

НА МИГ ОДИН

В душе у Каина пустыня
Цветами всеми расцвела,
И словно мать убийцу сына,
Как блудного, вновь обняла!
И все пустыни приютили,
Как матери, сынов-убийц…
На миг в своей преступной силе –
Все Люциферы – пали ниц!
«На миг один», – подумал Каин,
Что ждал его иной удел…
На миг один воскресший ангел
Над падшим сыном пролетел!

КОРНИ ЛЮБВИ

Валентине Бендерской

Порвал Пегас мой коновязь
И отлетел в бой ратный,
Обратная порвалась связь,
Я не вернусь обратно!
Меня – как ветер – отпусти,
Дай отдохнуть в нирване,
Все перерезаны пути,
Как вены в римской ванне!
Но кажется, что мы сплелись –
Корнями, как деревья,
И под землёй опять сошлись
Несмежные кочевья!
Сошлись в кромешной духоте,
Словно во мгле дороги,
Друг друга душат в темноте,
Но – розно жить не могут!
Сошлись начала и концы,
И квадратуры круга,
Они – Сиама близнецы,
Не могут друг без друга!
Нас разделили, как ломóть,
Но ванна нам осталась,
Воды в ней розовеет плоть,
То наша кровь смешалась!
И мы смешались и слились,
Как половцы-славяне,
И под землёй опять слились,
На ней мы неслиянны!
На этом Свете и на том
Нет связи невозвратной…
И это говорит о том,
Что я вернусь обратно!

ПОСЛЕДНИЙ ДИНОЗАВР

Есть версия, что последние динозавры тонули в расплавленных асфальтовых озерах.

Твое тело – узкое шоссе,
Где застряла не одна машина,
Я увяз в нем, как увязли все
Те – что были до меня мужчины!
Никогда уже не разойтись
Нам на этой узенькой дороге,
Потому – что до конца сплелись
Мы с тобою, словно осьминоги!
Задыхаюсь, будто от угара,
Всё – что парки наплели – сбылось,
Узкое шоссе твое от жара –
Озером – асфальтным – расплылось!
Ты со мной застынешь, как Горгона,
Иль – колóм пронизанный кадавр,
Вместе мы в асфальте раскаленном
Сгинем – как последний динозавр!
И –
Последний твой земной мужчина –
Застываю я –
В асфальт – одет,
Ты ж – в свою остывшую пучину –
Больше никого не втянешь! Нет!

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Меж нами не было разлук
На Времени мосту,
Но тени распростертых рук
Уходят в пустоту!
И Время бьется у виска,
Когда в часах песочных
Все меньше у него песка –
Нет нашей жизни сочной!
И дышит суховей в висок,
И сушит в знойном раже…
Уходит Времени песок –
Нет, жизнь уходит наша!

БЕЛЫЙ СОН

На обломках кровати,
В Средиземной стране,
Словно в белых объятьях,
В белом плаваю сне!
Что другим и не снилось
Даже в белом бреду –
Я сдаваться на милость
В белый город гряду!
Словно в белой горячке,
На лету хохочу,
Из обломовской спячки
В Град невест я лечу!
Ничего мне не светит,
Только светится грусть,
И кружу, словно ветер,
Средь Катюш и Марусь!
Возвращаюсь на круги
В город белых невест,
Где грустят на досуге
Все невесты без мест!
Обнажились колени,
В белых кружевах речь,
И они, как сирени,
Вышли ветру навстречь!
Как черемухи в платьях!

Захожу под их сень
И валюсь я в объятья,
Словно в снег и сирень!
И грехи все простятся
В белый призрачный день,
Потому что мне снятся
Только снег и сирень!
Отцветают сирени –
Предо мною Восток –
Но ложатся их тени
На пустынный песок!

ВОРОВСКАЯ ПОРУКА

Все произведения мировой литературы
я делю на разрешенные и написанные без
разрешения. Первые – это мразь, вторые –
ворованный воздух.

Осип Мандельштам

Валентине Бендерской

Словно Пугачева повязали,
Нас узлы морские злой судьбы,
И не на одном морском причале
Не распутать их, не разрубить!
И не на одном вокзале бегства
От судьбы не вырваться из них,
Бьемся в путах чуть не с малолетства –
То средь леших, то средь водяных!
Словно у́рок – круговой порукой
Повязал нас воровской закон,
Хоть воруем только воздух, звуки –
Те, что стережет небес дракон!
Вырывая из зубов дракона
Воздух, звуки, бьемся как прибой,
Ныне и еще во время Оно
Звуками повязан я с тобой!
Выбрали смертельную опасность,
Как воздушный гибельный обман,
Высшую и низшую реальность –
Пробивая, как ночной таран!
И – держа на ощупь круговую
Оборону – со слепой судьбой,
Мы идем в минуту роковую,
Как слепые, в рукопашный бой!

МОИ ЧАСЫ

Сергею Касьянову

Часы, вы тоже злая мина,
Что приближает смерть мою,
Когда рванете – все едино,
Ведь каждый день я на краю!
Внутри меня – букет болезней,
Цветут их яды в глубине,
Они пылают Красной Пресней,
И камни Пресни все во мне!
У смерти временно в отказе,
Ее блокаду я прорвал.
Как сухопутный камикадзе,
Себя я к жизни приковал!
Я окружен, как баррикада.
Все ядовитые цветы
Цветут во мне червям в усладу –
С червями я давно на ты!
У смерти будучи в отказе,
Я к ней приду, когда велит…
Но – как воздушный камикадзе,
Мой дух над нею воспарит!

КТО ТЫ?

В низовьях твоего ручья
Я, кажется, пропал,
Ты ускользала, как ничья
Скользящая тропа!
Но вновь входила в жизнь мою,
Как призрачный разведчик,
Когда стоял я на краю,
Тобой – как след – отмечен!
Тропой небесной и земной,
Подобно ночи бреду,
Ты – как судьба – шла вслед за мной
По кровяному следу!
Как женщина с бедой в глазах
По мне ты всласть прошлась,
Я за тобою шел впотьмах,
И ты вела, смеясь!
О, ты как женщина вела
И уводила в люди,
И между нами мгла легла,
Как ночь средь мук-прелюдий!
Вела неверною тропой,
Как молния в ненастье,
Платил я жизнью и судьбой
За призрачное счастье!
Мы огибали гор гробы,
Пел ветер Аллилуйю,
Я был спален огнем судьбы,
Нет – женским поцелуем!
Стою у жизни на краю,
Но вновь маниґт тропа,
И до сих пор не разберу:
Ты баба иль судьба!

Татьяна Бадакова

МЕСТО СИЛЫ

Есть места, которые могут быть
совсем незначительными и незаметными
для остальных, но в тебе они раскрывают
такую палитру эмоций, что будь посильнее,
тебя бы точно подхватило и научило летать.

Ольга Матвеева, художник

Вот так и я летела в город моего детства.

Сегодня это город Городовиковск, названный в честь Героя гражданской и Великой Отечественной войн, выходца из этих мест Оки Ивановича Городовикова. А тогда, давным-давно, это было милое доброе село Башанта. Название его произошло от калмыцкого слова «бяяшнгтя», то есть имеющий башню, дворец. Есть и другие версии, но мне кажется, что эта наиболее реалистична.

Волнение охватывало меня задолго до поездки, как только я узнала, что нас, поэтов, пригласили на юбилейное торжество в Городовиковске. Я затаилась, никому об этом не рассказывала, будто боялась сглазить. Сон стал чутким и беспокойным. И все дни я с опаской думала: «Лишь бы ничего не случилось…»

Наконец, наступил день поездки, и… случилось, повалил снег. Нет, не снег, это был снежище, такой неожиданный, такой огромный и напористый, хотя так не принято говорить про снег. Он шёл всю ночь, утро и день. Не было ничего вокруг – дорог, машин, деревьев – сплошные высоченные сугробы. И это 2-го марта!

Я заметила – перед очень долгожданными волнительными событиями природа, как будто испытывая, совершенно неожиданно преподносит свои сюрпризы.

Так было, когда я шла на экскурсию в Дом-музей Марины Цветаевой, на встречу с моим любимым поэтом. В тот день об этой стихии в Москве – ураганный ветер, сильнейший ливень и гроза – передавали все СМИ. Я в буквальном смысле пробивалась сквозь проливной дождь, не зная дороги, не замечая ветра, огромных луж под ногами, грома и молнии, и того, что я промокла до ниточки. Я шла и разговаривала с Мариной: «Я понимаю, ты не любишь глазеющую, скучающую публику, тебе комфортнее твоё одиночество. Но, пожалуйста, впусти меня в свой мир, хотя бы ненадолго…». И всё-таки я нашла Борисоглебский переулок, дом 6.

Серьёзная «погодка» разыгралась и перед нашей долгожданной поездкой на лотосы, когда июльский ливень превратил улицы в бурные реки.

И вот такая же история и сегодня. Как можно было ехать? Сердце сжималось всё сильнее. Но, когда в трубке телефона я услышала голос руководителя группы, как ни в чём ни бывало, вещающего, что выезжаем, забылись страхи и неуверенность.

Ура! Поехали!

К нашему удивлению, дорожные службы, оказывается, оперативно работают, проехать было возможно.

А снег всё валил.

Четыре часа сплошь заснеженного горизонта, густая снежная пыль, тщетные попытки что-либо различить в этой белизне вокруг – такова картина нашего пути.

Наблюдали, как в фантастическом фильме, солнце, пробивающееся к нам почему-то снизу. От такого неземного отражения света всё вокруг становилось совершенно нереальным.

Маныч*, как всегда седой, но сегодня от снежных и ледяных торосов открылся для меня невиданной красотой.

В дороге – немного ароматного кофе с имбирём из термоса – просто шик!

Как и полагается по теории вероятности, то, чего сильно ждёшь, появляется почему-то неожиданно. Указатель «Городовиковск» вырос ниоткуда. Сначала я его даже не соотнесла с прибытием. А вот когда увидела «Башантинский совхоз-техникум им. Попова», то поняла – мы в Башанте. Первая и главная – улица Советская. Сколько по ней хожено и бегано!

Не буду описывать официальное мероприятие, на которое мы, собственно, и ехали. Хотя оно прошло интересно.

Весь следующий день я специально выкроила для себя. Это и есть моё долгожданное свидание с детством, моей дорогой Башантой, встреча с самой собою, той, которая живёт во мне глубоко в сердце.

Утром, взбодрившись чаем с шоколадкой (мой запас еды), я вышла из гостиницы. Не описать то волнение, которое меня охватило! Когда где-то читаешь подобное описание чувств: до дрожи при встрече с чем-то очень дорогим, не совсем ощущаешь, пока такое не произойдет с тобой.

Огляделась по сторонам.

Названия улиц сохранились со времён СССР. Улица Ленина, на которой располагалась гостиница, шла параллельно улице Советской. Ориентир есть, маршрут намечен: первым делом я пойду в школу.

* Маныч-Гудило – солёное озеро в Калмыкии.

Стала усиленно вспоминать, как выглядела моя школа. Это было небольшое, вытянутое, невысокое, ничем непримечательное здание из самана. По дороге постоянно крутила головой, пытаясь ухватить что-то близкое, знакомое.

Самая главная достопримечательность Башанты – тридцатипятиметровая водонапорная башня – сразу бросилась в глаза. Без неё даже невозможно и представить село, это настоящее архитектурное наследие и памятник.

В 1910 году на высоком участке посёлка Башанта были завершены работы по бурению 130-саженной артезианской скважины, на ней же и началось возведение башни. Она построена из красного кирпича, как многие старые здания в селе. Мне до сих пор кажется, что более интересного и симпатичного высотного сооружения у нас в Калмыкии нет. Снаружи стены украшены нишами, несколько ярусов окон и островерхая крыша, похожая на шатёр. Жаль, что в последние годы башня имеет жалкий вид. Говорят, чтобы её восстановить, требуются немалые деньги.

Ещё из достопримечательностей города – Дубовая роща, посаженная в конце XIX века. Мы часто ходили на экскурсию в рощу на уроках ботаники, изучали вековые деревья, собирали гербарий из трав, цветов и листьев.

Первое учебное заведение Калмыкии – Башантинский техникум. И одна из самых старых больниц республики тоже в Башанте, ей больше века. Оказывается, мимо такой древней красоты и исторических мест мы бегали детьми и не замечали.

В Башанте в годы моего детства работали крепкие предприятия, такие как кирпичный завод, масло-

консервный комбинат со знаменитым ароматным подсолнечным маслом.

А я всё продолжаю вертеть головой. Странное чувство не покидает меня весь день. Настоящее необычное путешествие во времени, когда теряется реальность.

Деревья вымахали и превратились в неохватные. Новых зданий встретилось мало. Всюду узнаваемые низенькие крашеные заборчики. Видны уцелевшие ещё домики из местного красного жжёного, уже отбитого частью, кирпича с непривычной современному взгляду архитектурой: колонны, обрамления очень маленьких окон, выступы на стенах и арочные своды над входом. Этим домам также больше века. Интересно то, что в них ещё теплится жизнь, работают какие-то организации и учреждения. Хорошо было бы сохранить их как памятники.

Старый избитый тротуарчик, скорей всего, тоже из прошлых лет, привёл меня к школьному двору. Сейчас наша средняя школа имени Георгия Меркуловича Лазарева – это три корпуса школы № 1. Ноги меня сами повели в самое маленькое и очень старенькое с виду здание. Конечно, это и есть моя первая школа! Как только я вошла, сразу же всё и вспомнила. Милые и родные сердцу картины стали возникать перед глазами.

Наш маленький класс, всего одиннадцать, кажется, первоклашек; знаменитые парты с откидывающимися крышками. Не так давно я узнала, что это творение гигиениста и изобретателя Фёдора Эрисмана появилось в 1870 году. Вспомнились чернильницы, сначала стеклянные, а позже шик – пластмассовые «непроливайки», ведь никаких шариковых ручек тогда и в помине не

было. Портфели были только чёрные и коричневые; пеналы (у меня был круглый, красивый, деревянный, расписанный под Хохлому, – любимый подарок моего дяди); тетрадки в косую линию; чёрная школьная доска; только белые мелки; звонок-колокольчик, «хозяйкой» которого была техничка баба Катя. Как наяву, представила нашу первую учительницу, молоденькую Ирину Цереновну.

А большое зелёное эмалированное ведро – забыть невозможно! Что интересно, оно мне часто видится, наполненное кипячёным молоком, над которым ещё клубится пар. Нас, малышей, на большой перемене поили этим тёплым молоком с мягкими ароматными тоже ещё тёплыми булочками. Вкуснота! Ставили ведро на широкий подоконник в коридоре, а мы выстраивались в очередь со своими кружками, в которые наливали это блаженство.

Старое здание до сегодняшних дней рабочее, здесь также учатся малыши начальной школы. Детишек в школе не было, поскольку суббота. Поэтому стояла непривычная для школы тишина. Меня встретила библиотекарь Елена. Она очень удивилась моему появлению, но с интересом выслушала и с удовольствием провела экскурсию по школе. Классные комнаты были такие же, те же, только лишь выкрашены иначе: панели светлые, а не тёмно-зелёные, как были у нас. Парт тогдашних, конечно, уже нет, везде столы и стулья.

Я расспрашивала Елену о своих учителях, одноклассниках, но, по-видимому, между нами была слишком большая разница в возрасте, так что диалога не получилось. Подарив школьной библиотеке свои книжицы, я распрощалась и пошла дальше по намеченному маршруту.

Время-время!..

Мой внук сейчас старше меня тогдашней.

А память сверлит и сверлит что-то в мозгу, вытаскивая по крохам воспоминания из далёкого-предалёкого детства.

Второе здание школы тоже оказалось мне знакомым. Здесь мы – уже учащиеся средних классов. В памяти сохранились воспоминания о пионерских походах, задорных песнях у костра. Зимой – игра в снежки, весной – сбор металлолома и макулатуры, тимуровские отряды – это всё здесь… Чем не романтика? Чудесное время.

А вот новое трёхэтажное здание школы я уже не помню, оно построено гораздо позже. Прогулялась по его современным, светлым, широким, но каким-то всё же неуютным коридорам. С интересом рассмотрела классные стенгазеты, вывешенные, возможно, на конкурс. Сейчас они сплошь напечатанные на принтере, лаконичные в соответствии со временем. Не то, что наши – написанные от руки, корявыми почерками, рисованные и разукрашенные даже не фломастерами, а цветными карандашами и акварельными красками. И не скажешь какие лучше…

А дальше я решила проделать тот путь, который проходила каждый день пятьдесят лет назад – от школы до дома. От этой мысли сердце снова остановилось и «дальше пошло»…

Точно помню, каждый раз мы шли через парк.

Парк, как и всё другое, что нас, детишек, тогда окружало, казался огромным, длинным и широким, с большущими старыми деревьями, резными деревянными скамейками и различными статуями из белого гипса.

На площади перед парком всё также возвышается памятник Владимиру Ильичу. Здесь проходили все тор-

жественные пионерские линейки с традиционными горном, барабаном, песней-маршем «Взвейтесь кострами, синие ночи!». А 22 апреля, в День рождения В. И. Ленина, нас принимали в ряды Всесоюзной пионерской организации. Вожатые повязали нам галстуки, а мы с волнением и комом в горле торжественно клялись – быть честными, трудолюбивыми, активными, горячо любить Родину. Кстати сказать, так и живём до сих дней.

Эх, было время, когда ничем не омрачённый детский ум отзывался на добро, верил в счастье людей и мир во всём мире. Мы не представляли, что может быть иначе.

Постояв и «побеседовав» с товарищем Лениным, я пошла дальше в поисках новых впечатлений. В парке появилось больше асфальтированных дорожек и аллей, площадок, покрытых красивой бетонной плиткой. Скамеек почти не осталось, кое-где виднелись сделанные из кованого металла, симпатичные и современные. Лет пятьдесят назад в парке было два памятника – В. И. Ленину и С. М. Кирову. И, о-о, удивление – они оба «живы»! Сейчас установлены новые памятники: Оке Ивановичу Городовикову, Героям Великой Отечественной войны, землякам-городовиковцам – Б. Б. Городовикову, Г. М. Лазареву, Ф. Попову и другим. Поклонилась их подвигу.

Но надо идти «домой».

И вдруг… я остолбенела – впереди, как будто и не было этих многих лет, старая-старая танцплощадка! Этот круглый асфальтированный пятачок, огороженный металлической крашеной оградой, с теми же деревянными низенькими скамеечками по периметру. Уму непостижимо! Не знаю, какую роль эта танцплощадка играет сейчас, но тогда она была притяжением всей мо-

лодёжи села. Я вновь услышала духовой оркестр, громко и торжественно играющий танго, фокстроты, вальсы. А мы, пятиклассники, приходили сюда вечерами и с нескрываемым любопытством шпионили за старшими братьями и сёстрами, которые уже бегали на свидания. У нас это называлось «следить за парочками». Высшим пилотажем было – застукать, как они целуются. Смешные! Да. И вот та самая танцплощадка сохранилась как памятник добрым шестидесятым годам.

По пути к дому вспоминала, как же мы проводили свободное время. В младших классах с соседскими девчонками играли в традиционные «куклы». Собирались в чьём-нибудь дворе, строили домики для кукол, шили им платья и костюмы из бабушкиных лоскутов, воплощали, так сказать, в жизнь свои фантазии и желания о красивых нарядах. Здесь моей подружке Динке не было равных: её бабушка работала швеей, и каких только шикарных лоскутов у неё не было! Ещё мы любили почему-то играть в «больничку», укладывали своих кукол, делали им уколы, примочки и другие всевозможные процедуры. Кормили кукол кашей, сваренной из песка и воды и пирожными из цветочков и трав.

Нравились нам цветы мальвы, которой было много, как и моей любимой сирени, в каждом палисаднике. Из широких ярких лепестков мальвы получались красивые разноцветные серёжки.

Когда стали постарше, появилась у нас одна новая затея – устраивать концерты художественной самодеятельности, самые настоящие. На тетрадном листе писали объявления, развешивали их на заборах. Готовились на полном серьёзе – песни, стихи, танцы, сцену для выступлений. Сами мастерили какие-то сумасшедшие ко-

стюмы, украшали их мамиными бусами и цветами. Зрители были всегда, приходили бабушки и дедушки со своими стульчиками, иногда мамы и старшие братья, и сёстры – чинно рассаживались, с большим интересом слушали. А аплодировали, как в настоящем сельском клубе.

Вечерами, бывало, вывешивали какую-нибудь белую ткань или простынь и показывали фильмы, то есть диафильмы. Я очень любила читать слайды, чётко и громко.

Что интересно, у нас была своя уличная библиотека. Кто желал, приносил из дома собственные книжки «библиотекарям», роль которых мы исполняли по очереди. Всё было по-настоящему: книги нумеровали, вели картотеку и выдавали читателям по записи. Деловые!

Любимыми играми были игры с мячом – штандер, стенкового, выбивалы, и верх всего – лапта! Вот здесь нас собиралось много, было шумно, весело, азартно. Очень хорошая, к сожалению, забытая игра.

Погружённая в воспоминания о нашем весёлом детстве без современных гаджетов – планшетов, смартфонов и даже телевизоров – я прошла через парк, вышла на улицу Советскую, главную магистраль Башанты. По-моему, она таковой и осталась. Что очень удивило – дома всё те же, послевоенные – маленькие, неказистые, саманные с крохотными окнами, деревянными крашеными ставнями. Даже мне показалось и краска на них та же – зелёная, синяя, немного только облупилась и всё. На низких деревянных заборах висят всё те же почтовые ящики с номерами домов. Как странно! Будто и не было пятидесяти лет! Всё-таки, действительно, в провинции время движется гораздо медленнее, а здесь оно как будто бы остановилось. Но именно то, что мно-

гое осталось без изменений, придавало моему пребыванию здесь ещё больше остроты возвращения в детство.

Пройдя по улице Советской, сворачиваю в маленький переулок, не помню его названия, и указателей нет. А дальше – налево моя, дорогая сердцу, улица Будённого. Вот тут-то сердце моё готово было уже выскочить. Я ничего не могла с этим поделать.

Всё ближе и ближе наш дом, номер тридцать пять…

Снова показалось, что я в нереальном времени, и ничего не изменилось. Да, и дом тот же. Как замечательно, что его не снесли, не воздвигли на его месте что-то новое. Помню только, что наш дом был всегда белённый известью, а этот стоял серый, с забетонированными стенами. Забор поставили повыше, заглянула во двор – «КАМАЗ» стоит. В доме, похоже, никого не было. Та же дорожка от калитки к дому, по которой я бегом бежала, чтобы похвастать бабе Сюле своими «пятёрками». Дверь в дом также слева; навес другой, современный; в палисаднике нет цветов – ни сирени и мальвы, ни бархатцев и астр. Тут я вспомнила, что это только начало марта, всё еще зацветёт, но попозже.

Во двор, конечно, я не стала заходить. У калитки огляделась по сторонам, пытаясь воссоздать картину пятидесятилетней давности.

Слева находилась сапожная мастерская. Здесь моя бабушка Сюля покупала себе кожаные со скрипом коричневые тапочки, а добрые приветливые сапожники всегда угощали меня конфетками-монпансье из жестяных баночек. Как наяву почувствовала тот специфический запах кожи и клея и услышала перестук молоточков, которыми сапожники подбивали чьи-то каблучки. Нет уже мастерской, на её месте стоит большой добротный дом.

А справа от нас жил высокий, как и полагается, бородатый, корреспондент районной газеты Григорий Нечитайло. Сейчас только пришло на ум – какая ирония: журналист с фамилией Не-читайло! Дом его большой, квадратный, из красного кирпича тоже «жив-здоров», таким он и остался.

Дальше была начальная школа с яблоневым садом, куда мы часто лазили за яблоками. Только школы нет, и сада уже не видно.

Улица широкая, тихая, безлюдная какая-то сегодня. Не вспомнила, что же было напротив и кто там жил.

Немного успокоившись, придя в себя, тихо помолилась в память о своих родных. Поблагодарила это доброе место, место силы, где я была любима и счастлива. Оставила в дар конфеты и печенье. И на этом моя долгая пятидесятилетняя дорога от школы до дома была пройдена благополучно.

Не удивительно, что обратный путь мне дался гораздо легче, а на сердце стало светло и тепло.

Одноклассников в Городовиковске почти не осталось, все перебрались в столицу (повсеместная современная российская тенденция) или даже за пределы республики. Встретиться ни с кем не удалось. Наверное, это будет поводом приехать в Башанту ещё раз. И чтобы не пришлось провести и следующую ночь в гостинице, я поспешила собрать вещи и отправиться на автостанцию.

День сегодняшний запомню надолго, потому что испытала неповторимые чувства, как нигде больше. Воспоминания и впечатления от встречи с детством не оставляли меня всю дорогу, что я даже не заметила, как приехала домой.

ВЕЧЕРНИЕ ОКНА

Вот опять небес темнеет высь,
Вот и окна в сумраке зажглись.
…
В ночные окна вглядываюсь я.
М. Матусовский

А что же я там могу увидеть?

Вот окно на первом этаже, в деревянной раме, с простыми лёгкими занавесочками из белого ситца в мелкий голубой цветочек. В нём только что загорелся свет, хотя уже довольно темно, видно, экономят. Представляю хозяйку – маленькую сухонькую старушку с платочком на голове, что и занавески. Она медленно подходит к раковине, набирает в чайник воду, ставит его на газовую плиту, такую же маленькую и старенькую, как она сама. Садится за круглый стол, накрытый вышитой скатертью, и задумывается, подперев морщинистой ладонью подбородок. Конечно же, думает она о своих близких – детях и внуках, которые в её сознании беспредельно далеко: кто-то в столице устраивается в жизни, кто-то в Сибири ищет своё счастье, а кого-то судьба занесла даже за границу.

Какими они стали? Как живут?

Особенное тепло разливается в её сердце, когда бабушка представляет своих внучат. Ей всё ещё кажется, что они совсем малыши, её любимые пупсики, которых она нянчила, купала, баюкала.

Закипел чайник, прервав бабулины воспоминания. Попив чайку с мягкими бубликами и покормив беленького пушистого дружочка-котёночка, которого ей подарила соседка, старушка засобиралась спать.

Погасло одно окно…

Но окон много в нашем высотном доме. А тёплый вечер позволяет мне погрузиться в его очарование и неторопливые раздумья о жизни.

Вон, смотрите, окно на пятом этаже, из которого доносится громкая музыка. Здесь живёт лохматый, неопрятный на вид, битломан-одиночка по имени Витёк. И вовсе неудивительно, что его окно точь-в-точь – его портрет: никакие шторы ему не нужны, оно открыто настежь, и даже больше, потому что выбита форточка. Музыка здесь будет греметь ещё долго, пока не кончится терпение соседа с третьего этажа, Ивана Тимофеевича Разумова.

Этот товарищ – полная противоположность Витьку. У него всё по полочкам и в абсолютном порядке – металлические двери закрыты на крепкий засов, да не один; на окнах – плотные жалюзи; во дворе – добротный гараж с сигнализацией.

Иван Тимофеевич засыпает и просыпается в одно и то же время, а работает он на одном и том же предприятии вот уже тридцать лет. Он бухгалтер местного мясокомбината. Всё в порядке у него и с семьёй – супруга, как и полагается, статная большегрудая дама с химической завивкой, и двое детей, великовозрастных, инфантильных, без особых примет студентов. В окнах этой квартиры свет загорается и гасится строго по расписанию.

А вот кому-то, как и мне, тоже не спится. Вышел на балкон, наверное, помечтать.

Ах, я ошиблась. Это молодой мужчина-квартирант решил покурить. Почему-то торопливо сделал несколько затяжек, погасил сигарету и скрылся в квартире, оста-

вив за собой лишь лёгкий запах сигаретного дыма. Возможно, обещал жене бросить курить, но не выдержал.

Любопытная луна выглянула из-за туч, от этого звёзды стали чуть тусклее. Совсем стемнело. Включились уличные фонари, пришло их романтичное время. Обычных дневных звуков становится всё меньше. А звуки ночи слышны только наблюдательному уху. Тихо-тихо прошепчет ветерок пожелание доброй ночи, пролетая рядышком. От этого лёгкого дуновения прошуршит листвой мой старый друг-клён, спрашивая, как прошёл день. Сверчки наперебой спорят о чём-то. А звёзды и луна, далёкие и близкие одновременно, наблюдают за нами с таким же удивлением, как и сотни лет назад.

Но всё же есть мечтатели в нашем доме.

В одном из окон появился силуэт девушки. Налюбовавшись собой и новыми нарядами перед зеркалом, она теперь решила полюбоваться лунным пейзажем. Догадываюсь, о чём задумалась эта красавица. Наверное, она пришла с любовного свидания, и её губы до сих пор хранят память о первом поцелуе. А возможно, она вспомнила утреннюю нечаянную встречу с молодым человеком, которого каждый день видела и раньше. Но сегодня как-то по-особенному он на неё посмотрел, улыбнулся и приветливо кивнул. И почему-то ей это было очень приятно, что захотелось обязательно завтра снова его встретить, сказать что-нибудь доброе и непременно надеть красивое платье в горошек.

И вот так, пока мы вдвоём с этой юной красавицей мечтаем, каждый о своём, окна нашего дома, как в новогодней гирлянде, попеременно, то загораются ярким светом, то гаснут. И за каждым окном – своя история жизни, свои комедия и трагедия, своя судьба.

Спасибо сегодняшним, таким разным и дорогим, вечерним окнам. Они сумели проникнуть в заповедные уголки моей памяти и помогли наяву представить картины из стихотворения моей любимой Марины Цветаевой:

Вот опять окно,
где опять не спят.
Может – пьют вино,
может – так сидят.
Или просто – рук
не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
есть окно такое.

Как же хочется, чтобы таких влюблённых окон было как можно больше!..

ПРОВОДНИК В ИНОЙ МИР

Творчество…

Для меня это как открытие дверцы в мастерскую Творца.

И тут тебя каким-то неведомым образом подхватывает и уносит в совершенно нереальное пространство.

Ты – это не ты.

Можно стать ребёнком, радоваться вдруг откуда-то появившейся божьей коровке, хохотать во весь голос, легко скакать по ступенькам:

Радостно Зине,
С утра весела.
Горсть спелой малины
Сама собрала.

Можно превратиться даже в волшебника, будто фокусы, показывающего людям чудесные картины с других материков и даже планет.

Или неожиданно стать умудрённым жизнью старцем и описывать свои воспоминания о прожитом и пережитом в назидание потомкам.

А вдруг в одно прекрасное утро в тебе просыпается художник, хотя ты никогда не держал в руках кисти и палитру. Но тебе видна красота каждой травиночки и былиночки, которую ты постараешься передать людям:

Бутон тюльпана, как священная лампада,
Мерцает на ветру, храня земли покой.

Ты слышишь голоса окружающих предметов. В обыкновенном клёне за твоим окном видишь своего друга и можешь с ним поговорить:

Дрожишь на ветру,
Тебе холодно?

В такие моменты ты всесилен. Ты – маг и волшебник.

Как жаль, что случаются они, такие походы в Храм Творца, редко. И все озарения и откровения ускользают так же незаметно, как и появились.

А ты остаёшься, как на перроне вокзала своей жизни, вытянув, что есть мочи, шею вслед набирающему скорость поезду вдохновения.

Но после каждой такой встречи ты становишься чуточку выше, потому что были явны радость полёта и ощущения парения в каком-то безвоздушном и вневременном пространстве.

И вот, вернувшись в реальность, можешь порассуждать, что значит творчество для тебя, для людей, для всего человечества.

Творчество, думаю, затем и существует, чтобы показать людям, как прекрасен мир.

И что есть Нечто за гранью обыденности, и оно замечательно, притягательно и волшебно.

***Творчество** – процесс, в результате которого создаются качественно новые объекты и духовные ценности или итог создания объективно нового. Основной критерий, отличающий творчество от изготовления (производства), – уникальность его результата.*

*Ещё в XIX веке физик и психолог **Герман Гельмгольц** описывал «изнутри» процесс совершения научных открытий: «Эти счастливые наития нередко вторгаются в голову так тихо, что не сразу заметишь их значение, иной раз только случайность укажет впоследствии, когда и при каких обстоятельствах они приходили: появляется мысль в голове, а откуда она – не знаешь сам. …Но в других случаях мысль осеняет нас внезапно, без усилия, как вдохновение. …Насколько могу судить по личному опыту, она никогда не рождается в усталом мозгу и никогда – за письменным столом. Каждый раз мне приходилось сперва всячески переворачивать мою задачу на все лады, так чтобы все её изгибы и сплетения залегли прочно в голове и могли быть снова пройдены наизусть, без помощи письма. …Дойти до этого обычно невозможно без продолжительной работы. Затем, когда прошло наступившее утомление, требовался часок полной телесной свежести и чувства спокойного благосостояния – и только тогда приходили хорошие идеи. Часто… они являлись утром, при пробуждении… Особенно охотно приходили они… в часы неторопливого подъёма по лесистым горам, в солнечный день. Малейшее количество спиртного напитка как бы отпугивало их прочь…»*

Валентина Бендерская

О МУЗА…

Не сомневайтесь, крест Голгофы
весьма надёжный пьедестал!
Л. Дербина

1

На этом балу, как Золушка,
по острым углам теснясь,
а может, как певчий скворушка,
глядящий в кошачью пасть,
смущённо и безалаберно,
скрывая биение чувств,
качаюсь на шаткой палубе,
играя излучиной уст.

И мне устоять на палубе
не моего корабля
так надобно, ох как надобно,
ведь это стихия моя!
Стихия моя стихийная,
живые слова и стихи!
Зачем же песни литийные
под утро кричат петухи?

2

Как наркоман, подсевший на иглу,
подсела на поэзию и гласно
играю в эту смелую игру,
хотя она не менее опасна.

Затягивает в омут языка,
берёт в полон, как чары Бонапарта.
От «ломки» – то ли бунт, то ли тоска
пугает, как кармическая карта.

Тропой Морфея ходит по ночам,
по закоулкам сна и сновидений,
и раздирает, во весь глас крича,
утробу мозга нерождённый гений,

не ведающий, что отныне строфы,
стократным эхом в небе отзываясь,
вернутся наземь, где стоят голгофы,
куда крест будет несть не озираясь.

3

Оксане Шимановской (Семенюк)

Стихи мои поют без нот,
по слуху, наугад, на ощупь…
Из сердца жизнь их достаёт
и устилает, словно роща
листвой в осенний солнцепад
уставшую от родов землю, –
мою судьбу. Локрийский лад*
щемит в словах… их звукам внемлю.

А может, им дано поднять
такие атомные взрывы,
что дух безверья двинет вспять,
вскрывая Вечности нарывы?!

*Локрийский лад – особый музыкальный лад, характер музыки в котором более драматичный, трагедийный, даже демонический…

А может, им дано мести
конюшни авгиевы – души,
чистилищем стать для земли,
вбирая глупость вездесущих?..

И среди тысяч грешных тел
на ощупь, наугад, по слуху,
пока мой стих не омертвел,
я прислоняюсь к жизни ухом,
глазами, сердцем, жилой, нервом…
Лишь в запредельной вышине
в моём свиданье с Богом – первом –
отдамся Вечной тишине.

РАЗЛАД

1

Падаю с той высоты,
куда обречённо ползли поневоле,
в беспутность, на дно суеты,
в морщины земли… Изможднное поле
голёхонько… А седина
стерни прикрывает небритой щетиной
каверны и язвы; она
не мудрствует шелестом силы интимной.
Над нею кружит хоровод
слабеющих в небе сияний зарницы,
как будто, свершая исход,
он ставит печать на последней странице.

2

Ветра зубастая грива
травы полощет игриво
в омуте… Голая ива
бросила платьице наземь,
кинулась в воду в экстазе
с берега. Будто в проказе
небо! В нём тучи-наброски –
грязные пятна извёстки!
Грома удары хлёстки!!!
Рваными бабьими юбками
тень от ореха, обрубками
падают ветки хрупкие!!!
Рвётся, клокочет бездна!!!
Падает, корчась, с небес на
Землю!!! Сама с её дна
я себя достаю…

3

А в голове роятся мысли,
как за шкафами тараканы.
Они озвучивают истин
несуществующих обманы.
Несуществующие боги:
как факт – смирительные тоги
и усмерительные* нормы,
как людоедские итоги.
И мыслей гель, перетекая
из треугольников в квадраты,
приобретает холод Кая,
и льдов несчитанных караты,
и резь, и боль кровопусканья
из-под гвоздей распятья ржавых,
и панихиду отпеванья
под гогот истеричек бравых,
и обвивает шею плетью
из трав, утопленниц томящих,
и, прячась в подполе, под клетью
куёт калек живородящих…
Я эту муть верну обратно
к истокам мерзости обвальной,
пошлю приветствие приватно
всем для молитвы поминальной,
туда, где выросшие в сраме
погрязли в нечистотах мира.
Я выстою: в подлунном храме
мой ангел зрит, чтоб пела лира!

* Усмерительные – от слова «мерить».

ЧЕРЕШНЕВЫЙ ДОЖДЬ

Светочке Бендерской

Зацелованные солнцем
и обласканные ветром,
сквозь листву, как чрез оконце,
тёмно-карие черешни,
как гранаты и рубины,
мне подмигивали оком
чернобровой, круглолицей
хохотушки-веселушки,
здесь гулявшей ненароком.

А веснушчатое небо
перемигивалось в лапах
близ живущей старой ели,
и накачанного дуба,
и калины крутобокой
по соседству… Опекали
плодовитую черешню,
орошающую землю
спелоягодным дождём!

КРАСНЫЕ МАКИ

1

На разрыв аорты – пли!
В двух шагах упал, ты ли?
Не успел укрыться, да?
Будет в сердце птицы льда
айсберга не меньше груз…
Ты – уже двухсотый… Туз –
не червовый – чёрный пик –
над землёй игорный лик!
Над судьбой – оскомой* стяг,
по земле – кровавый мак…

2

Красного мака кровавый цвет
на фотографии, присланной другом,
будто усмешка, от Марса привет
с поля, где смерть пропахала плугом.

Ах, полевые цветы,
разве вы в том виноваты,
что окропляете кровью ланы,
а не цветёте у хаты?..

Линия фронта по сердцу прошла
и раскроила живых по живому.
Падают, падают скорби слова
пеплом стихов – опустевшему дому.

Ах, жгучей правды слова,
разве вы в том виноваты,

* Оскома, оскомина (устар.) – скорбь, тоска, ной, томленье.

что головешкой торчит голова
белой криницы у хаты?..

Красные маки родимой земли
не перестану до смерти любить я.
Алым цветком, где сыны полегли,
встанут стеной из могил мои братья.

Ах, полевые цветы,
разве вы в том виноваты,
что окропляете кровью ланы,
а не цветёте у хаты?..

3

Ушедшие в Ирий

Незабудки-синеглазки,
как из выдуманной сказки,
как из дьявольской легенды,
где в избытке чёрной краски.
Незабудки-синеглазки…

Незабудки-кареочки
из той – невозврата – точки,
за которую в ненастье
ушли верные сыночки…
Незабудки-кареочки…

Незабудки-чёрны очи,
звёздами с покровом ночи
смотрите с небес на Землю,
корчащуюся от порчи?..
Синеглазки, кареочки, чёрны очи…

СИМФОНИЯ ДНЯ

1.Allegro

Симфонию дня размещу на нотной странице,
Ключ басовый – звукам раската и гула.
Ключ сопрановый всё же достанется птицам,
А скрипичный – на радость скрипенью стула.

2.Hora

Пять долей – угловатая форма танца:
По ногам бьёт, по уху прямой наводкой,
Древнестойкая хора горячего сланца –
Дружба врозь с чеканной военной походкой.

3.Can Can

Доли две – вроде маятника фортуны:
Одна – пресс, а пинок, подзатыльник – вторая;
Туча чёрная – тьма воронья, словно гунны,
Пролетит – на том месте появится туча другая…

4.Rondo

Рондо – в мере трёхдольной забавы немного.
Хочешь, нет – возвращаешься словно белка,
Словно поп про собаку с упорством больного,
На исходную… и не догонишь стрелку.

(Modulatio)

В партитуре зияют пустоты и дыры…
Даже Моцартом можно убить: Сальери
Не воскреснет как Феникс – ушам простодыры
Чёрно-белые только понятны трели.

5.Coda

Вот и кода. Не надо фанфар, канонады,
Без фортиссимо я обойдусь, быть может,
А пиано – хочу… И губной помады…
Знак «фермата» – на гладкой и свежей коже…

ПРОСТИ, ИЗМУЧЕННАЯ ПАМЯТЬ…

1

Какое красивое слово «февраль»!
Звуков округлость, как чувства вуаль.
И жаль! Ох как жаль, что февраль
забрал… подарил… вновь забрал…
Ах как жаль!

Он – словно сверкающий блеском хрусталь,
цветущий миндаль и зеркал вертикаль,
стоический рыцарь зимы – Парсифаль –
и жизни моей мой Священный Грааль.

И воет, и бредит угрюмый февраль,
стомножит объятья тоски и печаль.
Не жаль. Ах не жаль! Но февраль
ужалил! Притих. Вновь ужалил!
Как жаль…

2

Мир приходит через глаза,
через губы, руки и тело…
На реснице застыла слеза –
это боль отомстить захотела.

Поцелуй на засохших губах
с той поры, когда я любила, –
обветшалый и тлеющий прах,
ласк и нежности бренной могила.

Опираются руки на зыбь,
ощущая времени шаткость.
Тело, словно болотная выпь,
погружается в жизни усталость.

Мир затягивает поясок,
невзирая на пришлых и здешних…
Разделяет всего волосок
праведных и грешных.

3

Прости, измученная память,
моё насилье над тобой,
набила столько всякой драни,
что стала драною сумой,
и, как в кумирню, напихала
божков земной величины,
опричь уваженных мольфаров*
из постовой Галичины.

Приговорённая к погосту
извилин мозга, как сыскной,
ты рыщешь в закоулках косных
и подвываешь фистулой.
Безбожный прародитель мыслей –
в них боль достигла высоты
бесплодного исканья истин!
Бесполая, хоть «дама», – ты.

* Мольфар (укр.) – человек, который, как считается, обладает сверхъестественными способностями, носитель древних знаний и культуры.

НЕСТЫКОВКА

Ты влюбил в себя в прошлой реальности.
Ну, а здесь я тебя познаю
В окруженье такой же банальности!
В первозданном, как рай, краю
Задыхаюсь я здешним воздухом,
Хоть он свеж и стерильно чист,
А ты – там городским размахом
Был стеснён, увядал, как лист.
Обвинили меня в предательстве,
Что оставила твой порог.
Знать, начертан в богоиздательстве
Атлас жизни разных дорог,
Где наши пути только сходятся
На единственной букве «л…»,
А слёзы безудержно просятся:
Вот нашей любви предел.
Не кори обещанием верности.
У предательства мера одна:
Оставить больным и в бедности,
Исчерпав чьи-то силы до дна.
Ну а я ушла незамечено.
Ложью незачем дух ободрять.
И делить нам ещё было нечего,
В сумме – нечего было терять.

А КАК БЫ НАЗВАЛ ЗАРАТУСТРА?

1

Мы встретились утром туманным
На гибком и шатком мосту,
Над водным виденьем стеклянным
С рисунками оттиском рваным,
Плакучему внемля листу.

Кипучие тайные страсти
Подавлены кодексом прав
И обязательств злосчастных:
Контроль порывов прекрасных –
Горше горчайших отрав.

Мной погребённые чувства
Во лжи театральных фраз
Как бы назвал Заратустра –
Добром или злом?.. Но уста́
Любви дали имя – блажь.

2

Зацвели на небе хризантемы белые…
У израненной любви шаги несмелые.
А слова его любви замысловатые
Запинаются за возгласы горбатые.

Ночью в небе распустились цветы дьявола!
У напуганной любви листва привялая.
Неуклюжие слова его с зазубриной
Оседают нестерпимою зарубиной.

Зацветёт ли в сердце снова квитка алая?..
У неверящей любви поступь усталая.
Блёклой шорохи любви – шероховатые,
Как хрусты рукой топорною размятые.

А в небесах стрелой летят соцветья юкки!
С ним тосковать вдвоём – так лучше быть в разлуке.
Слова любви его, как дождик испарившийся.
Нет, не раскроется бутон нераспустившийся.

3

Обиды не помню. Сама обижала,
Колола словами больнее кинжала.
Отмщенья не надо – жизнь так отомстила!
Такого бы и для врага не просила.

Со злом и с добром всех, кого вспоминаю,
В незримых объятьях к себе прижимаю:
И бывших, и будущих, и настоящих,
Роман под названием «Жизнь» мне дарящих!

ПОДВЕДЕНИЕ ЧЕРТЫ

1

А у нас с тобой затишье.
Между нами вновь – ничья…
Я шагаю еле слышно
В одиночестве дождя,
В одномерности незримой,
В невесомости пустой,
Единицей, не коримой
Ни другими, ни тобой.

2

О вопль женщин всех времён:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»
М. Цветаева

Вчера ещё тебя ждала,
Твой поцелуй, твои объятия.
А нынче взгляд свой отвела:
В нём холод неприятия.

Ни пульса, ни слезы во сне,
Ни сока сада спелого…
Мой милый, что ты сделал мне,
Что я – окаменелая?

Любовь – подарок дорогой –
Не каждому дарована.
Мой милый, сделал что со мной,
Что я разочарована?!

3

Небо чистое, как слеза,
Как бывают твои глаза
Озёр голубей…
Полёт голубей,
Виденье стрекоз –
От боли вчерашней наркоз.
Душу пробило свинцом
С языка твоего – словцом –
Тетивы лука!
Слезой от лука
Умыла лицо?.. –
Снимала с пальца кольцо…

4

Да, видимо, это была любовь –
Иная, больная… Как знать?
Впервые за многие годы ты вновь
Заставил меня страдать.
Впервые за годы безбрачия вновь
Потеря былая страшна –
Души пустоцвет опылила любовь,
Что завязью тел не грешна!

5

Я любила тебя.
Я тебя отдирала со шкурой:
Прирос ты к костям
И прирос к моему нутру…
Любовь я свою
Схоронила зимою хмурой:
В Валентинов день
Она не пришлась ко двору.

Я любила тебя,
А за что, ты спроси – не отвечу.
За тобой шла на запах
Средь тысяч… собакой, берущею след…
Господь мне послал
Ту нежданную – столь долгожданную – встречу
Бессонных ночей,
Длиннее, чем год быстротечно бегущих лет.

Я любила тебя…
Развалины крепости, рухнувшей не в одночасье,
Чёрным снегом печали
Февральской пурги роковой замету.
К печати вдовы,
Скорбью вышившей белое бальное платье,
Добавился траурный плащ –
По любви, что в себе незаметно ношу.

6

Услышала в ответ: «Нет, не нужна…»
Смолою раскалённой на закорки
Боль полилась от этих слов-рожна,
И утащила радость на задворки!

Дышать, казалось, больше не могу,
Обмякшими вдруг стали руки, ноги,
А позвоночник, скрючившись в дугу,
Стучал, как бьют о мостовую дроги.

Гугнивые литании нытья
Оскомину набили, затупили
Чувств оголённых остриё копья.
В отчаянии любовь ту зарубили!

Приветствует тебя, потухший зрак.
А ты теперь хотел бы всё вернуть?!
Остуда смяла драгоценный злак,
Через каверну рук не протянуть.

Чувств сокровенных больше не отдам
На поруганье практике натужной:
Счастливей всю себя отдать стихам,
Чем ощутить любимому ненужной.

7

Лимонный зрачок с поволокою
Мигает с печалью глубокою
И тенью своей кривобокою
Повязку надел на сирень…

Забилась под корку мигрень,
Залезла под череп запаянный
И бродит там, как неприкаянный,
Как раненый зверь ископаемый,
Как старый солдат –
От боли утрат…

ЭСКИМО В ШОКОЛАДЕ

1

Говорим мы с тобой на одном языке
И никак не понять нам друг друга!
Утомлённые полем, на борозде,
Но по разные стороны плуга.

Всё! Уже не хочу я впрягаться ни с кем
Ни в арбу, ни в мажару, ни в сани!
Я способна сейчас быть попутчицей тем,
Кому грешно устраивать бани!

Кому больше не нужно полоть сорняки
И таскать удобренье мешками,
С молока кто уже собирает вершки,
Запасён на всю жизнь корешками!

И посмейте меня в нелюбви обвинить,
В меркантильности выгоды ради!
Отработала всем! И хочу ощутить:
Это как эскимо в шоколаде?!

2

«От работы кони дохнут!» –
Ну а я ещё живу:
Значит, баба я, не лошадь –
От работы не умру!!!

Наша русская бабёнка
Сотни лет из года в год
И коня, и мужичонку
На своём горбу несёт.

Ничего не изменилось:
Всё, как шло, так и идёт –
На коне, что обуздала,
Как ОМОН, в избу войдёт...

И когда ж той бабе бедной
Маникюр и педикюр
Навострить, и быть невредной,
И одеться от кутюр?

Что ж, решайте, наши хлопцы,
Что хотите вы от нас:
Или вишню в шоколаде,
Иль давно прокисший квас?

3

Он!
Она!
Он – самец.
Она – сама.
Он – отец подпольный.
Она – истец невольный.
Он – раб своих пороков.
Она – раба всех роков.
Он – семени сеятель.
Она – исполнительный деятель.
Он – повеса.
Она – завеса.
Он – ....?
Она – ....?

4

И да, и нет.
И тьма, и свет.
И жизнь, и смерть –
ЮНОСТЬ.

Ни да, ни нет.
Ни тьма, ни свет.
Ни жизнь, ни смерть –
СТАРОСТЬ…

ЗАПАХ

Светлой памяти Леонида Колганова

1

Мысли твои выдают твои руки.
Если бы ты это знал,
Прятал бы их хоть в перчатки, хоть в брюки,
Или совсем оторвал!

Душу твою я читаю в глазах твоих.
Если бы ты это знал,
В чёрных очках ходил, не снимая, в них
Даже и ночью бы спал.

Губы кричат о твоём настроении.
Если бы ты это знал,
То бы с утра и до позднего времени
Нежно меня целовал…

2

Солнце склонило голову,
И вечер накинул на плечи
Тень мягкую цвета олова.
Впотьмах закурили печи.

Прикурили от солнца и окна.
Тишина разлилась по небу…
Облака после дня трудового
Поползли на свиданье к соседу.

Шар земной, на клочке глазу видный,
Погрузился в спокойствие ночи.
Я целую твои губы,
Ты целуешь мои очи…

3

Стерильный воздух! По дождю
он тосковал в поту солёном!
Нос в испарении слоёном
купается, как хлеб в фондю!
Фонят густые ароматы!
Намедни, выдержав напалм
Перуна, разрядил накал
алхимик, втиснутых в трактаты,
эссенций, вытяжек, тинктур
миндаля, мяты и гвоздики…
Благоухающие крики
муската, пряностей, приправ
амбре окутывают тело.
Но лишь один волнует кровь:
вдыхать твой запах вновь и вновь
из тысяч с жадностью хотела б!!!

4

Это счастье, когда с тобой рядом
Твой человек.
Даже если он не похож
На нынешний век.
Даже если его штаны
Скроены не по моде.
Даже если его типаж –
Абстракция в своём роде.
И вслух мысли гласит языком –
Нестандартным совсем.
И суть, глубина их, понятна
Вовсе не всем.

Он – редкая птичка лесная
В урбане теней,
И злит необычностью массу
Обычных людей.
Да пусть говорят: «Посмотрите,
Так он же больной!»
Но как интересно мне всё же
Рядом с тобой.

АЛИЯ*

1

На полном лету гнездо бросила
И в омут неведомый бросилась,
А он не посмел проглотить меня,
Ненавидя, смеясь и кляня!

Ненавидя за поступь гордую,
Смеясь над заморской породою,
Кляня, что, как камень брошенный,
Всколыхнула всю тину со дна.

Не судила... Судьбу свою – стряпчего
На манер на свой переиначила,
Отстояла и поступь гордую!
Благодарна тебе, Мать-Земля, –

У тебя я училась стойкости!
Нанизала на нитку все колкости,
Что не стали терновым венком моим,
А лишь закалили меня.

2

Приютила нас Земля обетованная
В лихое время, когда родина была
Больна болезнью затяжной, да и объятия
Свои разжала, не держала, не звала.

* Алия (ивр. буквально «подъём», «восхождение», «возвышение») – репатриация.

Слова певучие и песни прераскатные
Кидала в море с берегов, и хромо-фон,
От умиленья плача в вечера закатные,
Ловил хмельной Нептун на свой магнитофон…

Я подарила б ему дирижёра палочку,
Чтобы он создал хор русалок и сирен,
С подмогой чаек, соловьев, стрижей и ласточек
Воспеть поэзию украи́нских пісень.

И долетели б эти звуки до Украи́ны,
Напоминая обо мне с Святой земли.
И не смотря, что я живу как на окраине,
Пока кровь бурную пески не замели.

ПЛАЧ ИЕРЕМИИ*

Всякий раз, когда читаю … слёзы льются сами собой… и я плачу с плакавшим пророком.

свт. Григорий Богослов

1

В полнеба крылья распластал
Огромный белый лебедь –
В Иерусалимском голубом
Мне помахал своим крылом,
Как будто притчу о былом
Хотел скорей поведать.

Иерусалим – что магистраль
Сознанья в людской доле.
А он гудит у ног, как вал,
Обрушивая шума шквал,
Давно забыл, что святость дал,
Что избран Божьей волей!

Но почему такой восторг
И трепет бьётся в сердце?..
Откуда магия идёт,
Откуда сад в душе цветёт?
Паломников потерян счёт
У врат небесной дверцы.

Иерусалим не камень – град,
Иерусалим такая вечность,
Что прорастает из канав,

* Иеремию все знают как плачущего пророка.

Из грязи, мусора – стремглав,
Своею смертью смерть поправ,
Дал жизни бесконечность.

2

Я гуляла б ещё, не жалея сапог,
по твоим мостовым (до седьмого…)
с куполами мечетей, церквей, синагог,
город белый из камня немого.

Он бы мог рассказать: столько крови лилось
по суглинку, булыжникам острым,
что стать должен был красным. От пота и слёз
полинял молчаливым погостом.

Он бы мог рассказать, но должны заживать
раны в душах, сердцах у народа.
Ковырять их – идея опасна, и рвать
клок земли – не позволит природа.

Этот клок примет всех под обитель свою,
только в этом ли жизни затея?
Пусть под небом твоим храмы вечно поют,
лишь бы камни златились, старея.

ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА ДЛЯ МИРА И ЧЕЛОВЕКА

Слово творчество – однокоренное со словами творец, творить, что означает созидать, создавать, строить, т. е. действовать. Если рассматривать творчество как действие, то сама жизнь является творчеством, и тогда каждый человек – творец, как говорится, по образу и подобию… Он творит, создаёт, созидает!!! И тут возникает ряд вопросов: а каждое ли созидание есть творчество, и есть ли необходимость и смысл в любом творчестве? Творить – это непреодолимая потребность или обременительная обязанность? И что важнее: процесс или результат творчества? И всегда ли есть необходимость у общества в творчестве его членов? Можно ещё поставить много вопросов о творчестве и его значении для мира и человека и, отвечая на них, написать целую диссертацию. Но все ответы будут неоднозначны и противоречивы.

Из моих наблюдений только в сфере литературы и искусства могу отметить, что существует несметное количество стихов, песен, музыки, картин, предметов декора, украшений и т. д. совершенно никому ненужных, которые никогда и никем не были и вряд ли будут востребованы. А ведь это творчество! Однако, как мне думается, в мире нет ничего случайного и ненужного, всё существует для чего-то, взаимосвязано и взаимодополняемо. В связи с этим хочу привести выдержку из письма Натальи Шишкарёвой ко мне, где речь идёт о поэте Леониде Колганове: «Я всегда вспоминала гениальные (не побоюсь этого слова) Лёнины соображения, записанные некогда тобой на камеру и показавшиеся мне сначала парадоксальными. Это я о Лёнином высказывании,

что учиться надо на слабых стихах. Действительно, читая не очень совершенное чужое и видя слабые места, и понимая: почему они слабые – сразу начинаешь видеть эти же огрехи в собственных "произведениях", которые раньше ты сам "пораженье от победы" не сумел отличить, ведь пишешь-то о наболевшем и вроде бы сердцем, а не ручкой шариковой, о техническом несовершенстве и прокравшейся в стих скучной банальности даже не подозреваешь, так как это твое, кровью написанное. А через чужое и свои ошибки лучше видятся. У меня так было не раз. Лёня был очень неординарен во многих аспектах, а не только в стихах. Думаю, что мне очень повезло в жизни, что я имела возможность с ним лично пообщаться, а не только слушать о нём со слов старых друзей. Его мысли и оценки всегда были интересны и важны».

Еще древних философов *восхищала человеческая способность творить. Одни считали ее даром Божьим. Другим такая особенность казалась проклятьем. Не было лишь равнодушных.*

«Искусство нам дано для того,
чтобы не умереть от истины».
Фридрих Ницше

«Творчество – дерево жизни.
Наука – дерево смерти».
Уильям Блейк

«Творчество людей – зеркало для их ума».
Джавахарлал Неру

«Пространство – это дыхание искусства».
Фрэнк Ллойд Райт

«Этот мир – всего лишь холст
для нашего воображения».
Генри Дэвид Торо

«Творчество – настоящий подвиг,
а подвиг требует жертв».
Василий Качалов

«Истинное произведение искусства – это лишь тень
божественного совершенства».
Микеланджело

Альбина Гарбунова

MERSIBURC CIVITAS

Человек создан по меньшей мере странно: не сидится ему на месте, всё стремится куда-то подальше уехать, чтобы нечто особенное увидеть. Это я не о вас, а о нас занудствую. Мы с мужем полмира в поисках достопримечательностей исколесили, а то, что сами живём в городе, от истории которого аж дух захватывает, как-то не замечали. Нет, ну знали, конечно, кое-что, но вот так, чтобы бегать по городу с фотоаппаратом, делать сотни снимков и при этом замирать от восторга, – вот этого точно не было. Так бы, видимо, это и дальше продолжалось, если бы не переехали мы в другой дом. Подошла я в первый же день к окну и увидела прямо напротив стену бенедиктинского монастыря, заложенного ещё в одиннадцатом веке. «Всё, – решили мы, – пора отправляться на экскурсию по Мерзебургу».

Первым объектом и самым, кстати, старым был, разумеется, монастырь (Petrikloster). Точнее то, что от него осталось. Хотя, учитывая, как давно он построен, и то, что город за это время много раз подвергался разрушениям, пожарам и бомбардировкам, от него очень даже много чего осталось. Стены и крыша у монастыря в полном составе, и на фасаде плакат-обещание в обозримом будущем начать реставрацию. Видимо, к тысячелетнему юбилею хотят успеть. Хотя, что тут на табличке написано? Ах, оказывается, здесь и раньше, уже в начале девятого века, было строение, а уж на его фундаменте в 1091 году заложили монастырь. Рядом крепостная стена идёт, да настолько старая, что между камнями уже деревья выросли. Постойте-постойте, так ведь это и есть место самого древнего поселения, кото-

рое в 830 году упоминается одним полководцем в летописи как «Mersiburc civitas». И пока муж щёлкал фотоаппаратом, я прямо лопалась от гордости: эк, куда нас судьбина-то занесла!

И что замечательно, название ведь за двенадцать веков не поменялось. Ну разве что civitas город теперь, как говорится, по умолчанию. Впрочем, может быть, и в девятом веке это важно было только для полководца: дескать, опасаться нечего, поселение не военное, можно брать голыми руками. Такая лафа, правда, продолжалось недолго. Уже в 919-ом году Мерзебург стал резиденцией основателя династии Оттонов короля Генриха I (Саксонского), который особым миролюбием не отличался и в 933 году в битве при Риаде изрядно потрепал венгров. Его наследник Отто I (Великий), которого в 962-ом году короновали в Риме как первого короля Священной Римской Империи Германской Нации (первого рейха), пошёл ещё дальше: он поклялся перед Богом основать в Мерзебурге епископство, если разобьёт венгров в пух и прах. И в 968 году Отто I свое обещание выполнил: и решительную победу под Аугсбургом одержал, и епископство создал. Но об этом чуть позже. А сейчас посмотрим, что же там за старой стеной находится?

А там на высоком холме романская церковь Св. Вита (St. Viti). Приблизительно одного с монастырём возраста, но сохранилась значительно лучше, в ней летом даже службы проводятся. Вокруг церкви – самое старое городское кладбище. Кое-где ещё есть плиты с датой, написанной латинскими цифрами, например, MDCCXXXVIII-MDCCIXVII. Кажется, 1738-1797 полу-

чается. Вот как только напряжешься пару раз, чтобы из целой груды букв сделать что-то вразумительное, обозначающее годы жизни погребенного здесь человека, так сразу же начинаешь ценить удобство арабского изобретения.

От монастыря поворачиваем направо и через двести метров уже стоим перед симпатичным барочным строением. Называется оно Obere Wasserkunst. Таким вот красивым словосочетанием – «верхнее искусство воды» – назвали в давние времена обыкновенную водонапорную башню. На табличке читаем, что построена она в 1738 году Иоханном Хоппенхауптом. Вместе с ещё одной башней, которая находилась внизу у реки и до наших дней не сохранилась, снабжала она водой расположенный вблизи замок. И что уж совершенно неожиданно – теперь это жилой дом. В нём две нормальные современные квартиры. «Как ты думаешь, а что собираются сделать в монастыре в результате реставрации?» – спрашиваю я у мужа. «Может быть, тоже квартиры», – мечтательно отвечает он. «Если так, то я тебе совершенно официально заявляю: „Ухожу в монастырь!“» – шучу я. «Меня не забудь прихватить!» – поддерживает в том же тоне муж, и мы идём дальше.

Однако «дальше» вовсе на значит «далеко». На противоположной стороне улицы стоит красивейшее здание города – Staendehaus. История дома такова. После победы над Наполеоном, страны альянса подписали в Вене заключительный акт, в котором было сказано, что Прусская провинция Саксония будет состоять из трёх округов: Эрфуртского, Магдебургского и Мерзебургского. Центром же, где будет собираться правительство

всех округов на общие заседания, был объявлен Мерзебург. Однако здания, соответствующего столь значительным собраниям, в городе не было, потому решили построить вот этот самый Staendehaus. В нём много залов заседаний, выполненных в барочном и классическом стиле. В пленарном – висит монументальное полотно, на котором Хуго Фогель изобразил Генриха I. Облачённый в рыцарские доспехи, вооружённый трехметровым копьём, сидит он на могучем коне во главе своего войска накануне битвы при Риаде. А поле грядущего сражения занесено снегом – студёным, видимо, выдался март 933-го года...

А прямо напротив начинается соборно-замковый ансамбль. Про Отто I, основавшего епископство, ещё не забыли? Так вот, его преемник Генрих II дело это в 1004 году закрепил решением построить кафедральный собор. И к 1021-му на высоком берегу реки Заале он был возведён и освящён. Чуть позже прямо к собору замок пристроили. Епископом в те времена был родственник императоров и приверженец сильной королевской власти Титмар Мерзебургский. Он, кстати, оставил после себя хронику, написанную на латыни. Эта хроника и по сей день является важным источником исторических сведений. Именно из неё историк и писатель Н. М. Карамзин узнал о киевском князе Святополке и убийстве им своих братьев Бориса и Глеба. Откуда Титмару стало об этом известно? Так ведь славяне-нелетичи тогда прямо за рекой жили. Императора и епископа такое соседство совсем не устраивало, и они откинули иноплеменцев за Эльбу. Правда, ненадолго: в 980 году славяне снова сюда вернулись. В Мерзебурге и ныне есть улица, которая называется Slawenweg, то есть Путь (дорога)

славян. Вот только я никак не пойму, это путь туда или обратно?

Но речь сегодня не о славянах, а о королях Священной Римской Империи Германской Нации, которые в течение X-XIII веков 69 раз вместе со своими свитами жили в замке Мерзебурга. 26 раз здесь проходили имперские сеймы, на которых решались важнейшие политические вопросы. Почему короли не обосновались в замке на ПМЖ? Ну, империя-то была огромной, и везде глаз да глаз нужен. Вот и приходилось правителям мотаться из одной резиденции в другую. Тяжело, конечно, но что поделаешь – издержка профессии. И, увы, не единственная. Военными компаниями в те дремучие годы главы рейха не из бункера руководили, а садились на коня и шли во главе войска. Вот Рудольф Швабский, например, во всех сражениях участвовал и умер не в спальне в окружении чад и домочадцев, а на поле брани. Руку ему неприятель в битве под Мерзебургом отрубил. Император и похоронен в соборе. Бронзовая плита с изображением стоящего во весь рост короля – самое раннее скульптурное произведение в немецком искусстве. Оно датируется концом XI века. А высушенная кисть руки короля иногда демонстрируется в музее, который тут же в замке находится.

В 1188 году король Фридрих I Барбаросса тоже побывал в Мерзебурге. При нём империя достигла своего наивысшего расцвета и военной мощи. Задержался, правда, Барбаросса в замке ненадолго, очень уж в третий крестовый поход вместе с Ричардом Львиное Сердце торопился. Как позже выяснилось, к смерти своей спешил. При переправе через реку Селиф (территория современной Турции) император упал с коня, был под-

хвачен течением и захлебнулся в воде. Почитатели же короля никак не могли допустить, чтобы столь великий человек, к тому же прекрасно умеющий плавать, мог вот так бесславно утонуть, и придумали легенду, дескать, не умер Барбаросса, а спит в карстовой пещере. Ждёт, мол, момента, когда совсем тяжкие времена для Германии наступят. Тогда и проснётся. Нас, конечно, радует, что, по мнению Барбароссы, стране ещё есть куда скатываться. Хотя, с другой стороны, были мы както в тех пещерах, но императорского храпа там не слышали…

Епископской резиденцией замок был вплоть до середины XVI века. Что было потом? 31-го октября 1517 года Мартин Лютер обнародовал свои тезисы, и началась реформация церкви. В 1543-ем епископство упразднили, и через два года Лютер произносил в Мерзебургском соборе свою проповедь уже не католикам, а новоиспечённым лютеранам. С 1656 по 1738 год Мерзебург был столицей Саксонско-Мерзебургского герцогства, а замок герцогской резиденцией. О временах, которые наступили после Наполеона, я вам уже рассказывала. Получается, что и при первом рейхе, и при втором в Мерзебурге вершилась история.

Собор и замок, конечно же, за тысячу лет неоднократно достраивались и перестраивались. Сначала собор был возведён в романском стиле, а при епископе Тило фон Трота в самом начале XVI века его обновили в позднеготическом. В таком виде он находится по сей день. Замок же претерпел преобразования ещё позже и выглядит сейчас вполне ренессансным. Его массивные стены украшены роскошными рельефами, порталами, эркерами. Над ансамблем взлетают в небо семь острых

шпилей. А во дворе в клетке-беседке сидит пара ворон. Вообще-то, вторая ворона тут совсем ни при чём. Это всего лишь подружка жутко важного здешнего ворона-старожила. У клетки вечно туристы толпятся. Дети на птиц смотрят, взрослые читают то, что на табличке написано. А тут история такая, что если по ней фильм снять, ужастик с воспитательным уклоном получится. В деле как раз Тило фон Трота замешан. Пропал у него однажды драгоценный перстень. Епископ, ну совсем как нынешние британские правители, не стал из себя Шерлока Холмса строить и суть дедуктивного метода вспоминать, взял и объявил вором своего слугу. Бедолаге голову-то и отсекли сгоряча. А через некоторое время случилась буря, повредившая крышу замка. Полезли чинить её и в вороньем гнезде нашли пропавший перстень. Оказывается, епископ его как-то на подоконнике оставил. Ну а вороны, сами понимаете, в украшениях толк знают. Епископ за свой «скоропостижный» суд повинился перед Богом и народом, жену и детей слуги до конца их дней обеспечил, а ворона в клетку заточил. Вот и сидит он с XVI века вечным напоминанием о свершившейся несправедливости. А в гербе Мерзебурга с этого времени ворон с кольцом в клюве появился.

Такая же птица, но только каменная, «сидит» и на вольере. Эта – уже вторая. А первую пару лет назад нашли однажды утром разбитой на куски. В газетах высказывались самые разные причины случившегося: от закона гравитации до банального хулиганства. И только местные власти заявили, что они «хайли лайкли» предполагают, чья именно «длинная рука» сбросила и размозжила об асфальт несчастную скульптуру.

Короче, в «деле ворона» как в XVI столетии не было «доказательной базы», так её и сейчас нет. Зато уж в

подлинности ценнейшего экспоната Мерзебургского музея сомневаться не приходится. Я говорю о двух листах волшебных заговоров, написанных в стихотворной форме на старом немецком языке ещё в девятом или десятом веке. Эти языческие письмена находились среди теологических рукописей, вывезенных кем-то из императоров или епископов из Фульды, и на сегодняшний день считаются самым древним памятником немецкого языка. На современный Hochdeutsch это, конечно, мало похоже, однако, понять можно. Вот, например, заговор против вывиха: на старонемецком:

sose benrenki,
sose bluotrenki,
sose lidirenki:
ben zi bena,
bluot zi bluoda,
lid zi geliden,
sose gelimida sin

Он же на современном Hochdeutsch:

Sei es Knochenverrenkung,
sei es Blutverrenkung,
sei es Gliedverrenkung:
Knochen zu Knochen,
Blut zu Blut,
Glied zu Gliedern,
so seien sie fest gefügt.

Что всё это значит? Расшифрую:

Будь то вывих костей,
будь то вывих крови,
будь то вывих конечностей:
кость к кости,
кровь к крови,
звено к звену,
пусть всё будет крепко привязано.

Попробуйте при случае. Может, на визите к травматологу удастся сэкономить.

Пора нам, однако, из музея на свежий воздух, в замковый сад выйти. У него, кстати, юбилей не так давно случился: 350 лет с момента закладки. Деревья с зелёной и бордовой листвой, штамбовые розы, цветущая лаванда, скульптуры, фонтаны, аккуратные газоны, на которых можно посидеть и даже поваляться. А завершает всю эту садово-замковую идиллию роскошный салон, построенный в 1730 году уже известным вам по водонапорной башне Wasserkunst Иоханном Хоппенхауптом в качестве павильона для садовых праздников. В нём и теперь праздники, концерты и выставки происходят. Собор и замок тоже верны своим традициям: в соборе регулярно идут службы и концерты органной музыки, а в замке по будним дням председатель управы со свитой в 400 человек руководит районом.

Территория ансамбля ещё и сегодня во многих местах обнесена высокой каменной стеной. Сохранились угловые башни, красивые ворота. Одни из них называются Кривыми (Krumme Tor). История их весьма интересна.

Про Яна Гуса в школе все слышали. Так вот: Мерзебургский епископ Николаус Лубих, председательствуя в 1415 году на церковном соборе в Констанце, обвинил Яна Гуса в ереси и приговорил его к смерти. Гуса сожгли на костре, а его сторонники в 1419 году начали Гуситские войны, продолжавшиеся пятнадцать лет. В этих войнах впервые в Европе было широко применено огнестрельное оружие. Епископ Лубих, зная, что у него «рыльце в пуху», так перепугался, что тут же приказал стену вокруг своей резиденции (т. е. вокруг собора и замка) укрепить и сделать выше, по углам возвести

башни, построить крепкие ворота. К 1430 году все было исполнено и простояло так четыреста лет. Потом Кривые ворота были разрушены. А осенью 1883 года на территории, обнесённой стеной, расположился военный лагерь. Прибыл и кайзер Вильгельм I. Вот он-то и предложил на месте прежних ворот сделать триумфальную арку. Идея эта очень понравилась народу, и через пять лет из камня сложили арку. Правда, не триумфальную, но и не кривую. Это башня, на которую она упирается, стоит на склоне горы и создаёт некоторую иллюзию кривизны.

Нужно сказать, что старые стены, башни, ворота и оборонительные насыпи в Мерзебурге не редкость. Мы к ним так привыкли, что попросту перестали их замечать. А зря. Что тут на вывеске написано? Совиная башня (Eulen Turm), возведена в 1218 году. А рядом городская стена, которая ещё старше. Или вот эта оборонительная насыпь, сделанная в 1450 году. А вот родоначальника императорской династии Оттонов Генриха I к ней, только в прошлом веке пристроили, в 1933 году, когда Гитлер к власти пришел. Уж не намек ли это? Хотя вряд ли. Насколько велико влияние Мерзебурга было во времена первого и второго рейха, настолько он ничего не значил во времена третьего. Фюрер даже к выборам сюда не заглянул. Зато какие-то «васи» здесь точно побывали. Из какой такой «древней» хроники нам это известно? Да из «автографа», оставленного ими на стене насыпи.

Если повернём сейчас налево и перейдём по мосту через Заале, то окажемся прямо перед церковью Св. Фомы (St. Thomae). Вы, конечно, ещё держите в голове, что в 1188 году в резиденции жил Фридрих Барбарос-

са. Так вот, он не просто здесь перед Крестовым походом прохлаждался, а заложил на новой торговой площади базилику. Самое замечательное, что она до наших дней сохранила свой первоначальный романский стиль. Её никогда не перестраивали, но в конце прошлого столетия основательно отреставрировали, так как пол за восемь веков ушёл от первоначального уровня порядочно вниз.

Судя по названию улицы, в стародавние времена на этом месте была Новая торговая площадь. А что на торговой площади самое главное? Правильно: церковь, ратуша и фонтан. Душу спасти, светские дела решить и коней напоить. Здесь сохранилась только церковь. Так что повернем-ка мы на Старую торговую площадь. Здесь все атрибуты в полном составе. Городская церковь (Stadtkirche St. Maximi) была возведена значительно раньше, чем базилика Св. Фомы, ещё в конце десятого века. Но в пятнадцатом из романской постройки сделали позднеготическую, а девятнадцатом – увенчали её 74-метровым неоготическим шпилем. Этот шпиль в нашем самом «ошпиленном» городе Средней Германии – высочайший. Ввиду того, что это единственная в городе церковь, имеющая отопление, причём самое правильное (обогреваемые полы), в ней всю зиму идут службы. А ещё в ней устраиваются выставки и концерты. Светская музыка звучит здесь так же часто, как и духовная. Ведь в Мерзебурге очень богатые музыкальные традиции, а концертного зала нет. Зато задействованы все лютеранские церкви и кафедральный собор, зал Садового салона и залы Staendehaus'a. Летом так и вообще проблем нет: во рве, где много веков назад вода текла, строится эстрада и столько рядов скамеек, чтобы аб-

солютно все желающие поместились. А оперы с большим успехом во внутреннем дворе замка идут.

Вернёмся, однако, на торговую площадь, к ратуше (Altes Rathaus), которая на фоне здешней старины совсем юной кажется: построена в конце пятнадцатого столетия. Знаменита она многочисленными епископскими гербами на своём фасаде. Самый последний из них появился здесь в 1692 году.

Фонтанов, источников и колодцев в городе не менее десятка. Тот, что на площади, – не самый старый, сооружен в 1545 году как обычный колодец, из которого черпали воду. Зачерпнул, попил, коня напоил… Но, к сожалению, не только. Когда мостовую перекладывали, рядом с колодцем остатки позорного столба обнаружили. Били здесь в дремучем средневековье розгами и кнутами пока наказуемый сознание не терял. Потом ушатом холодной воды приводили в чувство и продолжали до тех пор, пока «юстиция», заседавшая в ратуше, не сочтёт наказание достаточным. Это уже несколько позже, в семнадцатом веке, из красного песчаника построили вот этот колодец и вверху поставили фигурку Роланда – хранителя справедливости и мира на торговой площади.

Все прежние объекты были очень компактно в историческом центре города расположены. А вот сейчас мы с вами чуть подальше прогуляемся, к руинам Сикстинской церкви (Kirchenruine St. Sixti). Разрушили её не союзнические бомбардировщики, и даже не Шурик. Руины на месте церкви ещё со времен Тридцатилетней войны стоят. Лютеранство в Германии, увы, не только

при помощи проповедей вводилось. Церковь была построена в 1045 году и до начала семнадцатого столетия оставалась католической. Не всех это устраивало, и её сожгли. Всё, что могло сгореть, сгорело. Остальное мы и сейчас можем рассматривать. Единственное изменение, которое с тех времен произошло, – водонапорная башня, сделанная из романской церковной колокольни в 1888 году.

Кроме «набегов» туристов, в руинах раз в году устраивается зрелищное лазерное шоу. Это вообще нынче писк моды. Но «писк» красивый и пробирает до костей, когда нарисованный лазером вещун начинает проникновенным голосом сказывать почтенной публике историю Мерзебурга и читать на старонемецком волшебные заговоры. Жду не дождусь следующего замкового праздника с лазерным шоу. А пока прощаюсь с вами. Не навсегда, конечно. Мерзебург – удивительный город, а мир вокруг – потрясающ, поэтому у меня всегда найдётся, о чём вам рассказать.

Яков Каплан

ИЮНЬ

1

Я тот солдат, что самый первый
упал, исчез в разрывах скверны,
не понял на исходе сна,
что это началась война.
Все так произошло мгновенно…
Ни окружения, ни плена
не пережил, не испытал…
Меня с землей смешал металл.
И лишь из рюкзака тетрадка
стихов, написанных украдкой,
взметнулась в небо. И листы
кружились в нем до темноты.

2

Меня, наивные, искали…
А небо рваными кусками
клубилось гарью на лету
и превращалось в пустоту.
Не видно звезд, надежд и Бога
над искореженной дорогой.
И в свежий, словно рана, ров
останки опадают слов.
Моих невысказанных громко –
стыдливых, теплых, нежных, ломких…
Быть может, я лишь в них живой
зеленой прорасту травой…

АВТОБУС МОЙ – СОРОКОВОЙ

Осознаешь как Божью милость
дней продолжающийся счет.
Пусть! Ничего не изменилось,
и время, знай себе, течет.
И в пять утра на остановке,
сродни машине боевой,
к асфальтовой прижмется бровке
автобус мой – сороковой.
Предчувствий стихнет боль тупая.
Пронзая утро напролом,
мы в новый день, как в бой, вступаем.
И забываем обо всем…

АГАСФЕР

Из нетленных глубинных и призрачных сфер,
как по кругу клубок расплетая веков,
в наш запутанный мир входишь ты, Агасфер –
человек или тень, потерявшие кров.
Чашу яда испить, чтобы грех искупить,
нет, тебе не дано, надо ждать и терпеть.
Как парша, на душе звезд холодная сыпь.
В вечность ты заточен, как в безмерную клеть.
Что Спаситель? Он там. Он из недр бытия
к нам придет и простит мимолетный твой грех.
А пока, Агасфер, мальчик ты для битья.
Вечный Жид, что в ответе всегда и за всех…

ОН, КАК ТА ГОЛУБАЯ МЕЧТА

Вновь проехал я мимо моста.
Дальний берег остался в тумане.
Он, как та голубая мечта,
все маячит, а не достанешь.
Заблудилась дорога в обход.
Безнадежно искать переправу.
Нет силенок, чтоб вплавь или вброд.
Легче просто свалиться в канаву.
На исходе отмеренных дней
постигаешь смешно и терпимо,
как сдувается сущность вещей,
что лавиной проносятся мимо…

ТАМ ЛЕЖИТ НЕ МОЯ ДОРОГА

Ни прозрения, ни признания.
Не надейся, не верь, не жди.
Только знание – как наказание,
стерегущее впереди.
Где-то там, за чужим порогом,
превращений идет колдовство.
Не моя там проходит дорога.
Моего там нет ничего:
Ни наследства нет, ни наследия.
Только шорох карманов пустых.
Просто маленькая комедия
в неумелый мой втиснулась стих…

ЛИШЬ РОБОСТИ УЙМЕШЬ СЛЕПУЮ ДРОЖЬ

У каждого есть своей лесоповал,
в который попадаешь, как в провал,
как в пропасть, как в трясину, как в тупик,
где слово может превратиться в крик,
в кривляние, в гримасу, в выдох, в смех.
Иль выглядеть пушистым, словно мех,
покладистым, таящим горечь, яд,
способным ввергнуть в настоящий ад…
В который, впрочем, ты без слов войдешь,
лишь робости уймешь слепую дрожь…
И, ощущая под ногами твердь,
решишь, что лучше – тлеть или гореть…

ЕЩЕ ЛУЧШЕ БЫ НЕ ЕХАТЬ НИКУДА

Хорошо куда-то ехать без вещей,
да и память безвозвратно сдать в багаж.
И забыть под залпы свежих новостей
то, что прошлое похоже на мираж.
Еще лучше бы не ехать никуда,
жить как будто и раздет ты, и разут,
не вшивать в разброд ушедшие года
на живую нитку швы разбуженных разлук…
Глупых мыслей бесконечный давит смог…
Вновь марая лоно чистого листа,
я прошу: да сохранит пусть Бог
от беспамятства и душу, и уста…

НОВЫЙ НА НАШУ ЗЕМЛЮ НАСТУПАЕТ ХОЗЯИН

Еще ничего не стряслось. Но уже трудно остановиться.
Скоро станет неловко лишнее слова сказать.
Воротим нос друг от друга, в воротник прячем лица
и зачастую даже отводим стыдливо глаза.
Всякое ведь бывает, вдруг из звездных окраин
или глубин, пусть даже совсем не небесных,
новый на нашу землю наступает хозяин
и дает понять, что с нами ему не интересно.
Он до поры до времени жил в каком-то подполье,
приглядывался, примеривался не без терпения.
А теперь вылез наружу и закричал: «Доколе!
Теперь я уже, а не вы – венец творения!..»

ШИКАРНОЙ ЛЮСТРОЙ ОСЛЕПИЛ ВОКЗАЛ

Минувшего в меня вселился гул.
Или призыв. И ожиданья привкус.
И в общем-то преодолимый искус
вернуться с полпути, уйти в загул…
Но скорый сердца ропот заглушал,
заглатывал сомнения и версты…
И под конец все стало очень просто.
Шикарной люстрой ослеплял вокзал,
и прошлое вновь было далеко,
а будущее – непреодолимо…
И сделалось спокойно и легко,
когда прошла ты, не заметив, мимо…

ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ ТАК СТРЕМИТЕЛЬНО ПРОЖИТ

Вечерняя улица чем-то тревожит.
Прозрачного света дрожит позолота.
Еще один день так стремительно прожит,
что я не успел, не додумал чего-то.
Но это не ново, привычно, знакомо.
Дорога слепящими фарами вспорота.
Остановлюсь у соседнего дома
с мыслью, от общего роя отколотой.
Будто я вновь на вокзальном перроне.
Поезда жду – веселый и ловкий,
но взгляд лишь в мельканье вагонов уронен.
Мир катится мимо. Здесь нет остановки.

МНЕ ДОЛГО БЫЛО НЕ ДО СНА

Мы ночью слушали грозу.
Грозя, разя, сбивая ржу
с оцепеневшей мостовой,
метался вихорь дождевой.
Он словно гвозди забивал
в камней расплющенных овал.
Мне долго было не до сна.
И из окна я, как со дна,
смотрел наверх, где молний блеск
метался в небе словно бес.
И холодило лоб стекло.
И было на душе светло…

МНЕ В ПОДКИДНОГО ПОВЕЗЛО

Я выдумать тебя бы мог
и то переплетенье улиц,
где, несмотря на алчный смог,
мы все-таки не разминулись.
Но вспомнился сюжет иной –
с известным привкусом азарта.
Ты там была чужой женой,
и мы втроем играли в карты,
когда, приличиям назло,
я дерзко в гости навязался…
Мне в подкидного повезло,
но в дураках я вновь остался…

ЧТО НЫНЕ ЖИЗНЬ? НЕМНОГО НОВЫХ ПРАВИЛ

Поймешь однажды: в мире все иначе,
чем думалось тебе еще вчера.
И ничего совсем уже не значит,
что жизнь твоя не больше, чем игра,
которой ты себя так долго тешил,
оправдывал, приподнимал, дурил…
Теперь в душе, как от пожара – плеши,
бесплодные, сухие пустыри.
Но ты себя напряг и переплавил,
признав смущенно: да, давно пора…
Что ж ныне жизнь? Немного новых правил,
и все равно – какая-то игра…

И ВЕДЕШЬ СЕБЯ КАК МАЛЬЧИШКА

Выпадаешь вдруг из гнезда –
в неизвестность, в тоску, в промозглость.
Выживаешь. Не без труда
беспокойно играешь во взрослость…
Иногда даже целую жизнь.
Или долго. Нередко слишком.
И земле, и небу дерзишь,
Всё ведешь себя как мальчишка.
А когда до тебя дойдет,
что случается тоже некстати,
предъявляешь судьбе ты счет…
Только кто же его оплатит?

«Если меня спросят, что я сделал
в этом мире, отвечу: я художник,
и я здесь, чтобы жить вслух».

Эмиль Золя

Ханох Дашевский

Отрывок из романа «**ДОЛИНА КОСТЕЙ**» – составной части трилогии «**ДЫХАНИЕ ЖИЗНИ**», рассказывающей о роковых событиях середины 20-го века.

Действие происходит в 1942 году.

Доставшаяся Юде Айзексону комната была, вероятно, одной из худших в одноэтажном, длинном, принадлежащем хлебозаводу бараке. Половину потолка занимало огромное причудливое пятно, образовавшееся из-за протекавшей долгое время крыши. Крышу залатали, но пятно осталось, давая возможность Юде созерцать его, словно картину художника-модерниста, прежде чем перевести взгляд на ободранные грязные стены. Его желание осуществилось: он находился в Илецке, угроза попасть на фронт миновала, но никакой радости это не принесло. Совсем наоборот.

Как и обещала Дарья, её свёкор встретил Юду на станции. Не дав раскрыть ему рта и оставив ждать в станционном зале, старик забрал документы и пропал. Станция была узловой, и в переполненном помещении Юда отчаялся найти место не только на скамье, но и на полу, хотя на мокрый и грязный пол он всё равно бы не сел. Так он и стоял, смутно догадываясь, что остаться в городе не удастся, и придётся ехать дальше, в неведомый Янги-Юль, куда занесла нелёгкая польскую армию Андерса. Прошёл час, Юда изнемогал, но должна была пройти ещё целая вечность, пока Дарьин свёкор появился снова, неожиданно выскочив из какой-то боковой двери.

– Ну, мил-человек, вот тебе документ со всеми печатями и поезжай-ка ты с Богом своею дорогой. Знаю, что ты на Дашку пялился, да не по тебе кобылка. А ты хорош: решил, значит, воспользоваться…

– Зачем вы так? Она не маленькая. Дайте ей самой выбирать.

– Выбирать? Кого выбирать? Такого, как ты, приблудного? Смотри, ежели что! У меня сын в НКВД. Держи свою бумагу, а про Дарью забудь. Не смотри, что вдова. Месяц как похоронку получила, ещё слёз не выплакала. Сирота она, и я ей за отца. В обиду не дам! – повысив голос, заявил свёкор, хотя вокруг были люди. – Заруби на длинном своём носу, что ты ей не пара!

Последние слова старик мог бы и не произносить. Подъезжая к Илецку на дрезине, Юда пришёл к такому же выводу. Теперь его стремление остаться в городе проистекало только из нежелания попасть с поляками на фронт. Айзексон рассчитывал, что свёкор Дарьи, занимавший важную должность на станции, подскажет, что надо делать. Да и сын его мог бы помочь. Но поведение старого железнодорожника не позволяло даже думать об этом.

В армии Андерса, куда Юда вынужден был вернуться, царили антисоветские настроения. Сам Владислав Андерс был боевым генералом и польским патриотом, но ни он, ни его офицеры не хотели сражаться на стороне коммунистов. Даже с захватившими Польшу нацистами. Прозондировав почву, Юда убедился, что его предположения верны. Одним евреем больше, одним меньше – полякам было всё равно, но лучше, если меньше. Они не прочь были демобилизовать Юду, но что скажет советская сторона? Юда хорошо помнил, что попал в польскую армию по специальной амнистии и не хотел снова оказаться в лагере.

Помогли врачи. После перенесённых болезней Юда мало подходил для военной службы. Его комиссовали, и

он уже собирал вещи, когда к нему подошёл Менахем Бегин. Этот нервный молодой человек из Брест-Литовска, руководитель польского Бейтара*, пользовался непререкаемым авторитетом среди евреев армии Андерса. Бегин был в том же лагере, что Юда, – на Печоре. Там они и познакомились. Менахем не стал заходить с тыла. Сухо поздоровавшись, он словно наотмашь ударил Юду.

– Убегаешь, Юдл?

– С какой стати я должен воевать за поляков? – перешёл в контратаку Юда. – Польская армия нужна была, чтобы вырваться из лагеря. Теперь я свободен. Меня комиссовали.

– За поляков воевать? – переспросил Бегин. – Может, и не должен. А за евреев?

– Я в эти разговоры о массовых убийствах не верю. Такого просто не может быть. Я немцев знаю, вёл с ними дела. В тридцать шестом году…

– Значит, ты – последний, кто остаётся при своём мнении, – перебил Юду Бегин. – А мы тут уже оплакали наших близких. В Вильно убивают, в Ковно. Большая часть Рижского гетто уничтожена, в городках и местечках Латвии евреев больше нет. То же самое на всех литовских и польских землях.

– С чего ты взял, Менахем? Откуда знаешь?

– Польское правительство в Лондоне располагает сведениями. Мне об этом в штабе Андерса сообщили. И вот ещё что – это уже не секрет: польская армия из России уходит. И знаешь куда? А вот это уже секрет, но тебе сообщу: в Палестину.

* Молодёжная сионистская организация.

– В Палестину? Поляки? Зачем?

– Под крыло к англичанам. Так что нам с поляками по пути. И ты не глупи. Иди к генералу, скажи, что с врачами не согласен, хочешь на фронт. Андерс такие эффекты любит. А не поможет – постараемся что-нибудь придумать. Мы тебя тут не оставим.

Юда растерялся. Он не знал, что ответить Бегину. Палестина? При чём здесь он? Менахем – сионист, вот пусть и отправляется туда со своей компанией. А ему, Юде Айзексону, что там делать? Хотя… Такой человек, как он, и в Палестине не пропадёт. А потом переберётся куда-нибудь. В Америку, например. Кончится же когда-нибудь эта война.

Внезапно Юде показалось, что он совершает чудовищную ошибку. Палестины испугался? А занесённая снегом Россия лучше? А советские лагеря? Или он не пробовал лагерную баланду? Не подвернись вовремя польская армия, не было бы его сейчас в живых. И где гарантия, что он не окажется снова на Печоре? Или в другом таком же месте, как будто специально созданном для того, чтобы там выживало как можно меньше? Выходит, всё правильно, и надо уходить с поляками. А дети, Дина? Убивают евреев, но те, у кого есть деньги, разве не могут купить себе жизнь? Раньше, при погромах, такое бывало, а он, несмотря на советскую власть, сохранил кое-какие средства. Дина об этом знает. Нет, нельзя уходить с Андерсом, когда есть надежда, что Дина и мальчики живы. Оставаться надо, и будь, что будет.

Окончательно решив, что поступает правильно, и пообещав Бегину, чтобы тот отвязался, обратиться к генералу, Юда весь оставшийся день потратил на то, чтобы побыстрее получить документы и убраться из лагеря Андерса. Назавтра он уже был в поезде, направлявшем-

ся через Оренбург (вернее, Чкалов, хотя многие употребляли старое название) в Куйбышев. Но и в вагоне раздумья не оставляли Юду. Он вновь и вновь повторял, что остаётся в России из-за семьи, и даже себе не хотел признаваться, что виной всему немного раскосые глаза и чёрная коса Дарьи. Не помогали никакие доводы. Юда словно забыл о принятом после расставания с Дарьей решении, о нелёгком разговоре с её свёкром и о том, что совсем недавно думал о Дине. То, что он еврей, только усугубляло и без того непростую ситуацию, но Айзексоном овладело наваждение, и разум тут был бессилен. Поэтому, когда поезд, то бесконечно стоявший на станциях, то неожиданно застревавший посреди голой степи, дотащился до Илецка, Юда знал, что ему нужна Дарья, и только она, а всё остальное – прикрытие.

Состав, в котором ехал Айзексон, на Дарьином полустанке не останавливался. Сойдя с поезда и рискуя попасть под маневрирующие паровозы, Юда перешёл казавшиеся бесконечными разветвлённые пути и стал разыскивать дрезину. Возле одной, стоявшей у ворот депо, крутились люди, и, направившись туда, Юда услышал повелительный окрик:

– А ну-ка стой!

Айзексон обернулся. На него смотрел пожилой железнодорожник в чёрной шинели, в котором Юда безошибочно узнал Дарьиного свёкра.

– Ты что тут делаешь?

Юда растерялся. У него не был заготовлен ответ.

– К Дарье собрался? Тебе что, неясно сказали: держись от неё подальше! А я-то думал, ты понятливый. Неужто сам не видишь? Не молод и роду-племени неподходящего. А главное…

– Поеду к ней, и пусть она решает, – перебил старика Юда. Он словно забыл о том, что свёкор Дарьи и его энкаведешник-сын легко могут загнать человека туда, откуда ему уже точно не выбраться.

– А что ей решать? Её здесь нету. В Челябинске она. В госпитале с мужем, – прищурился старик.

– С мужем? – опешил Юда. – Но он же…

– С ним, с кем же ещё, – подтвердил свёкор. – Жив оказался наш Федя. Раненный тяжело, да ничего! Дарья кого угодно подымет, даже безногого. Понял теперь? Вот и езжай отсюда по-хорошему. Россия большая…

Кое-как пережив потрясение и крах лелеемых в долгой дороге надежд, Айзексон двинулся устраивать свои дела. Из Илецка он решил не уезжать. Надоело мотаться, пора уже было пристать к какому-то берегу. Как демобилизованному по болезни ему помогли с работой, и Юда попал на хлебозавод, бухгалтером в финансовый отдел. С его опытом он быстро разобрался что к чему, на заводе им были довольны, но сам Айзексон чувствовал себя отвратительно. Теперь он думал о том, что зря не согласился с Бегиным и упустил свой шанс. Оправдываясь перед своей совестью, он пытался убедить себя, что только мысль о семье удержала его в России, но перед глазами стояла Дарья, и оказалось, что перед собой лукавить непросто. В конце концов Юда пришёл к выводу, что Бог всё-таки есть. Ещё не зная, живы или нет его близкие, он устремился к другой женщине, хотя прекрасно понимал, что этот степной цветок не для него. Вот и получил по носу! И не только по носу, а по всей исхудавшей, заросшей физиономии!

Была уже середина марта, но снег валил такой, что трудно было передвигаться, и только тулуп – подарок

Дарьи спасал от мороза. Зато на работе было тепло, и, отогреваясь, Юда не сразу расслышал голос начальника – пожилого экономиста Георгия Павловича:

– Юдель! Вас в отдел кадров вызывают!

В отдел кадров так просто не вызывали, и Юда забеспокоился. Он оказался прав. Какой-то тип, явно не кадровик, а из другого известного ведомства, долго изводил Юду расспросами об армии Андерса, интересовался биографией, вертел в руках заключение медкомиссии и закончил, как он выразился, «содержательную беседу» следующими словами:

– Ну ладно! Идите пока.

Удручённый тем, что его положение шатко, и в любую минуту можно ждать ареста, Юда вышел в коридор. Уборщица, безучастно мывшая пол, подняла голову от ведра, и Айзексон обомлел. В молодой женщине, застывшей с тряпкой в руке и смотревшей на него расширившимися от изумления глазами, он узнал Риву, жену Арончика Кауфмана, близкого знакомого, можно сказать, друга, с которым Юда вёл когда-то в Каунасе дела. Рива даже работала некоторое время у Айзексона. Потом ревнивый Арончик что-то заподозрил, и Рива ушла, хотя у неё ничего не было с Юдой. Кроме взаимной симпатии.

Такое могло привидеться только во сне, но это был не сон. И то, что Юда и Рива бросились в объятия друг друга, было так же естественно, как мартовский снег на улицах Илецка.

Разговаривать они не могли. Проходившие по коридору смотрели на них. Юда бросил только одну фразу:

– О моих что-нибудь знаешь?

Лицо Ривы изменилось, губы дрогнули, и это был ответ, которого боялся Юда.

– Я заканчиваю в семь, – почти неслышно сказала Рива. – Подожду тебя у проходной.

Юда плохо помнил, как прошёл день. Свои обязанности он выполнял автоматически, и больше всего ему хотелось, чтобы вечер не наступал никогда. Но он всё равно наступил, этот вечер. Рива жила недалеко, с восьмилетним сыном снимала угол у солдатки Анфисы. Лишь это узнал у неё Айзексон, провожая домой. Рива молчала. Уложив ребёнка, она долго плакала и только потом начала говорить.

Немцы вошли в Каунас 24-го июня, но уже за день до этого власть в бывшей столице Литвы перешла к вооружённым национал-патриотам, входившим в организацию под названием «Фронт литовских активистов», и сразу же начались убийства евреев. В ночь на 24-е Арончик и Рива с ребёнком предприняли попытку бежать, но далеко уйти не удалось. За городом их поймали активисты. Арончика убили на глазах у Ривы, её и сына погнали обратно. Почему не убили сразу – выяснилось потом.

Активисты носили белые повязки. Командовал ими Альгирдас Жемайтис. Это был старый знакомый, хорошо знавший Арончика и Риву, бывавший у них дома и даже выполнявший для Арончика какую-то работу. Увидев его, Рива сразу почувствовала беду, а её несчастный муж так ничего и не понял. Он думал, что знакомство поможет, но Альгирдас, посмеиваясь, убил Арончика, не дав тому сказать ни слова. Той же ночью Рива оказалась в Вильямполе. Там уже бушевал погром.

– Нас с Рафиком швырнули на землю, – со слезами говорила Рива, – прямо напротив вашего дома. Я сразу его узнала, ведь мы к вам приходили. Сначала из окна

выбросили вашу тёщу вместе с коляской. Затем вывели Дину и мальчиков. Увидев мёртвую мать, ваша жена вцепилась в Альгирдаса. Тот отшвырнул её, кажется, ударил в живот… Ох, Юда, ну почему именно я вам об этом рассказываю?! За что мне такое наказание?! Простите меня! Простите!

– За что прощать? – глухо произнёс Юда. – Кто ещё об этом расскажет?

– Потом нас погнали в город. Загнали в гараж. Там… там погибла ваша семья…

– Ты видела? Как это было?

– Я не могу больше говорить! Не могу! – у Ривы началась истерика. Зашевелился Рафик. Показалась полуодетая, испуганная Анфиса.

– Что случилось? Ты чего голосишь? Всех тут у меня перебудишь… – Она схватила одиноко стоявший на керосинке чайник. – Травки тебе заварю. Есть у меня немного, от свекрови осталось. Помогает.

Через полчаса, немного успокоившись, Рива заговорила опять:

– Отделили мужчин, там оказались и ваши сыновья. Молодой литовец из отряда Альгирдаса вооружился ломом. Мужчин подводили по одному, и этот крепкий парень наносил каждому только один удар. Большая толпа литовцев: мужчины, женщины и дети – стояли за невысоким забором. После каждого удара многие из них аплодировали. В толпе были немецкие солдаты. Я находилась недалеко от забора и видела, что даже они с удивлением смотрят на аплодирующих литовцев.

Кое-кто поднимал детей, чтобы те могли получше разглядеть происходящее. Была и другая забава: заливали в людей воду из шлангов, пока человека не разры-

вало на части. Когда подвели ваших мальчиков… – Рива остановилась, ей нужно было справиться со спазмом. – Когда их подвели, на середину двора выскочила страшная, седая, сумасшедшая старуха. Юда, – Рива снова остановилась и, уронив голову на стол, несколько минут оставалась в таком положении, – Юда, это была ваша Дина…

Риве всё труднее становилось говорить. Она замолкала, иногда надолго, уставившись невидящим взглядом в какую-то только ей известную точку. Но даже из этих, не всегда связных, прерывающихся слов Юда узнал, как всё происходило. Макса и Арика убили на глазах у Дины. Когда всё кончилось, и десятки евреев с проломленными черепами лежали кучей у ног юного палача, показался улыбающийся Альгирдас.

– Национальная революция, господа литовцы, – обратился он к столпившимся за оградой зрителям. – Жидовской власти – конец! Слишком долго мы их терпели. Наши добрые князья, Гедиминас и Витаутас, приютили их на литовской земле, дали им привилегии, но разве жиды умеют быть благодарными? Они мастера козни строить и нож держать за пазухой. Когда Советы пришли, они их цветами встретили, русские танки целовали. Теперь эти танки горят у Немана. Сами можете убедиться. Пусть же этот подлый народ ответит за свои преступления! Стасис! – окликнул Альгирдас палача, не выпускавшего из рук лома. – Давай!

Бросив лом и не вытирая окровавленных рук, Стасис отлучился. Через несколько минут он вернулся с аккордеоном. Взгромоздившись на убитых евреев, Стасис заиграл «О, Литва, отчизна наша, ты страна героев…» Обнажив головы, толпа за забором подхватила литовский

гимн. И Стасис, в одиночку убивший четыре дюжины безоружных евреев и нажимавший багровыми пальцами на клавиши аккордеона, тоже чувствовал себя героем. Но после того, как мелодия стихла, все услышали тонкий пронзительный вой. Седая сумасшедшая, разгребая кровавую грязь, ползком подбиралась к куче трупов, где лежали её сыновья. Альгирдас вытащил револьвер.

– Будем милосердны, друзья, – сказал он, разряжая обойму в голову Дины.

Лишь тогда Риве стало ясно, почему она и другие женщины и дети ещё живы. Альгирдас хотел, чтобы все они видели, как убивают их братьев, мужей и отцов. Такое развлечение придумал себе и своему отряду командир литовских партизан Альгирдас Жемайтис.

Рива знала, что скоро наступит её очередь. Она была красива и понимала, что ожидает её перед смертью. Больше всего Рива боялась, что Рафика оторвут от неё, и прямо на глазах убьют. Но борцы за свободу то ли устали, то ли решили отложить следующий этап на завтра, и оставили женщин и детей во дворе гаража. Была середина ночи, когда появился какой-то литовец с винтовкой и, что-то сказав сидевшему в воротах белоповязочнику, подошёл к Риве.

– Вставай! – и так как Рива медлила, рывком поднял её на ноги. – Бери своего змеёныша и двигай вперёд! Шевелись!

В человеке с винтовкой Рива узнала Антанаса Рашиса. Они вместе учились в литовской гимназии. Антанасу нравилась Рива, он даже защищал её от одноклассников-антисемитов. Но теперь, при виде Антанаса она решила, что за ней и Рафиком пришла смерть. Под-

твердение Рива получила, когда охранник у ворот окликнул Рашиса:

– Эй, друг! А ты куда их ведёшь?

Антанас сделал непристойный жест. Охранник расхохотался.

Рива смирилась с тем, что для неё и Рафика всё кончено, да и что она могла сделать? За гаражом в переулке стоял грузовик. Два мёртвых красноармейца лежали рядом. По уверенным движениям Рашиса Рива поняла, что об этой машине он знал раньше. Но зачем куда-то ехать? Изнасиловать и убить можно прямо здесь, у забора.

Дальше всё происходило быстро, как в немом кино, которое Рива смотрела давным-давно, ещё девочкой. Посадив её и Рафика в кабину, Антанас перескочил через забор и скрылся в гараже. Через пару минут он появился с канистрой в руке. Забросив канистру в кузов, Рашис нажал на газ. За городом он сорвал повязку, но не выбросил, а велел Риве на всякий случай спрятать. Из его короткого рассказа Рива узнала, что коммунистом Антанас стал ещё до прихода русских. В 40-м его направили в Биржай секретарём уездного комитета комсомола. В Каунасе оказался случайно – перед самой войной приехал на партконференцию. Уйти с Красной армией не успел и, прикинувшись национал-патриотом, примкнул к Альгирдасу. На счастье, в отряде его не опознали. Машину приметил ещё днём, а Риву…

– Я видел, как убили твоего мужа. Сразу решил, что без тебя не уйду.

Им удалось опередить немцев и проскочить по пустынным улицам Шауляя, где уже не было советской власти. К концу следующего дня они добрались до Риги.

Антанас не бросил Риву и здесь: сумел посадить в идущий на восток эшелон. Ещё не до конца осознав, что ей с ребёнком удалось выскользнуть из цепких лап неминуемой смерти, Рива не могла понять другого: зачем Рашису понадобилось её спасать? Только потому что они вместе учились, и она ему нравилась? Ответ дал сам Антанас. На перроне, сжимая Риву в отнюдь не дружеских объятиях, он зашептал ей в ухо:

– Из-за тебя не женился, Рива. Понимаю, что сейчас тебе не до меня, но ты дождись. Я тебя обязательно разыщу.

После того, что видели её глаза, Рива не могла смотреть на литовцев. Жить с литовцем, даже с таким, как Рашис, лежать с ним в одной постели? После того, как литовец убил её мужа, а другие – сотни евреев? И даже то, что Рашис не такой, что он спас её и ребёнка, а сейчас идёт на фронт сражаться против гитлеровцев, не может ничего изменить. В его жилах течёт та же кровь. Рива промолчала, и Антанас, по-видимому, принял её молчание за согласие. Он улыбнулся.

– Теперь мне будет легче.

Только Риве легче не стало. Ко всем её мукам прибавилась новая. Рива была бесконечно благодарна Антанасу, готова была сделать для него всё, что в её силах, кроме одного: ответить на его любовь. И даже если сможет себя заставить и станет жить с Антанасом из чувства благодарности, ничего хорошего из этого не выйдет. Оставалось только надеяться, что жизнь сама наведёт порядок, расставит всё по своим местам. Пусть сначала война закончится.

Была уже середина ночи, но Юда не мог подняться из-за стола. Он боялся возвращаться в свою комнату,

боялся оставаться один. Словно понимая, а, скорее всего, ощущая женским сердцем его состояние, сердобольная Анфиса вытащила старый матрац, принесла потёртое солдатское одеяло. Но даже будь у него королевская постель, он всё равно не мог бы уснуть. И, лёжа с открытыми глазами, Юда знал, что впереди у него ещё много бессонных ночей. Вновь и вновь он вспоминал, как важничал, чувствуя себя хозяином жизни, как издевательски хохотал, когда Давид, его шурин, прислал сертификат – разрешение на въезд в Палестину. Как кичился перед Диной, несмотря на просьбы подумать об отъезде, не обращая внимания на её заплаканные глаза. Как радовался, когда случившееся с тёщей несчастье сняло с повестки дня этот вопрос. А когда начал прозревать – было уже поздно. И вот наказание: дети и Дина погибли страшной смертью, а ему с этим жить, до конца своих дней оставаться с этой чудовищной виной, которую не искупить. Осознав это, Юда понял, что всё кончено, что никто его больше не ждёт, и ему самому нечего ждать от жизни. И тогда он завыл. Подняла голову забывшаяся неспокойным сном Рива, прибежала разбуженная в очередной раз Анфиса, проснулся и широко раскрыл глаза Рафик, а Юда, ни на кого не обращая внимания и не стесняясь, выл пронзительным и скорбным воем, как выла его жена за минуту до того, как пули Альгирдаса Жемайтиса разнесли её голову.

«Каждое произведение писателя
должно быть выражением приключений его души».

Уильям Сомерсет Моэм

Алла Кречмер

МОЯ ЛИ ТЫ ПОЛОВИНКА

Моя ли ты половинка –
Не знаю я до сих пор.
У нас в волосах сединки,
И твой поредел вихор.

Но столько несовпадений
Во взглядах – на цвет и вкус;
Дуэли различных мнений,
А к ним заблуждений груз.

Давай зачехлим рапиры,
Ведь ссориться нам грешно.
Закончим наш вечер миром,
В бокалы нальём вино.

Поставим хрусталь и свечи,
Погасим телеэкран.
Единственный тихий вечер
Судьбою случайно дан.

Пусть будет она – несхожесть,
Но тяга друг к другу – знак.
Нас бед шлифовал наждак –
Сроднились, срослись мы кожей.

НАБЕГАЕТ ОБЛАКО ПЕЧАЛИ

Набегает облако печали,
Уплывает облако тоски.
Как же раньше мы не замечали,
Что внезапно стали далеки?

Мы с тобой делили дни и ночи.
Души, словно бабочки на свет,
Прилетали. И слова пророчеств
Оставляли в сердце тайный след.

На прощанье не гляди с укором,
Успокойся странной тишиной.
Нас с тобою окружает город
Бесконечной мелкой суетой.

Может быть, среди закатов томных
Позабудем тягостную ложь,
Но мученье от болей фантомных
Молча без меня переживёшь.

ОСЕНИ ВОЛШЕБСТВО

Ранней осени волшебство
Помогает мне стать счастливой.
Ощущаю своё родство
С тёмным лесом и жёлтой нивой.

Переполнены закрома –
Щедрость поля и щедрость сада.
Эта осень сведёт с ума
Высотою последних радуг.

Пожелтевшей листвы река
Потечёт по лесам и рощам.
Набежавшие облака
Прячут солнце в пушистой толще.

И закружится карусель
Листьев, ветра и паутины.
И зацепится стеблем хмель
За манящую кисть рябины.

КОШКА ЦВЕТОМ В ОСЕНЬ

В речке волны листья носят,
Гонят к разным берегам.
Эта кошка цветом в осень
Тихо ластится к ногам.

Вдруг потрётся рыжим боком
И головкою боднёт.
Листопада вышли сроки.
И на лужах первый лёд.

В утлых лодках жёлтых листьев
Уплывает вдаль тепло.
Караван печальных мыслей
Сильным ветром унесло.

Это осень-однолюбка,
И цвета её пестры,
Красит в тон кошачьей шубки
Из сухой травы ковры.

Завтра снова подморозит.
Облака идут стеной.
Эту кошку цветом в осень
заберу себе домой.

СТЕКЛО ЗАПОТЕЛО

Стекло запотело от долгих дождей,
Тоску непогода приносит.
Потёки сливаются в тонкий ручей,
Я пальцем пишу слово «Осень».

И вдруг проясняется дальний пейзаж,
Висящею влагой размытый.
И сорванных листьев последний вираж,
И крон чёрно-белое сито.

Прочерченный тёмной полоскою лес,
Несорванных яблок планеты.
Мне видятся из-за туманных завес
Лишь пятна осеннего света.

И, кажется, знаешь его наизусть,
Тот вид из окна мне знакомый.
Унынье уйдёт, но останется грусть,
Что серым ненастьем ведома.

И вспомнится то, что уже позади.
О нём позабудем едва ли.
Как сорванный лист, моя жизнь улетит
В холодные чёрные дали.

ОСЕНЬ. ЧУВСТВ ПОЛУТОНА

Осень. Чувств полутона.
Изобилье ярких красок,
И природы новизна
Будит сердце, будит разум.

Снова трепетный мотив
Шороха листвы осенней;
Тихий плач прибрежных ив,
И воды речной волненье.

А моя душа в плену
И в гармонии с природой.
Как прекрасно тишину
Слушать даже в непогоду.

А узнать в единый миг
Сердца тайные движенья,
Как понять случайный блик
Полусвета в полутени.

Я С ОСЕНЬЮ УЕДИНЯЮСЬ

Я с осенью уединяюсь –
Камин горящий, кофе, плед.
И с увяданьем примиряюсь,
И с бесконечным бегом лет.

И с тем, что заморозком белым
Легла на косы седина,
А юность птицей улетела,
Вдруг выпорхнула из окна.

Уединение в молчанье,
Где призраки стоят стеной,
И мотыльки былых желаний
Ещё кружатся надо мной.

ТВОИ СЛОВА ВО МНЕ СТИХАЮТ

Твои слова во мне стихают,
И нежность тает, словно снег.
В глазах усталых свет поблек:
Я навсегда тебя теряю.

Капелью падают в забвенье
Отмеренные мне судьбой
Любви последние мгновенья
В смятенье, как перед грозой.

Утешиться пока не в силах:
Твой мир теперь не для меня.
Как отблеск прошлого огня,
Три слова: «Я тебя любила».

Мне разум скажет: «Отпусти»,
До жёсткости рациональный.
Кто может просто так уйти,
Пускай уйдёт дорогой дальней.

СНЕГА ПРОСЕДЬ

На асфальте снега проседь,
Тонких веток кружева.
Уходить не хочет осень,
Уступить зиме права.

Цвета серого засилье,
Трав коричневых штрихи,
Видишь, инея мантилья
На стволе нагой ольхи.

Он не зимний, не осенний –
День короткий, словно всхлип,
И ложатся светотени
В белизне – следов изгиб.

Снова начинают тучи
Из снежинок ткать шелка,
Украшенье ив плакучих –
Дар небес и ветерка.

ГРАНЬ ОСЕНИ И ЛЕТА

Страна моя, я вспоминаю снова
Блаженство светлых предосенних дней.
Ты соткана из света золотого
Небес высоких, убранных полей.

Ещё не осень, но уже не лето,
Ласкает травы тёплый ветерок.
Кругом оттенки красок, чувств и света,
Воды студёность – на зиму намёк.

Сентябрь приходит, словно гость нежданный;
Стучит в окно рябины красной кисть.
А сумерки уже приходят рано,
И падает на землю жёлтый лист.

И таволгой, и терпким иван-чаем
Насыщен тёплый воздух на лугах,
Где мотыльки последние мелькают,
И паутинки тают в облаках.

Как мёд, сладка последняя малина,
И разнотравья запах чуть пьянит.
Пейзаж осенний – родины картины
Моя душа в разлуке сохранит.

Американский исследователь *в области теории личности Гарднер Линдсей выделил свойства мышления, препятствующие творчеству:*

Конформизм – желание быть похожим на другого. Обычно это свойство является основным барьером для творческого мышления.

Цензура, в особенности – внутренняя цензура. Последствия внешней цензуры идей бывают достаточно драматичными, но внутренняя цензура гораздо сильнее внешней. Люди, которые боятся собственных идей, склонны к пассивному реагированию на окружающее и не пытаются творчески решать возникающие проблемы.

Жесткость мышления, часто приобретаемая в процессе школьного обучения. Типичные школьные методы помогают освоить и закрепить известные знания, но затрудняют постановку и решение новых проблем.

Желание найти ответ немедленно. Чрезмерно высокая мотивация на скорость получения ответа часто способствует принятию непродуманных, неадекватных решений. В то же время поиск творческих решений требует выхода за пределы известного, туда, где результат никак не гарантирован, в том числе по времени его достижения.

К этому списку можно добавить также боязнь новизны, лень.

Александр Василенко

НА ПРАКТИКЕ

Курочка Ряба сдала весеннюю сессию… Да-да, та самая курочка Ряба, которая проживает в необыкновенной стране Куроляндии, на окраине небольшого городка, в маленьком дедушкино-бабушкином домике, в уютной комнатке под самой крышей. Как вы знаете, Ряба довольно умная курочка, так что учебный год она закончила прекрасно. Ну, конечно, не на одни пятёрки, как курочка Роза. Но кто же может тягаться с Розой – лучшей студенткой университета?

Считается, что они с Рябой подруги, но вы бы знали, как тяжело дружить с Розой! Иногда кажется, что она смотрит на мир через перевёрнутый бинокль, отчего ей все на свете видятся маленькими козявками… Ряба великодушно прощает Розе её высокомерие, но гораздо охотнее дружит с петушком Током. Он хоть и изрядный балбес, но товарищ надёжный и не раз приходил на помощь Рябе, постоянно влипающей в какие-то истории. Ток тоже сдал сессию прекрасно – исключительно на трояки, но для него и это большое достижение.

Давайте посмотрим, чем же занимается сейчас курочка Ряба. Ага! Она готовится к завтрашнему дню. Завтра у Рябы первый день практики. Ряба погладила белый лабораторный китель и аккуратно повесила его на плечики. Китель, конечно, не новый, но ещё довольно хороший, даже нигде не прожжённый.

Профессор Газ постарался и нашёл Рябе практику в Исследовательской Лаборатории при Большом Предприятии. Это совсем недалеко, можно доехать автобусом. Вот петушку Току не повезло. Они впятером из группы отправляются куда-то очень далеко, кажется, даже

не в соседнюю область! На том же Большом Предприятии, куда попала курочка Ряба, будет проходить практику и отличница Роза, только в конструкторском бюро.

Исследовательская Лаборатория! Вы слышите – как это звучит? Курочке живо представились измученные работой, изможденные петушки и курочки, которые целыми днями бьются над неразрешимыми проблемами. Руководит ими усталый седой профессор, осунувшийся от навалившейся на него страшной ответственности.

«Не покажусь ли я им набитой дурой?» – переживала Ряба. – «Надо будет повторить матричное исчисление, бином Ньютона и теорему Каши. А ещё полистать учебники по минералогии и кристаллографии. Заодно в гидро- и аэродинамику заглянуть!»

Конечно же, ночью нашей Курочке не спалось. В голове крутились самые противоречивые мысли. То ей представлялось, как она хлопает глазами от стыда, что забыла простые дифференциалы, и все усталые сотрудники исследовательской лаборатории качают неодобрительно головами, сокрушаясь: «И это наша смена?!»

А вдруг представилось Рябе, что вся лаборатория бьётся над решением исключительно важной задачи, и даже седой профессор тоскливо грызёт позолоченную авторучку, не находя правильного решения. И тут наша Ряба говорит: «А почему бы здесь не применить матричное исчисление?» Мгновенно все бросаются пробовать, что же им даст на деле изумительная Рябина идея.

«Ряба!» – кричат они хором. – «Да ты же гений! Тебе обязательно нужно прийти к нам после университета! Нам как раз не хватает таких умных курочек!» Под эти

одобрительные крики сотрудников Исследовательской Лаборатории Ряба засыпает…

Утром, однако, она вскакивает задолго до звонка будильника и мчится на автовокзал, где без толку слоняется битый час. Минут за пять до назначенного времени появляется ассистент, а прямо к отходу автобуса – курочка Роза. Она едва кивает головой ассистенту и Рябе, проходит по салону автобуса и усаживается на первое сидение спиной к обоим.

На Большом Предприятии ассистент предъявил в бюро пропусков какие-то бумаги, после чего курочки переступили границу, за которой начиналась первая в их жизни ПРАКТИКА. Здание, до которого они дошагали за какие-то пять минут, было внушительным, но без особых архитектурных изысков. В вестибюле, куда они вошли, ассистент попросил Розу немного подождать, а сам поднялся с Рябой на третий этаж. Не постучав, совсем по-свойски, он вошёл в какое-то помещение, ведя за собой курочку. В комнате с единственным, правда, очень большим окном, размещались четыре письменных стола и какое-то громоздкое растение в кадке. За ближайшим столом сидела худенькая, но отнюдь не изможденная курочка в нарядном платье, три остальных стола пустовали. По комнате взад-вперед расхаживал совсем не худенький петушок. Своей балбесовидностью он напоминал петушка Тока, правда, сильно заматеревшего. «Тоже, небось, зачеты в университете по пять раз сдавал», – решила Ряба.

– Вот, пополнение вам – одна из наших лучших студенток, курочка Ряба, – поздоровавшись, представил Рябу ассистент. – Прошу любить и жаловать! Ну, всё, Лёт, я побежал – мне тут еще одну практикантку пристраи-

вать! – Сунув балбесу-петушку какую-то папку и дружески похлопав его по плечу, ассистент испарился.

– Ага, – сказал петушок, названный Лётом, и открыл папку. – Значит, курочка Ряба. Хорошо… Будем знакомы: начальник лаборатории – Лёт!

Ряба захлопала глазами. «Ничего себе! Так, смотришь, и Ток когда-нибудь в шефы выбьется…»

– Юли, – обратился лабораторный начальник к худенькой курочке. – Ознакомь э… Рябу с техникой безопасности и дай ей какую-нибудь работу.

Юли мигом вылезла из-за стола и повела нашу курочку в смежную комнату. Она выглядела поменьше предыдущей, но в неё были напиханы целых шесть столов и огромный шкаф с бумагами. Один из столов был свободен, за него Юли и усадила Рябу.

Представив практикантку сотрудникам, Юли извлекла из шкафа видавшую виды папку и начала зачитывать из неё отдельные места. Это была очень грозная папка! Оказывается, на Большом Предприятии существует целая бездна всяких ужасных напастей. Будь на то воля составителя правил техники безопасности, он ни за что и никогда не пустил бы ни одной курочки и ни одного петушка на территорию этого опасного заведения.

Юли читала долго и нудно, и, в конце концов, все вредности и опасности смешались и переплелись в голове Рябы в единый, сильно запутанный клубок… К счастью, Юли сама устала от этого чтения, она отложила инструкцию и попросила дородную курочку по имени Люли, дать практикантке работу.

Люли включила на Рябином столе компьютер и вручила ей пачку довольно замызганных листков.

– Будешь заниматься базой данных, – сказала она, – это отсюда – туда, а вот это оттуда – сюда. Смотри, не перепутай!

После чего Люли и Юли покинули комнату.

Для начала Ряба окинула взглядом комнату и лишний раз убедилась, что придуманный ею образ измождённых непосильным умственным трудом сотрудников лаборатории не соответствует действительности: сидящие за столами курочки были по комплекции гораздо ближе к Люли, чем Юли.

А теперь за работу! Едва заглянув в цифры, которые она вносила в базу данных, курочка обнаружила прямотаки изумительное их однообразие: ноль восемь, ноль восемь, ноль семь. И снова: ноль восемь, ноль восемь, ноль девять... Ну как тут не сбиться? Ряба аж вспотела. В конце колонки программа выдала: «Разброс – от ноль семи до ноль девяти, среднее – ноль восемь».

«Ну, – подумала Ряба, – я и без этих подсчётов могла бы написать, что среднее – ноль восемь».

– А я обычно так и делаю, – отозвалась её соседка, тоже колдовавшая над какими-то цифрами, и курочка поняла, что незаметно для себя подумала вслух. Ей вдруг сделалось тоскливо: неужели вот так целый день?!

В это время вернулась Люли, взяла кофейник и отправилась за водой. Вскоре кофейник закипел. Рябина соседка степенно достала бокалы и конфеты. Она бросила свою, наверное, не менее нудную базу данных и принялась готовить утренний кофе. Когда оно было готово, пригласили Юли и Лёта. Курочки заботливо поставили им запасные стулья и вручили бокалы. Курочка Юли была, по видимому, тоже какой-то важной величиной в лаборатории, поскольку за время кофейной паузы

она успела расспросить всех, как идут дела с базами данных.

Начальник лаборатории, нахлебавшись кофе, обратился к Люли, сказав, что надо бы сделать для него выборку из одной базы данных, добавить в неё что-то из другой базы данных и распечатать всё это ему к концу дня. Люли сразу взвилась, объявив, что у неё и так непочатый край работы, и вообще – почему только начальник всю, какая ни есть, работу наваливает исключительно на неё?! Минут пять она препиралась с начальником, пока Юли не взяла инициативу в свои руки.

– Я сама всё организую, Лёт. К концу дня выборка будет готова.

Когда напившись кофе, Юли и начальник ушли, Люли сказала нашей курочке:

– Пойдём мыть чашки! Заодно покажу, где вода – завтра твоя очередь кофе варить...

А после кофе Ряба опять сражалась с базой данных.

Наконец наступило долгожданное время обеда. Курочки одели лабораторные халаты, позвали Рябу и отправились в столовую. В столовой Ряба сразу пожалела, что не последовала их примеру, и не надела китель. В очереди было столько курочек и петушков в изумительно грязной рабочей одежде, что Ряба лишь в конце обеда смогла облегчённо вздохнуть, что каким-то чудом её никто не замарал.

После обеда база данных начала обретать «магические» свойства: она нагло вгоняла нашу Рябу в сон. Неслышно вошёл начальник – петушок Лёт. Он куда-то отправил двух самых тихих курочек, которые, неодобрительно посмотрев на него, молча прихватили огромные папки и неспешно двинулись в путь.

Взглянув на Рябу, петушок Лёт воскликнул:

– Ну как, практикантка?! До обеда борьба с голодом, после обеда борьба со сном?! Ладно, для перемены деятельности спустись-ка в бухгалтерию. Они нам кое-какие документы должны выдать. Скажешь, что ты из триста второй лаборатории. Люли, объясни новенькой, где находится бухгалтерия.

Отправляясь в бухгалтерию, Ряба вряд ли подозревала, что начинается её очередное фантастическое приключение… В бухгалтерии находились всего две курочки. Причем одна из них, как показалось Рябе, тоже была практиканткой. Она очень правильно сидела за компьютером, но смотрела упорно в потолок. Другая яростно ругалась с кем-то по телефону. Увидев Рябу, она прикрыла трубку ладонью, и сказала:

– Посиди, пожалуйста, подожди немножко, – и продолжила дальше своё увлекательное занятие.

В бухгалтерии был один-единственный стул для посетителей. И стоял он рядом со столиком, на котором разместился необычный аквариум. Он был цельнолитой, из очень толстого и тяжелого стекла. Скорее всего, это была какая-то огромная прямоугольная лабораторная посудина, обрезанная сверху. По густо заросшему водорослями подводному миру неспешно прогуливались немудрёные рыбки. Когда-то петушок Ток держал точно таких же. И хотя эти рыбки считались неприхотливыми, у него они то болели, то дохли, то заедали друг друга до смерти. Здесь же обитатели аквариума чувствовали себя вольготно. С задумчивым видом скользили голубые гурами – они, как указками, трогали всё нитевидными плавниками, словно хотели что-то показать или объяснить другим рыбкам. Красные пецилии, как

будто демонстрируя себя, фланировали вдоль толстого стекла. Из кустиков валлиснерии выплыла стайка белых моллинезий.

«Похожи на лаборанток в халатах», – подумала Ряба.

Неожиданно что-то шевельнулось на дне у входа в искусственный грот. Ряба вздрогнула от неожиданности. На неё уставился крапчатый сомик. Он подмигнул ей и по лягушачьи ускакал в дальний угол аквариума.

Наконец бухгалтерша кончила ругаться и обратилась к Рябе.

– Ну что там у тебя, красавица?

– Я из триста второй лаборатории, меня прислали за бумагами.

– Так ты практикантка?! – почему-то радостно изумилась бухгалтерша. – И надолго к нам?

– На месяц, – сказала Ряба смущённо.

Бухгалтерша нашла бумаги и вручила их курочке Рябе.

– Передай начальнику, что если он ещё так поздно будет сдавать данные, то я ему голову оторву.

Наверху, в лаборатории, наша курочка вручила Лёту бумаги, но передавать ему что либо про отрывание голов постеснялась.

База данных терпеливо ждала её. Цифры выстроились, как солдаты непобедимого войска, и безжалостно поглядывали на курочку своими пустыми нулями. К концу дня в комнату ввалились ещё два петушка. Они привезли кучу грязных и мятых бумаг, с которых опять нужно было что-то заносить в базу данных.

Наконец рабочий день кончился, и Ряба, дождавшись Розу, влилась в поток курочек и петушков, направляющихся к проходной. Автобус, отправляющийся в их го-

родок, стоял на своём месте, открыв все двери. Роза захватила место у окна и сразу же уткнулась в запыленное стекло. Вскоре вежливо зашипела пневматика, двери закрылись и автобус тронулся. Мягко шелестели шины, под колеса ложился серый, нагретый за день асфальт.

– Что, тоже весь день базу данных заполняла? – спросила Ряба курочку Розу, до сих пор упорно молчавшую, но смотревшую теперь прямо перед собой.

– Ну и пусть! – отозвалась трагическим тоном Роза и всхлипнула: – Пусть!

– Ты чего?! – опешила Ряба.

– Они заставили меня в их пыльных шкафах убираться!

– А завтра твоя очередь кофе варить? – предположила вещая Ряба.

– А ты откуда знаешь?! – вскинулась Роза. – Я и сегодня уже его варила и чашки мыла, и за булочками в буфет два раза бегала! – И практикантка Роза опять уставилась в окно...

Дома курочку Рябу ждал праздничный ужин. Как же! У внучки первый день практики, приедет замученная, усталая... Не желая огорчать бабушку с дедушкой, Ряба сочинила для них правдивый рассказ про увлекательную, необычайно творческую работу, которую ей довелось сегодня выполнять. Курочка даже сама на себя подивилась – до чего же складно она врёт! Наверху в своей комнатке Ряба спрятала все учебники в шкаф. Никакие биномы Ньютона в ближайший месяц ей точно не понадобятся. А учебника по приготовлению кофе у неё нет, да он и не нужен – тоже мне, премудрость! Курочка села в кресло, раскрыла недочитанный детектив.

Незаметно наступили сумерки, но встать и включить свет было лень. Ряба отложила книгу и стала бесцельно глядеть в окно. Неожиданно створка его скрипнула, и на подоконнике появилась большая птица. Нет, не птица, не птица! Старая Рябина знакомка – первоптица археоптерикс, птицеящерица, выдающийся бессмертный учёный!

– Мадам Кагги! – воскликнула Ряба. – Неужели?!

– Она самая! – раскрыла древняя первоптица свой зубастый рот. – Что-то до сих пор ни каких вестей от тебя не было. Чем ты сейчас занимаешься?

– А... я на практике. Сегодня первый день. В исследовательской лаборатории.

– Ну и много вы наисследовали?

– Да-а-а!.. – курочка Ряба махнула крылом. – Целый день какую-то бестолковую базу данных заполняла.

– Ну, конечно, конечно, что может быть интересного в ваших лабораториях?! Глупостями они там занимаются, – хрипло прокаркала Мадам Кагги. – Вот у нас в исследовательских лабораториях... Да что я тебе рассказываю! Давай слетаем, я тебя с такими выдающимися изыскателями познакомлю!

– Я не умею летать! – с горечью сказала Ряба. – Вы же знаете, наш вид...

– Ерунда! Всё ты умеешь! – безапелляционно заявила Мадам Кагги и, спрыгнув с окна, вразвалку подошла к Рябе. Она опрыскала её с ног до головы из какого-то флакона. – Этот состав увеличит подъёмную силу твоих крыльев, и ты спокойно полетишь!

Ряба встала, прошлась по комнате, помахала крыльями. Действительно! Они гребли воздух, как пропеллеры. При каждом взмахе Рябу прямо отрывало от земли!

Мадам Кагги вспрыгнула на подоконник.

– Полетели-и-и! – скомандовала она хрипло, и стартовала, заложив крутой вираж.

Курочка вывалилась вслед за гостьей из окна. Летать оказалось необыкновенно приятно. Ряба абсолютно не чувствовала сопротивления воздуха, хотя понимала, что мчатся они со страшной скоростью. Путь их лежал на восток, и чем дальше летели они, тем светлее становилось небо. Вот уже показалось и солнце, низко висящее над горизонтом. Внезапно Кагги спланировала на плоскую крышу одинокого белого здания, стоящего на берегу залива. Ряба последовала её примеру. Небольшая, похожая на голубятню, будочка на крыше оказалась лифтом, ведущим в глубь здания.

Вышли они из лифта на первом этаже. Огромный, широкий коридор, уходящий как будто в бесконечность, поразил Рябу. По обеим стенам коридора находились огромные стеклянные двери. За каждой дверью кипела целеустремленная, кропотливая работа.

– Пойдем, – позвала Кагги Рябу.

Они двинулись вдоль коридора. Светлые, полупрозрачные плиты мягко пружинили под ногами. Наконец Мадам завела курочку в просторное помещение. Это был гигантский зал, в котором трудились около десятка лаборантов. Большую часть зала занимал прямоугольный бассейн, дно которого ступенями понижалось, и в дальнем конце его уже нельзя было рассмотреть.

– Здесь исследуют проблемы моря, – сказала Кагги, напустив на себя вид эксперта. – Отсюда есть выход в залив. Не хочешь ли ты посмотреть на подводные лаборатории?

– Конечно, – согласилась Ряба и стала крутить головой, пытаясь найти что-нибудь подобное батискафу.

– Ага! – промолвила Мадам Кагги, – ты, наверное, ищешь какой-нибудь подводный аппарат?! Нам он не понадобится. Мы отправимся прямо так.

– Но я не умею находиться в воде без воздуха! – испугалась Ряба.

– Здесь занимаются исследованиями, – прокаркала Мадам, – а не базы данных составляют. Смотри! – Она взяла с какого-то стола небольшой баллончик. – Я сейчас нанесу на нас защитную плёнку. Она не только защитит нас от воды, но и сыграет роль мембраны, через которую кислород из воды будет поступать к нам в легкие, а углекислый газ отводиться. Этой плёнки хватит на двадцать четыре часа. – Она нажала на кнопку распылителя, и лёгкое облачко из мельчайших капелек опустилось на Рябу.

Капли мгновенно высохли, и Ряба почувствовала, как тонкая плёнка окутала её. Затем Кагги то же самое проделала с собой. Действительно, несмотря на то что Ряба вся была укутана этой необычной плёнкой, дышалось свободно.

– Одень-ка вот эти тяжёлые башмаки, – скомандовала Кагги, – а то сразу всплывёшь.

Ряба послушно обулась, получила большой фонарик и осторожно спустилась в глубину бассейна. Вода была тёплой и приятной. Шевеля крыльями, как плавниками, курочка устремилась вслед за Мадам.

Вскоре они очутились в просторной подводной лаборатории, заставленной неведомыми Рябе приборами. Между ними сновали лаборанты в белых халатах. Кого-то они курочке напоминали. Присмотревшись, Ряба узнала в них белоснежных моллинезий, которыми она сегодня любовалась в аквариуме на Большом Предприя-

тии. Правда, здесь они выглядели значительно крупнее. Одна из рыбок, очевидно, старшая здесь, подплыла к ним и почтительно поприветствовала их.

– Ну, что там у нас сегодня? – строго спросила Мадам Кагги.

– Продолжаем исследования по получению танга.

– Что, уже есть какие-то положительные результаты?

– Да, – ответила почтительно рыбка, – мы получили небольшое количество.

– А что это такое, танг? – не очень тактично вмешалась в разговор Ряба.

– О! Это такой чудесный препарат, госпожа, – повернулась к ней моллинезия. – Из особого вида водорослей мы создали исключительно эффективный эликсир. Сейчас лаборантки изготовят хотя бы несколько грамм, и мы с удовольствием покажем вам на что он годится.

Рыбка отплыла от них в сторону стайки лаборанток и стала что-то обсуждать с ними.

– Пока они изготавливают танг, я отлучусь на минутку в другую лабораторию, – сказала Кагги, обратившись к курочке, – ты уж подожди меня здесь.

– Конечно, конечно, – заверила её Ряба и, когда Кагги удалилась, принялась бродить между диковинными агрегатами. Но чем заняты моллинезии, она понять не могла, а те, погружённые в свои проблемы, не обращали на курочку ни малейшего внимания, как будто её здесь не было вовсе. Рябе стало скучно, она приоткрыла стеклянную дверь и выглянула наружу. Вдаль, насколько позволяла видеть вода, тянулся всё тот же коридор. Тишина и пустота. Вот только у двери лежала какая-то тёмная тряпка.

«Кто её тут забыл?» – изумилась Ряба, впервые встреченному ей непорядку в этом аккуратном и организованном мире.

Вдруг эта тряпка ей подмигнула. Знакомый крапчатый сомик!

– Здравствуй, – сказала вежливая Ряба. – Ты тоже здесь работаешь?

– Угу. А ты, наверное, ищешь Мадам Кагги?

– А что, – спросила Курочка, – ты знаешь, где она находится?

– Она прислала меня за тобой, – важно ответил сомик, – пойдем, я провожу тебя.

– Пойдем, – легкомысленно согласилась Ряба.

Они двинулись по коридору, всё дальше и дальше уходя от дверей лаборатории, в которой Ряба должна была ждать Мадам Кагги. Ряба шла за сомиком и через стеклянные двери рассматривала искусных белых рыбок, упоенно работающих над своими важными проблемами. Коридор кончился. Сомик открыл половинку двухстворчатой стеклянной двери, выходящей в залив.

– Пойдем, она тебя ждёт.

Ряба шагнула вслед за ним, и тут же кто-то набросил на неё сеть. Возмущенная курочка замахала крыльями, пытаясь сбросить сеть, но в результате только сильнее запуталась в ней. Ряба хотела закричать, но клюв её попал в одну из ячеек сети, и она даже не смогла открыть рот. Из темноты выплыли несколько больших сомов. Рыбины подхватили сеть своими толстыми губами и, прижимаясь ко дну, потащили Рябу в глубь залива.

Прошло довольно много времени, пока, наконец, сомы не притормозили у небольшого слабо светящегося

грота. Свет исходил от крошечных морских организмов, обитавших на стенках подводной пещерки. Сомы вытряхнули пленницу внутрь грота и принялись затягивать вход сетью.

– Зачем вы меня притащили сюда?! – возмущённо прокричала им Ряба.

Большой губастый сом подплыл к сетке и прошамкал:

– Ничего мы тебе плохого не сделаем. Вот отдадут они нам танг, тогда мы тебя и отпустим.

– На мне же плёнка, которая действует только двадцать четыре часа! – возмутилась курочка. – Растворится она, и тогда я захлебнусь!

– Это хорошо, – удовлетворённо прогундел сом, – сговорчивее будут.

Закончив свою работу, большие сомы уплыли.

«Нет, я тут сидеть не буду!» – решила Ряба. Она подплыла к сетке и попыталась её разорвать.

В темноте что-то зашевелилось, и к сетке подплыл довольно-таки невзрачный сомишко. Ряба ничего не успела сообразить, как её ударил электрический разряд, и она, кувыркаясь, отлетела к задней стенке грота.

– Что, получила? – проквакал электрический сом. – Будешь теперь знать! – Он некоторое время разглядывал Рябу, потом что-то буркнул и отплыл в темноту.

«Вот дела», – подумала Курочка, – «надо же было так глупо вляпаться!» – Тут она почувствовала, что кто-то под ней шевелится. Ряба взвизгнула и отпрыгнула. Оказывается она сидела на небольшом рачке, которого не задавила только потому, что в воде вес её был много меньше, чем на воздухе.

Рачок потер клешнёй бок и пропищал:

– Да ладно уж. Не пугайся – ничего со мной не сделается!

– Ты что, тут живёшь? – спросила курочка.

– Забрёл случайно. Думал отдохнуть в тишине и спокойствии, ан нет, эти бессовестные сомы здесь тюрьму устроили.

– Они хотят за меня какой-то танг получить, – пожаловалась Ряба, – а на мне плёнка, которая действует только двадцать четыре часа! А я же не умею дышать водой! Ты случайно не знаешь, зачем им этот танг?

– О! – воскликнул рачок. – Танг, как я слышал, это великое дело! Хочешь – он тебе жизнь продлит, хочешь – ума добавит!

– Вот-вот, – кивнула Ряба, – этим сомам не мешало бы ума добавить. Только лучше бы посредством ремня по заднице.

– Ума они не хотят, – тоненько засмеялся рачишко. – Они хотят стать сильными и могучими.

– Ну да, – согласилась Ряба, – я что-то не слыхала, что бы кто-то жаловался на нехватку ума.

– Ну почему же, – возразил её собеседник, – я бы не отказался, если бы у меня вдруг добавилось немного серого вещества.

– И что, – сказала курочка, – танг может тебе добавить мозгов?

– Конечно! – восторженно пропищал рачок. – Танг активизирует те процессы, которые ты мысленно пожелаешь! – Он помолчал. – Слушай! Если я тебе помогу отсюда выбраться, они мне дадут немного танга? Как ты думаешь?

– Не знаю, – пожала плечами Ряба, – Мадам Кагги ко мне хорошо относится, и, думаю, чуть-чуть танга ей не будет жалко.

– Мне бы одного граммчика хватило, – мечтательно произнёс рачок.

– Мечтай – не мечтай, а нам всё равно отсюда не выбраться, – вздохнула курочка Ряба, – возле выхода электрический сом сторожит. Он меня уже разок стукнул током.

– Ну, – рассмеялся рачок, – сомов бояться, в лес не ходить! Этот электрический сом только и умеет, что током биться. А мозгов у него совсем мало. Я его перехитрю!

Ряба пожала плечами.

– В такой темноте я всё равно не найду дорогу в лабораторию.

– А я на что? – снова захихикал рачок. – Слушай внимательно! Этот фонарик, что у тебя на поясе, – он действует?

– Не знаю. Я его не включала.

Рачок сам отцепил фонарик с Рябиного пояса и включил его, для маскировки приставив вплотную к стенке.

– Отлично! – воскликнул он и зашептал с видом опытного заговорщика. – Слушай мой план! Ты снимаешь свои тяжёлые башмаки, ставишь их поближе ко входу. Снаружи их не будет заметно. Сама всплываешь и прижимаешься к потолку грота, тоже поближе к выходу. В этом случае, если сом заглянет сюда, то он тебя сразу и не заметит. Я выстригаю большую дыру в сетке и выскальзываю с фонариком. Когда я включу его и начну им размахивать, ты выбираешься через дыру и затаиваешься поблизости от нашей пещерки. Ждешь меня. Ну, действуем!

Пока Ряба возилась с башмаками, рачок безо всякого шума выстриг в сетке здоровенную дыру. Оглянувшись на курочку, он выскользнул из грота, волоча за собой фонарик, который был значительно больше его.

«Как же я увижу, что он машет фонариком?» – встревожилась курочка Ряба. – «Здесь же под потолком абсолютно ничего не видно». Однако через какое-то время луч света на мгновение мелькнул по задней стенке грота и пропал. Раздалось испуганное бурчание сома, заколыхалась сетка, и Ряба услышала удаляющийся плеск его плавников. Курочка добралась до своих башмаков, быстро нацепила их и осторожно, чтобы не запутаться в сетке, выбралась через дыру. Не успела она сделать и несколько шагов, как где-то вдали сом ударил электрическим разрядом. Даже здесь ощущение было не из приятных. Курочка замерла, прижавшись к грунту. Долго ничего не происходило. Наконец, кто-то потрогал её за ногу.

– Это я! – услышала она шёпот рачка. – Давай побыстрей делать ноги. Подожди, я ухвачусь за тебя и буду говорить куда идти.

– А если сейчас электрический сом вернётся и стукнет нас током?! – испугалась Ряба.

– Пока он накопит на новый разряд, пройдет достаточно времени. А без электричества он один с тобой не справится. Он, скорее всего, поплыл за своими друзьями.

Курочка Ряба немедля двинулась в путь, помогая себе крыльями. «Была бы я рыбой», – с тоской подумала она, – «мы бы за пять минут доплыли». Рачок полагался, видимо, только на обоняние, в темноте он тоже плохо видел. Поэтому, двигаясь в полном мраке по прямой, они

забрели в какой-то густой лес из водорослей. Через пару минут Ряба совсем запуталась в этих подводных лианах и остановилась тяжело дыша.

– Что делать? – сказала она, отдуваясь. – Мы же отсюда и к утру не выберемся.

– Да, – подтвердил рачок, – плохо дело. Вот если бы ты была уткой, то сбросила бы эти дурацкие башмаки и всплыла бы к поверхности. А там гребла бы потихоньку к лаборатории.

– Чем гребла бы? – Ряба оглядела свои ноги. – У меня же нет перепонок на ногах, как у уток.

Они попротискивались ещё немного через водоросли и вскоре совсем выбились из сил.

– Нет, – сказала Ряба, – надо что-то придумать. Давай я действительно сниму эти дурацкие башмаки и всплыву. Мадам Кагги опрыскала меня не только водозащитной пленкой, но до этого и еще каким-то составом, который увеличивает подъёмную силу крыла. Может быть, мне удастся взлететь. Ты сможешь какое-то время продержаться в воздухе без воды?

– Конечно, – уверил её рачок,– я сожму жабры и буду терпеть.

Взлететь с поверхности воды Рябе никак не удавалось. Нужен был разбег. А разбежаться по поверхности воды было невозможно. Неожиданно они наткнулись на дощечку, зацепившуюся за водоросли. Курочка уселась на неё и попыталась плыть, загребая воду крыльями. Наконец, они заплыли в такой густой лес водорослей, что дощечка мёртво встала в густой каше из стеблей и листьев. Ряба приподнялась на дощечке.

– Смотри, – сказала она рачку, – дощечка держит меня! Ну, теперь и ты держись! – Она изо всех сил замаха-

ла крыльями, пробежала по дощечке и дальше, чуть касаясь густой сетки водорослей, и взлетела. Вон и огни лаборатории. Уже осталось совсем немного. И тут Ряба почувствовала, что средство, которым её когда-то опрыскала Мадам Кагги, выдохлось. Крылья перестали её держать. Каждый взмах давался с исключительным трудом. До лаборатории оставались буквально считанные метры, когда она плюхнулась в воду. О ужас! Действие плёнки, защищающей её от воды, тоже закончилось. Перья её сразу же намокли. Она барахталась совсем рядом с лабораторией, погружаясь всё глубже и глубже в воду.

– Сомы! – взвизгнул рачок. – Они ждут нас внизу, возле входа в лабораторию!

– Помогите! – закричала Ряба. – Мадам Кагги!

– Ряба. Ты чего кричишь? – перед курочкой Рябой стояла бабушка. – Давай-ка перебирайся в постельку. А то ты заснула в кресле, и тебе снятся всякие кошмары.

– Ну вот, – сказала Ряба, зевая, – теперь рачок не получит танг и не станет умнее. – Она нахмурилась. – А завтра опять на практику. Дурацкие базы данных заполнять, кофе варить. А еще, может быть, за булочками пошлют!

Ряба перебралась в кровать и прежде, чем по-настоящему заснуть, успела подумать, что глупые сомы всё же остались с носом, а практика – не такое уж и страшное дело, а самое главное – здорово, что есть на свете любимые бабушка и дедушка, которые обязательно утешат, приснись или, не дай бог, случись что-то нехорошее.

«Художник призван нести свет
в человеческие сердца».

Жорж Санд

Юлия Ольшевская

МЕСЯЦ ВЕРЕСЕНЬ

Ну что, крылом укрытый селезень,
Нырнувший в ночь перед рассветом?..
Благословенный месяц вересень:
Граница колдовского лета
И радостной зимы!..

...Что ж прячешься –
Пустой тоской,
неблагодарный?
Ты вновь в моих пространствах значишься,
И в этой дате календарной.

Рождественские помнишь праздники,
Что кесарь на тирольском троне?
Как этот снегопад запаздывал,
Мерцал у Неба на ладони?..

И как потом он нас окутывал
Прозрачно-серым покрывалом,
И как сорили мы минутами,
Пленившись счастьем запоздалым?..

Мороз перенеся стоически,
В гнездовья звёзд входили сами...

...Зелёный лес, его величество,
Волшебный лес, его величество,
Кружил, сходился берегами...

МІСЯЦЬ ВЕРЕСЕНЬ

Переклад із російської Михайла Лєцкіна

Ну що, крилом прикритий качуре,
Що в ніч пірнув перед світанком?
Ось вересень, яким позначено
Грань літніх чар і колежанки

Зими-красуні!.. Що ж ховаєшся
І в тугу рядишся? Негарно…
Ти в про́сторі моїм стрічаєшся,
В цій са́ме даті календарній.

Різдво пригадуєш з капризами
На цісарському тірольському троні?
Як снігопад тоді запізнювавсь,
Блищав у Неба на долоні?..

І як закутувались чинно ми
В легкий прозоро-сірий килим,
І як смітили ми хвилинами
В полоні щастя запізнілім?..

Тоді ми мерзли від незвичності
Й ловили гнізда зір губами…

…І лісові, його величності,
Зеленій чарівній величності,
Кружлять доводилося з нами…

СЕНТЯБРЬСКИЙ САД

И я, в своей дремоте синей,
не знал, что истина, что сон:
та ночь на роковой чужбине,
той рамы беспокойный стон,

или ромашка в теплом сене
у самых губ моих, вот тут,
и эти лиственные тени,
что сверху кольцами текут…

В. Набоков

Сентябрьский сад –
старинный, вечный –
Привидится
издалека
Хранилищем
библиотечным,
Сырым от капель
с потолка,

Темнеющим…
Гравюрой узкой,
Из книг, затянутых
в сафьян,
С мерцаньем инкрустаций
тусклых,
Спеленутых
в ночной туман…

…Сплетеньем
прихоти и были,
И безразличием
пустот,

Навек впечатанною
пылью
В тисненый грубый
переплет…

Летит,
сметаемая на пол,
На землю –
ворохом – листва,
И неба древних
инкунабул,
Неразличимое
сперва,

Неровно набранное
Слово
Проступит
в рваных облаках
И отзвуком
растает снова
На лихорадочных
губах…

И сад осенний,
осенённый
Сияньем
тускло-золотым,
Сквозь утра
меркнущие звоны,
Мне видится
уже иным…

САД ВЕРЕСНЕВИЙ — ВЖЕ ПАРЧОВИЙ…

Переклад із російської Михайла Лєцкіна

Сад вересневий – вже парчовий –
Привидився здалеку мені
Сирим бібліотечним сховом,
Де краплі гупають Рясні,

Затемненим… Гравюр капканом
З книжок, затягнутих в сап`ян,
Із блиском інкрустацій тьмяних,
Сповитих у нічний туман…

…Сплетінням правди й примх великих,
Пустот, що́ позбавляють снів:
тим порохом, що́ влип навіки
В обкладинку старих часів…

Летить, від літніх вільне фабул,
Садове листя в незабудь,
І в небі давніх інкунабул
(Його спочатку й не почуть)

Написане нерівно Слово
Проступить скромно у хмарках
І відзвуком розтане знову
На лихоманкових губах…

Той сад осінній, напівсонний,
У сяйві тьмяно-золотім
Крізь ранку ледве чутні дзвони
Мені вже бачиться не тим…

РАССЫПА́ТЬСЯ СОЗВЕЗДЬЯМИ СНОВ...

...В гибком зеркале природы
Звезды – невод, рыбы – мы,
Боги – призраки у тьмы.
Велимир Хлебников

Рассыпа́ться созвездьями снов,
Видеть небо – опять грозовое,
И в барочном
излишестве Слов,
С легким отблеском –
дно голубое

Белых раковин…
Хрупок изгиб –
Океанские –
с громоподобным –
Шо-ро-хом…
Сто невидимых рыб,

Обошедших планету – на темном
Обороте луны…

Погрузиться опять в тишину,
Уловить
неземное звучанье
Речи гулкой…

К укрытому дну
Перламутра –
направить молчанье –

Му-зы-ки… Передать до конца –
Непосильное
косноязычье

Мейстерзингера, барда, певца

Сквозь – шумливые возгласы птичьи!..
К жизни новой стремится, беречь

Эти ноты…

РОЗСИПА́ТИСЬ СУЗІР`ЯМИ СНІВ...

Переклад із російської Михайла Лєцкіна

Розсипа̀тись сузір`ями снів,
Бачить небо – в грозі непохитне,
І в барочному надлишку Слів,
З ніжним відлиском дінце блакитне
білих мушель…

Із вигином вглиб –
океанські – з великим всезе́мним –
Шур-хо-том… Сто невидимих риб,
Що планету обплили – на темнім
Боці місяця…

З тишею, що́ не страшна,
Неземне уловити звучання
Гучномовця. До вкритого дна
Перламутру – відправить
МОВЧАННЯ
МУЗИКИ…

Відтворѝть до кінця –
Непідсильну недорікуватість
Майстерзингера, барда, співця.
А птахи й далі будуть змагатись!..
до нового життя берегти

ВСІ ЦІ НОТИ…

СУДЬБЫ НЕСЛЫШИМОЕ СКЕРЦО

Судьбы – неслышимое скерцо…
Принцессою – в огромной зале
Я слушаю удары сердца
На Вечном Северном вокзале.

Прощаюсь вновь – с Вокзалом Южным…
Лишь ветра росчерк – за плечами…
Не буду больше – и не нужно –
Я расшифровывать печали

Твои… Непрошеная Повесть
И чья-то тень в зелёных створах,
Тот – в пустоту летящий поезд
И задыхающийся ворох

Сиреневой грозы – над нами,
И первый шаг, ещё несмелый,
Сквозь облака, и мглу, и пламя,
Куда взлетает, улетела
Душа.

НЕ ЧУТИ ЗОВСІМ ДОЛІ СКЕРЦО

Переклад із російської Михайла Лєцкіна

Не чути зовсім долі скерцо…
Принцесою – в великій залі
Я слухаю удари сéрця
Тут, на Північному вокзалі.

З вокзалом кінчено Південним…
Лиш за плечима – вітру втома…
І не потрібне вже буденно
Сум розшифровувать нікóму

Твій особистий… Повість втечі,
І тінь чиясь крізь зелень саду,
І потяг – просто в порожнечу,
І у задусі вся громада

Грозѝ бузкової – над нами,
І перший крок, іще несмілий,
Крізь полум`я, крізь млу з валами,
Куди злітає… вже злетіла
Душа.

БЕССОННИЦА

Бессонницы –
бокал старинный.
Мерцанье тёмного вина…
Бокал – за время ночи длинной
Ещё не выпитый до дна.

Из всех – горчайшего напитка
Вкус – исчезающий к утру.
Коснется дремлющего свитка
Рука, привычная к перу…

Там небо отражает – землю,
И – гладь серебряной воды…
…Там ветер пеленает стебли,
Скрывая лёгкие следы

Прошедшей осени.
И тает
Сад, полный ароматов вин.
…Над ним медлительно
сплетает –
Тончайшую из паутин –

Сентябрь…
Пером – крылом голубки –
Стираю грани долгих снов,
Не нарушая облик хрупкий
Ещё не высказанных слов.

Бессонница…
И – звон бокала,
Скользнувшего за край стола…
…То – глухо Слово прозвучало,
Которого и не ждала.

БЕЗСОННЯ

Переклад із російської Михайла Лєцкіна

Бокал безсоння старовинний.
Тремтіння темного винá.
Бокал – за час нічний неспинний
Так і не випито до дна.

У найгірчишого напóю
Зникає смак – світанку гра…
Торкне дрімотного сувою
Рука, щó звикла до перá.

Там небо відбиває землю
І – плесо срібної водѝ,
Там вітер сповиває стѐбла
Й ховає трепетні сліди

Приходу осені. І тане
Сад, повний ароматів вин.
Над ним сплітає невблаганно
Найтоншу в світі з павутин –
Вже вересень… Пером пташиним

Стираю грані довгих снів
І бережу легку тканину
Іще не вимовлених слів.

Безсоння… Й раптом – дзвін бокала,
Щó вислизнув за край стола.
…То – глухо Слово пролунало,
А я його і не ждала.

ПОРТРЕТ С НЕИЗВЕСТНЫМ

Едва ль небесная геометрия
Возьмётся – сколами – этот профиль
Наметить – звёздными…
О Бессмертии,
Между изломами тёмных кровель,
Ещё не время… Венец пастушеский,
С тяжёлой вставкой из янтаря…
…Едва ли. Сваленной агнчей тушкою
Сад замирает до сентября.

Дымятся травы – дырявый, марлевый,
Листвой залатанный кое-как,
Дымится воздух. О травле Дарвина
Ещё не время… Дымится знак

Тавро́ звездча́того.
Новой замесью
Воды и глины свежеет свод,
Где отпечатался профиль Августа
В пространстве крепнущих терракот…

…Твой дальний голос, смешно картавящий,
Скользнувши снова – навряд, едва ль –
Даль холодеет. Виски мне жалящий
Клёв телефонный. Снимает сталь
Боль головную.
Империй Вермахта – ещё в помине…
Кружит сентябрь
В саду, где вылинявшею – Рембрандта –

Две наши тени.

ПОРТРЕТ ІЗ НЕВІДОМИМ

Переклад із російської Михайла Лєцкіна

Навряд чи небесних висот геометрія
Візьметься профіль цей – сколами, криво
Намітить – зірковими. Про Безсмертя,
Між виломів темних покрівель,
Іще не пора̀.

Вінець пастушачий,
З шматком бурштиновим…
Ні, ще не пора… Наврд чи.
Збитою агнчею тушкою
Сад наш до вересня завмира.

Тра̀ви димляться – діряве, марлеве,
Листвою залатане так чи сяк,
Димиться повітря. Цькування Дарвіна
Пізніше… Не час ще… Димиться знак.

Тавро зіркового. Замісом кряжистим
Свіжіє зведення глин і вод,
Де відкарбовано профіль Августа
В єднанні міцніючих теракот.

Твій голос дальній, смішно гаркавлячий,
Ковзнувши знову – навряд, на жаль –
Даль холоднішає. Скроні жалячий
Хрип телефонний. Знімає сталь

Біль головний. Імперій Вермахта –
ще біг-ма… А нині
Вересень крутить
В саду, де злинялими – Рембрандта –

СЕНТЯБРЬ В HEIDELBERG
Размешать золотою соломинкой...

Размешать золотою соломинкой
Сок гранатовых жил Гейдельберга,
Густо-синюю
влагу... Припомни-ка
Мое имя чудесное – промельком,
Тенью солнечных зайчиков,
Тоненькой
Зазвеневшей капелью...

Закружилось на улице праздником,
Сонмом радостных снов новогодних,
Дней рождественских...
Самое разное,
Вдруг припомнилось самое разное,
Наши встречи вчера и сегодня.

Золотистые бусы нанизывать,
Замечать времена снегопада,
Твои губы и руки – так близко, и –
Колотящимся сердцем Царьграда

Новый день в Гейдельберге!

ВЕРЕСЕНЬ У HEIDELBERG

Золотою змішать соломинкою…

Переклад із російської Михайла Лецкіна

Золотою змішать соломинкою
Сік гранатових жил Гедельберга,
Густо-синю вологу…
Хоч інколи
Ти ім'я моє згадуй – з зупинками,
Тінню сонячних зайчиків, Вчинками,
Що́шикуються в чергу…

Закрутилося святом на вулиці,
Сонмом радісних снів в новоріччі,
Днів різдвяних… І різне тут тулиться,
Дуже різне у пам'яті тулиться,
І вчорашні, й сьогоднішні стрічі.

Золотавим намистинам зблискувать,
Нам – часи примічать снігопаду,
Твої руки й вуста – вже так близько, і –
Колотінням серцевим Царграда

День новий в Гейдельберзі!

ОТЗВУК–МОЦАРТ

Сидишь – задумчив и один
Над нескончаемою фразой,
Таинственный аквамарин
Небес распахнутого глаза
Мерцает рядом…

*

Золотой, голубой, бесполезный
Для живущего – давит и давит
Память… Колко сквозящая бездной,
Синь тугая, сквозящая бездной,
Звёзды – росчерки.

Климат Пасхи, с Рождественским схожий…
Золотой зацветает подсолнух
Между хвойными. Может быть, позже?
Всё как будто быть может, но позже,
В полнозвучный растительный ворох
Вклинясь листьями.
Синей Птицы – раскрытая клетка.
Рас-сто-янь-е от до и до…
Дома Свет спасительный, слышанной редко
Вечной Музыки, дальнего грома
Отзвук-Моцарт.

Судеб чуждых болезненный узел –
Развяжи, расцепи на деленья
Нити злые… Мучительно сузясь,
Проникаю в игольное –
Тенью Солнца.

Невесомые крылья – в полете…
Хрупкий снег – флердоранжем венчальным,
Блеск тончайшей фарфоровой плоти,
Светоносных узоров пасхальных
Белой скатерти…

Сколько знает теперь эта бездна
Дат, имен – всё одно, да без толка…
Предпасхальное небо – отрезом,
Небо спит, разметавшись отрезом
Звёздно-синим – маньчжурского шёлка
В Поднебесной…

MÜNCHEN

Прозрачны нити комнат нежилых

Памяти моего учителя В. Н. Войновича

Прозрачны нити – комнат нежилых,
Где ткали сумрак, словно полотно…
Живой, на крик срывающийся стих,
Которому стать Музыкой дано,
Вдруг вырывает из небытия
Дождливых дней, разбитых по часам,
Оттаявшие облака края,
Что ветер, развернувшись, обтесал.

Скол рафинадный:
Павшие цветы.
Плывут в тумане белом корабли…
Старинный Мюнхен, мне напомнил ты
Прекраснейший из городов земли.

Стоит – водой в стакане тишина,
Укладки стен коричнев рафинад.
Заветные читаю письмена
Баварских хроник, двести лет назад
Написанных.

МАХРОВЕ ПОВІТРЯ МЮНХЕНА

Переклад із російської Михайла Лєцкіна

Нитки прозорі – нежилих кімнат,
Де ткали присмерк, ніби полотно…
Зривається до крику віршів лад,
Якому в Мȕзику ввійти дано,

Й висмикує зненацька з небуття
Днів дощових, щȯ́ складені з годин,
Край хмари, щȯ́ відтанув до життя
Й обтесаний вітрами без причин.

Скол рафінадний. Квітів мертвих дні.
Пливуть в тумані білім кораблі…
Мій Мюнхене, ти нагадав мені
Найкрасивіше місто на землі.

Водою в склянці – тиша мочазна,
Укладка стін – як рафінадний слід.
Читаю заповітні письмена
Баварських хронік, щȯ́ вже двісті літ
Як писані.

МАХРОВЕ ПОВІТРЯ МЮНХЕНА

(Второй вариант перевода)

Переклад із російської Михайла Лєцкіна

Нитки прозорі – нежилих кімнат,
Де ткали присмерк, ніби полотно…
Зривається до крику віршів лад
(Йому ввійти у Мȕзику дано)

Й висмикуєш ненацька з небуття
Днів дощових, що́ складені з годин,
Край хмари, що́ відтанув до життя
Й обтесаний вітрами без причин.

Скол рафінадний. Квітів мертвих дні.
Пливуть в тумані білім кораблі…
Мій старовинний Мюнхене, мені
Ти здавсь найкращим містом на землі.

Водою в склянці – тиша мочазна,
Укладка стін – як рафінадний слід.
Читаю заповітні письмена
Баварських хронік, що́ вже двісті літ

Як писані.

И ВЕКА ЛЕГКОЕ ДЫХАНИЕ...

Здесь века – легкое дыхание,
И – очертанья новых слов...
Я повторяю заклинания
Едва написанных стихов.

Я верю! Верю – все изменится!
Дорога долгая легка...
Над Оденвальдом кружит мельница,
Все кружит золотая мельница,
В муку взбивая облака.

СТОЛІТТЯ ПОДИХ НІБИ ЗМОРЕНИЙ

Переклад із російської Михайла Лецкіна

Століття подих – ніби змарений,
І – слів нових ледь видна брость...
Як заклинання, я повторюю
Вірш, що написаний ось-ось.

Я вірю: все на краще зміниться!
І стане довга путь – легка...
Млин маше крилами й не спиниться,
Над Оденвальдом млин не спиниться,
Й зіб`ється із хмарин мука̀.

КАК ЛЮБИЛИ, КАК БЫЛИ БЛИЗКИ...

Как любили, как были близки,
Как хотели исчезнуть совсем
В топком мареве звёздной реки,
В невесомости заданных схем

Ночи. Светел предутренний сон,
Наплывает туман Пустоты,
Чёрной створкою ночь-махаон
Вновь твои укрывает черты

От забвения... Смоет дождём
Чьи-то тени на Львином мосту...
...Слово, вспыхнув бенгальским огнём,
Сеет искры – опять в Пустоту.

То ль о святочном чуде рассказ,
То ли облаком сотканный стих,
Да опять не про нас, не про нас...
...Птица счастья – всегда у других,

Так, любимый?

БЫЛ МАСКАРАД ЗДЕСЬ...
Потерянная туфелька

И вновь сентябрь. Светло и одиноко.
Ещё хранит витражное стекло
О лете память,
О звезде Востока.
Прозрачным светом, льющимся из окон,
Что фейерверком сад заволокло.

Был маскарад здесь.
Сброшенной мантильей –
Ночное небо, но – белей, чем снег –
Гардины кружево.
Пропавшей эспадрильи,
Затерянной в июле эспадрильи
Теперь уж, статься, не найти вовек

В траве высокой.
Наши жили-были:
Сквозь прищур окон – сад в рассветной мгле.
Мы – тени, но мы – люди,
Мы любили
Вино и свечи в золотистой пыли,
И тишь библиотек,
И в хрустале
Шальное солнце
полдня!

«Чтобы увидеть свое лицо,
люди используют зеркало.
А чтобы заглянуть в свою душу –
произведения искусства».

Джордж Бернард Шоу

Татьяна Кайзер

ЧЕРСТВОСТЬ

В уже знакомом нам городе чувств и эмоций случилось событие, взбудоражившее не только местное население, но и запредельные средства массовой информации. В муниципальный орган города было подано прошение – обратить внимание на ставшее недопустимочрезмерным воздействие госпожи Черствости на других и провоцирование подражания ей. Общественность города желала, чтобы было проведено внутреннее расследование с тем, чтобы дать оценку происходящим событиям, обосновать причинную связь между явным противоправным поведением сторонников Черствости и тем вредом, который ими наносится обществу. Потому как именно муниципалитет и отвечает за качество и безопасность жизни населения в своих границах.

Тут следует упомянуть, что обсуждения и попытки исследования деяний госпожи Черствости предпринимались и раньше, только в пересудах, утихая и возобновляясь с каким-нибудь новым инцидентом. Все это нимало не трогало ее. Сама Черствость вела весьма обособленный образ жизни. Ее неказистость, нескладность, неуклюжесть и корявость были не столько особенностью внешности, сколько определяли суть ее природного консервативного склада характера – равнодушие, косность, старость. Она редко когда принимала участие в праздничных событиях города, практически не интересовалась ни ближайшими соседями, ни жизнью горожан. Да и те сторонились ее, зная, как она бездушна, жестка, даже беспощадна и мстительна. Однако приятелей и сторонников у нее хватало. Дружила же Черствость только с Бесчувствием, Холодностью, Бессердечностью и Крутым Нравом. Вся эта компания вызывала у доста-

точно толерантного окружения немало, правда, глухих нареканий и недовольства. Но когда под ее патронажем в городе появился первый пансион для престарелых, жители были шокированы. Веками сложившиеся среди них добрососедские отношения не позволяли задавать вопросы: чьи близкие поспешили избавиться от своих преклонных родственников, ни мало не обременяясь добросердечной заботой о них или благодарным попечительством, и какие же чувства и эмоции отправлены туда на жительство?..

Как же стало вырастать такое бездушное поколение? Ведь, казалось, дети по-прежнему сопереживают и Оливеру Твисту, Дэвиду Копперфильду и Звездному мальчику, эгоизм и жестокость которого превратили в урода, и Каю, похищенному Снежной королевой, а сами взрослые сострадают легендарному британскому королю, на склоне лет изведавшему всю корысть и неблагодарность дочерей, между которыми поспешил разделить свое королевство, и умершему в изгнании; и также сочувственно относятся к героине, которую черствость мужа толкнула в безысходности под поезд.

Да, здесь еще продолжали читать классику, смотреть совместно фильмы, благожелательно и почтительно относиться друг к другу, старались жить в гармонии с собой и окружающим миром. Случившееся же недавно происшествие взбудоражило всех. Внучатая племянница госпожи Черствости оставила в заснеженном валежнике лесопарка новорожденного. Сразу все припомнили, как некоторое время назад она же насильно спровадила в дом призрения преклонного возраста родителей, осуждавших ее за мезальянс с заезжим циркачом. Обыватели этого славного города уже просто не могли не отреагировать на то, как стремительно и неумолимо

Бессердечность, Бездушие, Безразличие, Бесчувственность и другие захватывают первенство в нынешней жизни. Ответственность за происходящее просто требовала от них отклика и душевной работы.

Долго ломал голову бургомистр Долг – как поступить в сложившейся ситуации. Еще никогда умы города не были так озабочены нарушениями норм жизни и порядка. Стало быть, следует проявить пристальное внимание к мнениям и оценкам горожан, провести общественное слушание – широкую публичную дискуссию по вопросам, имеющим всеобщий животрепещущий интерес. Такое слушание – всегда важный инструмент гражданского участия в решении социально значимых проблем. Наконец, он рассудил – для выяснения всех обстоятельств создать Комиссию Особого Всестороннего Изучения Действительности – КОВИД. В состав комиссии вошли достопочтенные горожане Энтузиазм, Интерес, Честь, Уверенность, Тактичность, Терпеливость, Милосердие, Благоразумие, Правдолюбие и сам Долг. Им доверили разбор положения вещей и принятие решения. Все они были готовы исполнить свой гражданский долг, приступая к исполнению таких ответственных обязанностей, и поклялись беспристрастно, опираясь на свои внутренние убеждения и совесть, принимать во внимание все представленные доказательства, как уличающие, так и оправдывающие Черствость. Собранные ими материалы, приобщенные к делу, пожалуй, даже превысили архивы былых столетий.

И вот настало время слушания, которое проходило открыто с участием всех желающих граждан города, членов КОВИДа и приглашенных экспертов, представ-

ляющих свои взгляды на предмет слушания, теле- и радиожурналистов, газетчиков, блогеров.

В огромном зале древней ратуши, впечатляющем своим выдержанным великолепием, несмотря на барочное безумство, обилие позолоты, статуй, рыцарских доспехов, перед огромным полотном с изображением самого славного эпизода жизни города – первого карнавала, за огромным столом из мрамора и алебастра разместились члены КОВИДа с председательствующей Эмпатией. С левой стороны поставили легкую кафедру современного стиля, однако, со вкусом вписывающуюся в общую обстановку. В остальной части зала и на верхней галерее, где разместилась публика, яблоку негде было упасть. Никогда прежде древние стены не украшали телекамеры, размещенные на консолях, для трансляции происходящего и публике, не вместившейся в зал, и по аккредитованным телеканалам. В первых рядах расположились приглашенные эксперты и представители прессы. Только вот сама Черствость не пожелала присутствовать на слушании, отказавшись от дачи пояснений на основании, что не обязана свидетельствовать в отношении себя или своих близких, но поручила известному эксперту Толерантности представлять себя. Довольно многочисленные сторонники Черствости заняли почти треть мест на галерее.

Когда взволнованная, призванная к соблюдению тишины, публика успокоилась, Эмпатия открыла общественное слушание. Она обозначила цель слушания, перечислив все важные события, приведшие к его организации. Затем она представила члена комиссии Интереса, который и рассказал о документах, свидетельствах, собранных комиссией, обрисовал собравшимся картину нынешнего положения дел в социуме.

– Достопочтенные члены комиссии и уважаемая публика! Изучив все представленные нам материалы, приходится констатировать, что проявления черствости и безразличие стали бичом нашей современности, хотя издревле в анналах истории были, конечно, и нещадные деспоты на тронах в античном мире, и средневековые неистовые борцы с колдовством, толпами отправлявшие людей на костер, и бездушные чинуши по муниципальным работным домам, приютам, домам попечительства. Сколько покалеченных сиротских душ на совести, бессердечных последователей Черствости! Впрочем, и при благополучном детстве, но при суровых, холодных родителях и наставниках в одних случаях, как и безмерно баловавших, потакавших любым прихотям в других случаях, вырастали люди с невыносимо скверным характером и убийственной одержимостью, увлекающей в бездну. В качестве примеров – величайший полководец античной эпохи, Александр, создатель мировой державы, заложившей основу эллинизма, или один из самых известных русских поэтов, создатель Героя царского времени, своими личными переживаниями и философией оказавший огромное влияние на поэтов и писателей послелермонтовской поры. Детские потрясения и стрессы, не смягченные ни любовью, ни взаимопониманием, ни поддержкой, – горькая тема. Известно, что экстремальные события периода взросления несут с собой такое гнетущее беспокойство, что становятся в итоге причинами трагических событий. Судьбы скольких известных, гениальных, выдающихся людей служат тому подтверждением. Примером может быть история трагической судьбы Моцарта, когда ребенок, обладающий исключительным талантом и способный достичь гениальных высот, прожил несчастливую, полную тревог короткую жизнь.

В нетерпимой, опасной для формирования личности, обстановке выросли такие грандиозные творцы как скандинавский философ Кьеркегор, композитор Бетховен, писатель Кафка. Небывалую холодность и отсутствие эмоциональной связи, материнскую отстраненность испытал мыслитель Шопенгауэр. А какая нескрываемая черствость матери сопровождала создателя «Человеческой комедии» Бальзака.

Известно, Черствость не умеет сопереживать, сочувствовать. Возможно, это и разочарования в близких людях приводят к замкнутости, даже потенциальной жестокости. Что уж говорить – Безразличие порой переходит все нравственные границы. Если прежде общество как-то мирилось и с проявлениями Бессердечности, то ныне складываются обстоятельства, когда уже притчей во языцех стали плодящиеся во множестве дома престарелых, богадельни, куда отправляют с глаз долой пожилых родителей бесчувственные дети, покинутые матерями дети в роддомах, поставленное на поток суррогатное материнство. Социум просто захлестнула черствость по отношению к родителям, а следом уже и непостижимое бессердечное отношение матерей к детям. Случаи, когда мать поднимает руку на дитя или оставляет его в опасности, происходят с пугающей регулярностью. Запертые в квартирах, выброшенные из окон, забытые на вокзалах, в парках, в лесу, – эти дети ничем не заслужили такой жестокости от тех, кто самой природой обязан заботиться о них и оберегать от зла. Самые резонансные из подобных случаев заставляют всерьез задуматься о том, что те, кто дарят жизнь, утратили материнский инстинкт. А ведь представительницы прекрасного слабого пола по природе более сострадательны и чувствительны, в отличие от представителей

сильного, бывающих безразличными, безответственными и равнодушными к брошенным семьям, или безжалостными, бессердечными, неумолимыми, толкающими подруг на аборт.

Как утверждают опытные психологи, корень любой проблемы, не только черствости, зарыт еще в раннем возрасте. Бездушное отношение к ребенку учит его не только терпеть и не плакать, но заглушать в себе любые эмоции. А ведь тот, кто заглушает свою боль, постепенно теряет способность сопереживать и сочувствовать чужой боли. Не давая выхода своим эмоциям, такой черствеет душой, попадая затем в компанию Неприступности, Суровости, Жестокости, Скупости, Неуважения, Подлости, Бездушности, Лицемерия, Консерватизма. Он становится нетерпимым, потому что нет внутренних сдерживающих пружин, и Недоверчивость делает его подозрительным, мстительным, черствым и жестоким.

Как сама Черствость, так и ее последователи склонны проявлять отстраненность от бед и переживаний других, потому как не способны вообще коммуницировать с другими чувствами и эмоциями. Когда слышим «Мир полон страданий и несчастий, за всех не переживаешься», надо знать, что это кредо бесчувственных сторонников Черствости.

Недовольные реплики среди симпатизирующих Черствости заставили многих повернуть головы в сторону верхней галереи, где они разместились. Кое-кто из репортеров ринулся туда в предвкушении возможного инцидента, но Интерес, не отвлекаясь, продолжил:

– Социум безнадежно превращается в общество потребления с главным лозунгом – брать от жизни все! Не делясь, не сочувствуя, не сопереживая. Лишь потребле-

ние во всем – в отношении ли чувств, эмоций, вещей. В нынешних сложившихся условиях, когда все нацелены на успех любой ценой, прогресс, кажущийся таким завораживающим и безобидным со всеми новыми цифровыми технологиями, давно сделал всех зависимыми от потребительской электроники, интернета. Многими чувствами и эмоциями давно успешно и методично манипулирует социум, воздействуя на подсознание, заражая стремлением быть успешным, информированным, показушно-интеллектуально-продвинутым и глубоким. Причем совершенно не имеет значения – сколько книг прочитано, есть ли культурологический задел, насколько близки или чужды взаимоотношения с Состраданием и Человечностью.

Главным стало Самоутверждение. Лучше всего – в социальных сетях интернета, оповещая всех и в предвкушении долгожданных одобрительных «лайков», позитивных оценок окружающих как подтверждение своей значимости. Там заправляют Торопливость в общении – даже междометия удобно подменяются смайликами, Бездушность – нет времени на сердечные беседы, ненужные Равнодушию, тотальному Безразличию. Они рушат связи, делают близких далекими, родных – чужаками, которым нечего и сказать при встрече. Разве не парадоксально: посредством самой авангардной электроники общение со всеми по миру намного удобнее и охотнее, чем со своими близкими, находящимися тут же на расстоянии вытянутой руки. «Замыливаются» временные границы – не отслеживаемые часы, проведенные в сети, и легкомысленное забвение скоротечности времени, отпущенного для жизни собственных родителей и самых близких. При небывалой плотности общения в мировой сети исчезают теснота общения, Чут-

кость, Вчувствование, дружеское Сопереживание. Меньше разговаривают, меньше заботятся, меньше любят. А настоящая, искренняя Любовь давно отсутствует там, где не готовы делиться ни временем общения, ни взаимопониманием, ни сердечным участием. Стало быть, Черствость всегда там, где либо нет Любви, либо от нее бегут, не пройдя испытание лечением своих душевных привязанностей, рвущихся из-за предательства и лжи.

Вся доступная цифровая электроника все более подменяет нас, замещает. Заслонившись экраном компьютера, укрываясь за анонимными аватарками, социум успешно осваивает формат Бездушия. И даже удачно подменяет суть Черствости, когда лишь в виртуальных комментариях щедро изливается сочувствие. Общество успешно растит потребителей, прямо с детства оскопляя дарованные душевные силы. Возможен ли какой-нибудь выход? Полагаем – да! Сердце даже самого угрюмого человека, каким бы черствым, строгим и взыскательным не был, вполне возможно растопить искренним теплом, отзывчивостью и пониманием. И, конечно, не стоит упускать из виду, что и самого добрейшего человека легко превратить в отстраненного и холодного, бездушного и черствого, причиняя ему боль предательством, подлостью, бессердечием.

Так давайте постараемся впредь ни одно деяние Черствости и ее последователей не оставлять без внимания, не потворствовать им. К нам вопиют их жертвы и более всего – дети и старики. А ведь именно они нас учат – одни своей открытостью миру и оптимизмом, заражающие верой, что лучшее впереди, а другие – своей мудростью, что все невзгоды-трудности так или иначе переживаются.

Под одобрительные отклики собравшихся Интерес покинул трибуну.

Затем Эмпатия пригласила высказаться эксперту-языковеду Любознательности.

– Глубокоуважаемые члены комиссии, почтенная публика! В лексикографических источниках «черствость» определяется по прилагательному «черствый» как нечто затвердевшее, засохшее. Для примера так можно сказать о хлебе. Если же говорить о черте характера, то это будет означать отсутствие душевной чуткости, сердечности, душевной теплоты, отзывчивости. Таким образом, черствость ассоциируется с утратившим мягкость, то есть отсутствует душевная мягкость и чуткость. Только неотзывчивость, невосприимчивость, безразличие.

Теперь если заглянуть в суть слова, то откроется, что «черствый» – это потерявший эманацию собственной сути, когда утрачена способность к эмоциональным состояниям. Душа просто не умеет вибрировать и откликаться на ответное чувство, она не способна к сопереживанию. Может, потому, что душа черствеет, выплакав все слезы, иссушая себя. Когда говорят о грубости, сухости, безразличии, бессердечности, даже бесчувственности, равнодушии – это портрет бездушного, хладнокровного, жесткого, безэмоционального сухаря. Черствые, жесткие особы не имеют друзей, они склонны проявлять отстраненность от бед и переживаний других, не способны открыто проявлять чувства и эмоции. Для более полного изучения этой темы я и мои коллеги-лингвисты обратились к паремиологии – науке о пословицах и поговорках. Еще Аристотель, первый классифицировавший пословицы и поговорки, отмечал, что это элементы старой философии, которые выжили бла-

годаря своей краткости. Это модель толики социума, и поэтому без ее изучения немыслимо понять ни одну мировую цивилизацию. Собственно, пословицы – черты народной истории и характера, труда и быта с запечатленной или метафорически зашифрованной в них житейской мудростью, духовное богатство и культурное наследие народа, проверенное на многовековом опыте. Например, пословица, выражающая полнейшее безразличие – «Как с гуся вода» – оправдывает черствость и равнодушие ко всему происходящему, всему, что не входит в сферу интересов данной особы, не проникает в мозг или душу, а проходит мимо. Это образно и выглядит как скатывание воды с гуся. Или другая пословица: «Своя рубашка ближе к телу». И она также оправдывает черствость. Это когда собственное благополучие дороже интересов других. Еще одно оправдание черствости, а именно – равнодушие, нежелание участвовать в каком-либо деле – можно видеть в пословицах: «Мое дело – сторона» или «Моя хата с краю – ничего не знаю». Во всех приведенных случаях Черствость остается безнаказанной ввиду отсутствия как моральных, так и правовых механизмов, регулирующих взаимоотношения. Потому не следует от черствого сердца, окаменевшего от равнодушия, ожидать жалости, любви, добра. Этих чувств там нет.

Нынешнее время дополняет пословицы саркастическими афоризмами: «Черствость – сухари человеческих чувств», «Переживает всех тот, кто ни за кого не переживает», «Когда своя рубашка ближе к телу, замерзает душа», «Если женщину все время допекать, она становится сухой и черствой», «Черствость – побочный результат нещадной эксплуатации чувства жалости». Думаю, последний афоризм, приглашающий и всех вас к

раздумью, завершит мое выступление: «Черства ли душа у того, кто думает, а не черства ли она у него?»

И члены комиссии, и публика с большим интересом выслушали эксперта Любознательность. Следующим место за кафедрой занял эксперт Перфекционист.

– Высокочтимые члены комиссии и уважаемая публика! Хочу сообщить вам о совсем недавнем неожиданном открытии, которое несомненно удивит вас. Коллеги-ученые из Университета Кембриджа и специалисты биотехнической компании обнаружили связь между генами человека и способностью проявлять сочувствие к другим людям. Их результаты показали, что каждый десятый не способен сопереживать ближнему. И ведет себя так не потому, что так воспитан, или из-за каких-то сложившихся обстоятельств. Просто черствость у него заложена в генах. В исследовании были использованы ДНК-пробы нескольких десятков тысяч человек. А по специальным анкетам оценивался так называемый коэффициент эмпатии. Представьте, результаты показали, что на 90% различия в уровне сопереживания вызваны социальными факторами, а вот у 10% участников эксперимента отсутствие переживаний оказалось закодировано на генетическом уровне. Были проведены также исследования, подтвердившие, что женщины в большей степени склонны к сопереживанию, чем мужчины. Вот только какие конкретно гены отвечают за способность к сопереживанию, специалисты пока не выяснили. Согласитесь, подобные открытия могут привести к пересмотру каких-то моральных и правовых норм.

Это заявление Перфекциониста вызвало немало удивления. Аудитория откликнулась активным обсуждением услышанного. Стоило труда председательствующей Эмпатии водворить тишину и объявить выступление Толе-

рантности – доверенного представителя госпожи Черствости. Толерантность сразу же овладела вниманием собравшихся. Она всегда располагала к себе и по опыту знала, как психологически подготовить слушателей к восприятию содержания доказательств, даже как завоевать их доверие.

– Достопочтенные члены комиссии, дорогие жители нашего города и многоуважаемая миллионная аудитория телеканалов! Трудно не согласиться с мнением глубоко почитаемой комиссии относительно перечисленных качеств Черствости и ее последователей. Однако кое-какие светлые краски все же попробую внести в обсуждаемую тему. Да, плохо, когда страдают дети, когда мучительно прозябают отторгнутые родители, когда жестокость мужчин приводит женщин в безысходности к шагу за грань жизни. Нами, конечно же, всеми переживаются различные эмоциональные состояния. Так отчего же только неспособность к сопереживанию воспринимается едва ли не покушением на нравственность? Вот шла речь о черствости родителей гениальных впоследствии людей. Но под их беспощадным давлением из ребенка формировалась сильная, способная к преодолению чрезвычайных обстоятельств личность с уникальными чертами характера и расширенным сознанием. Такая незаурядная личность, наделенная природной силой, впитывающая опыт и мудрость всего ей предшествующего, не может быть нежной субстанцией, выращенной в тепличных условиях. Существует множество примеров, когда своей жесткостью родители предуготавливали успешное направление деятельности детей, неистово развивали их таланты, нацеливая на высокую самооценку и триумф. Например, уже упомянутая история судьбы вундеркинда Моцарта. Конечно же,

чрезвычайные события именно периода взросления, когда более всего необходимы любовь, взаимопонимание, поддержка, часто несут с собой такое гнетущее беспокойство, что становятся в итоге причинами трагических событий. Эмоциональный прессинг трудно пережить. Однако есть и случаи, когда Черствость приходит на подмогу, приучая не тонуть в море мягкосердечной любви, а заниматься делом. И не будь ее, не захлестнула бы стихия благодушия общество, не привело бы его к безволию, безликости? Согласитесь, что именно обескураженный Черствостью приучается к самостоятельности, не надеясь на помощь извне. Или вот еще: каждому свойственно сопереживать другому, и некоторые так переполняются состраданием, что собственную душу кладут на алтарь проявления безмерной человечности. Но они бессильны изменить мир и спасти его от зла, потому истощаются в бесплодных порывах, угасают без пользы. Тут-то к ним и приходит на выручку Черствость, связывает страсти, остужает чувства и эмоции, заставляет подумать о собственном душевном равновесии. Да, бесчувственный, бессердечный, хладнокровный не способен облегчить ношу другого, но он и не одаривает ложными надеждами из-за сочувствия. Отстраняясь от бед и переживаний другого, он, пусть даже не считая их пустыми, все же занят собственной жизнью, потому что знает предел своих возможностей. Разве не с дистанцирования от других, озабоченности собственной жизнью начинается формирование личности? Разве не Черствость этому помогает? Или не она содействует не увязнуть в инфантильности тем, кому безоговорочно стремимся благопоспешать, чьи проблемы с готовностью на себя перенимаем? Разве не сердобольные родители берут на себя все заботы, предназна-

ченные неискушенному ребенку, стремясь уберечь от непростых жизненных ситуаций, но лишь усугубляя его беспомощность? Может, Черствость, в таком случае разумное противоядие неумеренной безмерной и безграничной отеческой любви-заботы? А ведь еще Черствость облегчает страдания, спасает от ужаса, гнева, от осознания гнетущей несправедливости в социуме.

Тут Толерантность обратила взор к верхней галерее, и сидящие в первых рядах тоже посмотрели в сторону сочувствующих Черствости.

– Да, черствые субъекты мало коммуникабельны и замкнуты, – продолжила она. – Некоторые из них способны быть жестокими настолько, что именно своим близким более всего доставляют горечи и переживаний, когда порой не без удовольствия унижают их насмешками. Между тем, под бесчувственным панцирем может скрываться романтическая, одухотворенная личность. Скольких мы знаем гениальных поэтов, композиторов, художников, которыми оказываются обличенные обществом, черствые личности. Однажды потеряв любовь или потерпев фиаско в близких отношениях, получив насмешки или предательство, страдалец словно уходит в глухую оборону из-за боязни вновь терзать себя. И Черствость становится убежищем его израненному сердцу, оправданным товарищем, защитой от бед и страданий внешнего мира. От бессилия и отчаяния такие черствеют, а души их покрываются непробиваемыми панцирями. В другом случае за внешней показной черствостью может скрываться добряк, всегда готовый предложить руку помощи в трудных жизненных ситуациях. И в то же время бывают субъекты внешне открытые, мягкие, дружелюбные и сердечные, а по сути – в них Черствость, Равнодушие и махровый Эгоизм. Лич-

ность раскрывается в поступках. Поэтому нельзя делать поспешных выводов о черствости индивида, не зная, что же окружает его черствость. Одиночество, пустота, усталость, разочарование или боль, злость, обида, страх, грусть, жалость? Что сделало несчастным, обиженным, отрешенным, без любви – черствость родни или гнетущая атмосфера родительского дома?

Конечно же, сказанному не перетянуть чашу весов зла, творимого Черствостью и ее сторонниками. Но хотелось бы показать, что не все в мире однозначно. Вот ведь существует дуальность: Черствости противостоит Открытость. Первая видит Открытость слишком беспечной, легкомысленной, а вторая совершенно обескураженно, без понимания, воспринимает свою противоположность. Да и как требовать от Черствости, которую сызмальства учили равнодушию и совсем не учили жалеть ближнего, чтобы она догадалась о чьих-то нуждах, сделала что-то нежное и ласковое? Это так же как Открытости напоминать о дозволенных границах при общении. Бесперспективно. Разве что терпеливо и незаметно учить.

Уважаемые друзья! Ни в коей мере не преследовалась цель обелить госпожу Черствость, противопоставить свое суждение выводам почтенной комиссии КОВИД. Жизнь настолько многообразна, многокрасочна, что отсутствие полутонов в восприятии, однобокое черно-белое мышление – могут мешать оценивать окружающий мир, лишать объективной реальности оттенков, понимания, доброжелательности, терпимости. И знать о предпосылках появления Черствости и Холодности, Равнодушия – вовсе не означает пассивно-терпимое отношение к деяниям Черствости и ее окружения, к связанным с ними событиям. То, что нарушает общечеловеческую мораль, не должно восприниматься толерантно.

В огромном зале повисла гулкая тишина. Давно уже люстры ярким светом заливали собравшихся, а сумерки за мозаичными витражами напоминали о быстротечности времени даже самому внимательному слушателю. Пора было подводить итоги состоявшегося слушания.

– Глубокоуважаемые присутствующие! – сердечно обратилась ко всем Эмпатия. – Огромная благодарность всем вам за ваше гражданское участие в общественном слушании дела, такого социально значимого для нас. Теперь мы имеем достаточное представление о ситуации, повлиявшей на изменение норм жизни, уклада, порядка в нашем городе, чтобы дать оценку деяниям госпожи Черствости и ее последователей. Комиссия Особого Всестороннего Изучения Действительности – КОВИД на основании собранного обширного материала показала суть и ожидаемые последствия таких деяний, показала их вину. Нам всем есть над чем задуматься. И еще на что хочу обратить ваше внимание – всегда обличение виновного гуманно предполагает определить: заслуживает ли он снисхождения, дать ли такой шанс? По нашему мнению – не заслуживают снисхождения только воистину очерствевшие души, кто запросто вычеркивает из своей жизни родителей или бездушно избавляется от детей, или допускает оставить кого-то в беде, не оказав посильной помощи, или кто идет на террористический акт, обрекая на смерть других из-за своих идейных мотивов или стремления самоутвердиться посредством насилия. Нам решать – что предпринимать. Вряд ли тут помогут какие-либо административные взыскания. Мы не можем сократить или закрыть дома попечения, приюты, но мы можем и должны хотя бы законсервировать их число, не способствуя приросту в будущем. Стало быть, больше внимания уделить психо-

логической помощи, включая и материальную. Нам непременно надо постараться наладить диалог между поколениями, учить их обоюдно скрепляющей отношения терпимости, призвать на помощь Добродушие, Милосердие и Благоразумие, сделав их штатными муниципальными сотрудниками. Однако принятие во внимание доводов, высказанных Толерантностью, проявление нами доброжелательности и терпимого отношения к клану Черствости, вовсе не означает уступки их убеждениям, чуждым нам. Да, мы намерены и впредь следовать гуманному лозунгу современности – «Проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи». Будем учиться и учить жить в гармонии с окружением и не будем уподобляться Черствости, склонной проявлять отстраненность от бед и переживаний сограждан, неспособной коммуницировать с другими чувствами и эмоциями.

Жизнь – она в познании Добра, Истины и Блага. Нам всем явно не достает Любви. Не той, которой хотели бы получать, а той, что отдавали бы сами. Стало меньше любви прежде всего в нас самих. Меньше излучаем ее вовне, тем самым отдавая на откуп не только нынешнее наше, но и будущее наших потомков. Все мы должны заняться осветлением внутреннего, собственного, мира, чтобы душам нашим легче было достойно следовать Промыслу Всевышнего. А как сказал один мудрец: «Промысел есть осмысление прошлого». Вот тогда по подобию и вокруг нас все будет становиться гармоничным, настроенным на лад. Это самое действенное противостояние Черствости и прочим.

Аплодисментами увенчались заключительные слова Эмпатии. Заседание закончилось. Отключили телекамеры. Журналисты, блогеры что-то торопливо дописывали

и тут же отправляли материалы: кто – своим издателям, кто – в социальные сети, кто – в инстаграм.

Публика вытекала в распахнутые двери. Некоторые группами, останавливаясь поодаль, что-то эмоционально продолжали доказывать друг другу, тут же собирая вокруг любопытных. Но немало было просто уходивших в молчании. Эти понимали, что как бы ни велико было желание непременно очищать мир, выявляя и осуждая негатив, чтобы другим не повадно было, все же начинать-то надобно с себя. Освобождаться от невежества, серости, консерватизма, суровости, эгоизма, вредности, бездушности, невоспитанности, пошлости, трусливого лицемерия – и сколько всего еще!

И работа предстоит немалая: к миру, к жизни относиться с большей любовью. А если не достает – так взращивать ее и свою внутреннюю радость, но прежде честно ответить себе: так ли уж сам сердечен, доброжелателен, не стал ли равнодушным от суеты бытовой, нет ли в душе черствости, нетерпимости и бездушия хотя бы к тем, кого осуждаем за черствость.

Кто знает, возможно, случившееся публичное слушание в этом примечательном старинном городе чувств и эмоций станет таким же знаковым событием для горожан, как и первый карнавал…

ТАИНСТВЕННОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Всем привычно понимание творчества как деятельности, создающей новые и материальные, и духовные ценности. Давно не секрет, что человек способен созидать не только свою реальность. И многие начали осознавать, что творчество – это путь преображения самого человека, путь сакральный, свободный. От способности самостоятельного выбора направления саморазвития зависит и преображение собственной творческой силы.

Объектом и субъектом творчества является сознание. Оно расширяется творчеством и в нем же, помогая охватывать все более тонкие планы Бытия, познавая и организуя их.

Творчество – таинственное преображение человека, когда раскрывается духовный мир личности, его микрокосм, когда он свое бытие делает залогом раскрытия талантов, успеха. Творчество помогает понять и почувствовать, что значит жить в радости и в согласии с самим собой, с Природой, с Миром. В согласии – в созвучии. Значит, слышится не только собственный посыл, но и отзвуки, какие он находит в других. Творчество – это не просто яркий, мощный всплеск активности, самовыражение себя, реализация, это энергетическое послание творческого потенциала другим, миру, жизнеутверждающее и привносящее свет и гармонию в окружение.

Нынешнее время еще полнее раскрывает задачи творческого человека, уводя от прежних, расхожих клише. Творчество не должно рождаться в муках, потому как муки сами по себе означают насколько создается мате-

рия, утяжеляющая творение. Эти мучения провоцирует гордыня, которая вместе с тщеславием, перфекционизмом, неудовлетворенными амбициями перекрывает дорогу мастеру, задерживая и мешая вырасти ему из подмастерья-ремесленника. Даже если испытывается потом выстраданное удовлетворение, все же нет легкости (любви Господней качества) без тяжести личных переживаний и амбиций, нет и радости (света, достигающего сути), света (явления Божественного). Истинное творчество поддерживает огонь светильника у креативного человека. Такой созидатель, излучающий свет, помогает распространять культуру (поклонение свету), творит красоту. Что есть красота как не осознание света человеком. И творит он ее одним своим присутствием, даже вопреки застилающему бескультурью, нигилизму, безверию.

«Всякое творчество есть по сути своей молитва, – как отмечал некогда Иосиф Бродский. – Всякое творчество направлено в ухо Всевышнего». Вряд ли имелось в виду творчество – как простое самовыражение человека, его иллюзорной реальности в меру милой, доброй, уютной. К примеру из писательской среды: даже мастерски исполненное художественное творение, но не несущее ничего миру – пустое для мира – это либо ублажение самости, либо терапия словом для автора, не более. Изобилие триумфальных дипломов – мед душе, но трясина духу.

Пришло время пробуждения землян, новые энергии, приходящие на землю, способствуют духовному росту, возникновению новых парадигм, поддерживают огонь светильников творческих людей. Их много, рассыпанных по планете, словно путеводные звезды на пути пилигримов. Все больше они прикладывают усилий, чтобы таких огоньков становилось больше. Нарастает свече-

ние добросердечное, ширится альтруизм, актуальный нравственный принцип, бескорыстной заботой помогающий другим формировать и укладывать кирпичики личной культуры – того, как потом будет реализовываться внутренний мир каждого во внешнем мире.

У многих огромный творческий потенциал сокрыт внутри. И раскрытие этого потенциала, рост духовного сознания – для таких просто формула выживания.

«Творческая работа – это прекрасный,
необычайно тяжелый и
изумительно радостный труд».

Н. Островский

Глеб Нудов

НЕСООТВЕТСТВИЯ

В театре*

Слепая дочь могучего Рене
в конце концов узнает о своем несчастье,
и юный граф на взмыленном коне
прискачет к ней сквозь беды и ненастья,
а хор споет о счастье короля,
блистая жемчугом на пышных отворотах.
Но все закончится: графини и князья
разъедутся на стареньких «тойотах».

Санкт-Петербург

Сижу в ночном трамвае я,
в блокнот пишу стихи;
случится вдруг авария
(за прежние грехи),
смогу сказать открыто я:
«Судьба, прости меня –
снабдила ты корытами,
да я вот – не свинья…»

* В стихотворении речь идет об опере П. И. Чайковского «Иоланта».

ПО ПОВОДУ ОДНОГО СЕМЕЙНОГО КОНФЛИКТА

Еще одна лодка разбилась о быт,
пополнив флотилию лодок разбитых.
А где капитан? Вероятно, убит –
застрелен из лука сынком Афродиты.

Другие твердят, что он выброшен на
далекий-далекий невидимый остров,
с которым соседствует только волна,
что трется лохматою гривой о ростры.

А третьи считают, что новый челнок
он строит в прохладе лесных коридоров
и очень жалеет, что раньше не мог
бороться с магнитом божественных взоров.

Но истину грустную знаю лишь я
(и много отдал я когда-то за это):
искать капитана, наверное, зря,
когда его не было вовсе на свете…

ОДИССЕЙ – ТЕЛЕМАКУ

Опять распускаю «дежурный» ковер,
ковер с бахромою из шелковых ниток.
И вечер, что сумрак над небом простер,
мне хуже богами назначенных пыток.

Уплыла на запад супруга моя,
а я – Одиссей, я – владыка Ита́ки,
сижу во дворце, из окошка смотря
на пришлых невест перемирья и драки.

Гуляет в тиши коридоров мой сын,
отца за ковры и невест презирая.
А что я могу, если в духе перин
меня воспитала семья дорогая?

...Прожил как цветок я в хрустальном дворце,
спасенный от черни, боязни и прозы.
Судьба-садовод в кипарисном ларце
хранила от ветра свою туберозу.

О, сын мой! Прекрасный мой сын Телемак!
Беги из дворца ты, спасайся в просторах,
и затхлая жизнь всевозможных ита́к
не ляжет на душу привычным позором.

Садись на корабль и назад не гляди!
Не гнись, не тушуйся в чужбине далекой!
Потомков своих, Телемак, пощади:
осмелься разбить ты хоть несколько стекол!

* * *

Кипят вокруг чужие судьбы –
большой грохочущий вулкан.
Запечатлеть его мне суть бы
(как говорится, «als ich kann»*),
но кисть слаба, резец источен,
а карандаш мой крив и тощ,
и потому с насмешкой в очи
мне смотрит огненная мощь.

* «Als ich kann» («как могу», с нем.) – надпись на оборотной стороне некоторых полотен Альбрехта Дюрера.

СКВЕР

Я сквер печальный осквернил
своей танцующей походкой,
я по нему как яхта плыл
или как парусная лодка.

Рукоплескала мне листва,
и ветер пел проникновенно
от осознания родства
с моим прекрасным настроеньем.

Я веселее был, чем мог,
ведь в сердце горести таились.
Ах, милый сквер, таков итог:
две жизни вместе не сложились…

Виктория Левина

СТРАСТИ-МОРДАСТИ

Пятнадцатилетней годовщине
нашего брака посвящается…

Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Первая фраза романа
«Анна Каренина» Л. Н. Толстого

Позволю себе не согласиться с графом. Счастливы мы тоже по-своему.

«Пятизвёздочный» отель на берегу Красного моря был настолько прекрасен, что я просто обомлела! Под ногами – отшлифованный мрамор, на стенах – богатые портьеры, ниспадающие волнами на этот самый мрамор, на столах – изысканные блюда. Отель был неповторим ещё и потому, что всей своей задней частью был встроен в скалу, а фронтальной – выходил прямо в море! Будущий муж мой был доволен произведённым на меня впечатлением от отеля, моря, солнца, от подаренных к этому дню двенадцати бриллиантовых колец… Нет, он был не какой-нибудь принц или падишах! Хотя, о чём это я говорю? Конечно, он был для меня, репатриантки, почти пятидесяти лет от роду (правда, сохранившей к тому времени и стройность, и наивность, и умение влюбляться и любить) – принцем, падишахом и Али-Бабой в одном флаконе!

– Подожди меня здесь, в номере, а мне нужно позвонить кое-кому! – сказал будущий муж и пошёл звонить на нижний этаж к большим телефонам-автоматам, которые тогда ещё были в наличии.

Выражение лица его мне не понравилось. Уж слишком суровым и тревожным оно мне показалось. Здесь надо бы пояснить, что муж мой – восточный человек, взрывной, импульсивный, агрессивный в силу обстоятельств. Но со мной он всегда – мягкий, нежный, предупредительный. А тогда я вдруг почуяла запах надвигающейся грозы…

– Сукины дети! – орал мой муж в трубку, когда я спустилась вниз к телефонам, обеспокоенная долгим его отсутствием. – Я хочу говорить с раввином! Что вы меня по секретаршам футболите? Почему моя просьба уже год валяется у вас в офисе? Сожгу, к чёртовой матери, и ваш офис, и вашего раввина!

Я выскочила из-за колонны, и схватила его за руку:

– Что ты, что ты, успокойся, тебя сейчас в полицию заберут.

Но он подмигнул мне и только рассмеялся:

– Глупенькая-глупенькая моя интеллигентка! Здесь иначе нельзя – это же Израиль! Здесь только силу понимают!

На следующий день мужу перезвонили из раввината и доложили, что его просьба удовлетворена, и он может жениться после дли-и-и-нного-длинного развода, который тянулся вот уже пятнадцать лет.

В самолёте, вылетающем в Ларнаку, на Кипр, полно «брачующихся». Белые платья и чёрные смокинги развешены по салону, куда ни глянь. Вылетают жениться на Кипр те, кто по разным причинам предпочёл гражданский брак раввинатской свадьбе. Вопрос о предпочтении не стоял и перед нами: какая свадьба с белой фатой в пятьдесят-то лет? Летим, сами не зная куда – что там нас ожидает в мэрии, где глава муниципалите-

та будет женить всех, летящих специальным свадебным рейсом? Нам немного неловко: мы самые возрастные среди молодёжи, нам по пятьдесят. На мне коричневое платье в белый горох. На моём будущем муже белая рубаха и новый галстук. Боже, как он красив! Смуглая кожа очень выгодно оттеняется белой рубашкой, тёмные живые, «говорящие» глаза сверкают, тёплая родная рука нежно сжимает мою в течение всего полёта.

Речь мэра мы слушаем в переводе на английский. Он по очереди вызывает пары «брачующихся» к столу посередине небольшого возвышения в центре зала, чтобы они обменялись кольцами.

«Ма-а-амочка моя, что же мы делаем?»

Нас вызывают по имени. Колени подгибаются. В голове шумит. Обменялись кольцами. Я рыдаю в голос. Муж тоже вытирает глаза. Всё – теперь мы пара. Неизвестно – признают ли наш брак в Израиле?.. Министерство внутренних дел признаёт такие «кипрские» браки неохотно и не всегда. Ну что же – дело сделано. Поживём – увидим.

Какая ночь на Кипре! Звёзды крупные, яркие, ничем не уступающие фонарям, освещающим темные ночные аллеи.

– Хотите фотографию? – откуда-то из темноты выныривает юркий фотограф.

Никаких фотографий мы не планировали. Но в день свадьбы – сам бог велел! Он фотографирует нашу странную пару истово, самозабвенно, как настоящий художник! А почему бы и нет? Очень живописная парочка: она – высокая, белокожая, с голубыми «глазами на мокром месте», он – жилистый, небольшой, темноглазый, деятельный.

– Всё, готово! Завтра заберёте у самолёта!

После фотосессии направляемся по тёмным аллеями прямо на звуки музыки: она звучит откуда-то из летнего кинотеатра. Какая-то восточная, таинственная, как нельзя лучше подходящая моменту.

– Мой отец сейчас бы расплакался, – говорит муж, – песни Умм Кульсум – это то, что трогает его истосковавшуюся по родине душу… Они всегда слушали их в Иране. Знаешь, когда мы вернёмся, то обязательно навестим родителей. Я им так и скажу: «Вот, знакомьтесь. Это моя жена. И неважно, что она русская». Знаешь, персы ведь раньше никогда не женились на русских. Сейчас среди молодых уже случаются такие браки.

Муж почувствовал, как моя рука напряглась:

– Не переживай, всё образуется! Родители примут наше решение, мы же не маленькие, решаем сами за себя: как жить, с кем связывать судьбу.

Слова мужа успокаивали, баюкали в лад песням египетской певицы.

Всю дорогу до МВД я рыдала. Я была уверена, что наша просьба признать брак останется без ответа! Как смотрели на нас работники министерства в тот наш приезд месяц назад! Тогда мы заполняли анкеты и объясняли ситуацию, тыча разрешением из раввината в лицо изумлённой работнице офиса.

– Вот разрешение, вот сертификат о заключении брака на Кипре, вот бумага от главного раввина о проведении церемонии развода в отсутствии ответчицы…

– Приходите через месяц. В министерстве рассмотрят вашу просьбу, – пролепетала тогда девушка.

И вот теперь нам предстояло получить ответ.

– Боже, зачем мы всё это затеяли?.. – рыдала я. – Ну, жили бы, как живут другие, без всех этих процедур, просьб, отказов, скандалов!

Одна рука мужа лежала на руле, а другая – на ручке коробки передач. Поверх неё всегда лежала моя рука. Мы вошли в офис МВД. Вдруг за стеклянными окошками началось какое-то движение.

– Пришли, они пришли! – услышали мы приглушённые голоса.

Девушки выходили из-за кабинок и почему-то выстраивались в полукруг перед нами. В руке одной из них были цветы и какой-то документ. Всё происходило, как во сне. Мы ничего не понимали.

– Министр подписал просьбу признать ваш гражданский брак действительным на территории государства Израиль, – громко сказала девушка с цветами. – Такое случается очень-очень редко, – тихо добавила она, – учитывая ваши обстоятельства…

Откуда в человеке берётся такое количество слёз? Только теперь это были уже слёзы радости. Всю дорогу домой в машине мы хохотали, кричали от радости, рассматривали и читали наш новый документ, в котором мы являлись мужем и женой. «Абсолютно безнадёжное дело», как говорили нам несколько предыдущих адвокатов, все, кроме одного, последнего, вдруг превратилось в это свидетельство о браке, в свершившийся факт!

– Я же тебе говорил, детка! – кричал муж. – Мы победим! На следующей неделе поедем к родителям в праздничный вечер перед Песахом.

Пасха, или Песах по-еврейски, – это самый светлый религиозный праздник в Израиле. К нему тщательно готовятся, вымывая дом в самых потаённых уголочках,

избавляются от «квасного», запасаются мацой, ставят на столы под белыми скатертями новую посуду.

Сердце выпрыгивало у меня из груди – что будет? Зная нелёгкий нрав свёкра, можно было ожидать чего угодно. В те редкие разы, когда мы приезжали навестить родителей мужа, ко мне не относились никак: «очередная пассия», «эта русская», «христианка» – вот далеко не полный список эпитетов, которыми семья пользовалась, когда говорили обо мне. Это было просто удивительно! Ведь я уже к тому времени была самодостаточным человеком, построившим в Израиле карьеру на работе: шутка ли – директор по качеству на авиационном заводе! Но для моих новоиспечённых родственников всё это не играло абсолютно никакой роли. «Эта русская», «христианка». Может, теперь это изменится, наконец? Я же готова была любить и почитать свёкра со свекровью как родных! Мои родители давным-давно меня оставили на этой земле одну…

Муж открыл калитку дома, и мы прошли по ступенькам лестницы ко входной двери. За окном внутри был виден праздничный стол, горящие свечи, члены семьи в белых одеждах, сидящие за столом. Мы вошли.

– Папа, мама, вот мы пришли поздравить вас с праздником. Я и моя жена.

Я чувствовала на себе тяжёлый взгляд свёкра. При этих словах он грузно поднялся из-за стола.

– Что-о-о-о? Как ты посмел в такой вечер привести сюда эту русскую проститутку?

Я обалдела: «Какую ещё проститутку?»

Свёкр снял с ноги тапочек и кинулся на нас с криком:

– Вон из моего дома, паршивцы!

– Бежим! – муж схватил меня за руку, и мы ринулись наружу – по ступенькам, вдоль двора, к стоянке машины. Отец мужа мчался за нами с тапочкой в руке, потрясая ею и выкрикивая проклятья «этой русской», «христианке», которая охомутала его сына и посмела явиться в его дом в Святой вечер!

Уже дома, в подземном гараже, мы обнялись крепко-крепко и расплакались оба. Так и сидели, крепко обнявшись, целуя друг друга в лицо и смешивая слёзы. И было это пятнадцать лет назад...

БАБУШКА НА ВСЕ ВРЕМЕНА

– А я хочу рассказать о моей иранской бабушке, – говорит иногда муж, если мы оказываемся в хорошей компании среди добрых людей за бокалом любимого красного сухого вина.

Муж смотрит на меня вопросительно, ожидая одобрения. Ведь это мне предстоит переводить его рассказ слушателям. Рассказы мужа очень забавны и самобытны: это и про первую в его жизни машину-драндулет, и про службу на Синайском полуострове в пятидесятиградусную жару, и про любовь в противогазах во время газовых атак на Тель-Авив. Но самый любимый его рассказ об удивительной, малограмотной, но очень мудрой женщине – бабушке. Я просто обожаю рассказы о ней и её саму: маленькую, сухонькую, с клюкой, неожиданно голубоглазую, с рыжими волосами! Хоть и знаю её только из рассказов мужа. «Бабушка на все времена» – так зовёт ее муж, если перевести «в лоб» с иврита.

– Мы были семьёй беженцев из Ирана во времена революции Хомейни, – так начинается его повествова-

ние. – В Иране наша семья имела всё: дома, земли, даже рабов, и была семьёй, приближенной к королевскому двору. Семья была эвакуирована из Ирана последним самолётом. Бежали, успев прихватить с собой пять килограмм золота. Отец был очень умным и практичным человеком, и по прибытии сумел вложить все эти золотые слитки в земли и недвижимость в центре страны. Итак, богатая в прошлом семья с пятью детьми оказалась в пекле новой жизни, в центре непростой страны в непростое время. Мы раньше кушали, сидя на полу, на ковре, и у нас было принято есть восточную еду руками, – муж снова осторожно поглядывает на меня. – Потом появилась мебель – стол, стулья, шкафы. Но всё равно в школе все дразнили и издевались, особенно «ашкеназские» (то бишь «европейские») учителя. Подзатыльники, битьё линейкой по пальцам, оскорбления. Часто вызывали в школу родителей. Но тем всегда было некогда – оба работали, чтобы прокормить семью. Поэтому в школу ко мне всегда ходила бабушка, – выразительные глаза мужа теплеют при одном упоминании о любимом человеке. – Она всегда отправлялась в школу воинственно настроенная: «Кто посмел обидеть её любимого внука?» И учителя, и директор – все боялись её клюки! Отвоевав в школе, мы с бабулей шли покупать что-нибудь вкусненькое на рынок. А там она показывала мне тайные лавчонки, где продавали гашиш. Бабушка баловалась «травкой» всю жизнь и лечилась этим зельем от всех болезней!

Мои друзья за столом хохочут:

– Сильна бабуля!

– Когда мы, дети, заболевали, бабуля вылечивала нам нестерпимую ушную боль на раз! Покурит в ушную ра-

ковину дымом от гашиша, завяжет тряпку вокруг головы на ночь – и наутро ты здоров, как огурчик! Ещё в раннем детстве, когда я был совсем маленький, – продолжает муж, – она вообще никого к коляске не подпускала: «Мой внук слишком красив, чтобы вы на него глазели!» – и отгоняла всех. Может, поэтому отец и невзлюбил меня, что я считался «любимым бабушкиным внуком», а с тещей у него были сложные отношения. В семейных хрониках существует ещё одна версия нелюбви отца к старшему сыну и, наоборот, безумной любви бабушки с своему старшему внуку. Говорили, что в молодости бабушка была влюблена в парня, имя которого она и дала старшему внуку. Замуж она выходила за деда не по любви, а по принуждению семьи. Всё может быть, теперь уже не спросишь…

Все наши друзья за столом уже успевают полюбить экзотическую бабушку, а некоторые, которым уже доводилось слышать о ней, просят:

– Расскажи про бабушку и водку!

Муж смеётся:

– Да, любила бабуля водку! Крошила в миску кусок хлеба, заливала водкой и ела эту «тюрю», смакуя, не торопясь, ложкой. Потом выкуривала «косячок» и шла отдохнуть в гамаке за домом. А меня потом часто посылала, чтобы принёс ещё «дозу» с базара, из тех секретных мест, которые она мне показывала, а в награду совала мелкую денежку на мороженое. Мировая бабуля!

Хохочут уже все. А кто-то просит:

– Расскажи, как ты с друзьями пришёл домой на побывку с войны.

Муж ещё более оживляется – он и сам обожает рассказывать эту историю!

– Отпустили меня как-то во время войны домой на побывку: помыться, выспаться, отдохнуть от военного быта. Прихватил с собой друзей, чтобы тоже вместе со мной поели домашнего, выпили. Купили мы бутылку коньяка, одну на всех, и ввалились в дом моих родителей. Бабуля очень обрадовалась такой компании! Вышла к нам. Было ей тогда уже за сто. Друзья решили подшутить над старушкой и кто-то из них предложил:

– А что, бабуля, выпьешь с нами? – глаза у бабули молодо сверкнули, она гордо вскинула сухонькую головку и кивнула: «Давай! Отчего ж не выпить? Коньяк я люблю!»

А дальше, как в замедленном кино: друзья, раскрыв рты, молча наблюдают, как содержимое бутылки, булькая, исчезает в горле у бабушки.... Выпив всё до дна, она вытирает тыльной стороной ладони рот, говорит «спасибо» и уходит в свою комнату!

Все хохочут.

– Ну, а дальше, что было дальше?

– Дальше мы сбегали в ближайшую лавку и купили ещё одну бутылку на всех. А бабуля похрапывала в соседней комнате, в которой ещё долго чувствовался дым от «косячка»...

– А ты не пристрастился к этим её штучкам? – спрашивает один из наших друзей.

– Не-а, я – нет. Никогда не курил.

– А когда и как умерла твоя «железная» бабуля?

– Ей было уже сто с лишним лет. Точного возраста своего старшее поколение не знало – в Иране тогда не было документа о рождении. Она очень любила заглянуть в курятник и выпить свежее яичко из-под курочки. И как-то перепутала корзины с яйцами. Взяла из

корзины, что стояла уже пару дней, Яйцо оказалось несвежим. Бабуля отравилась и через пару дней умерла в больнице.

Муж замолкает. И всем за столом жалко его замечательную «крутую» бабушку.

– Ну, так выпьем, чтобы земля ей была пухом, – поднимаю я бокал с любимым красным сухим вином.

Наши друзья присоединяются. А муж, отвернувшись, вытирает увлажнившиеся глаза.

Нани Сариду

САМОДОСТАТОЧНОСТЬ СТИХА

Самодостаточность стиха
Нечастое явление,
Присуще мыльным пузырям
Сиять на удивление:

Пиар, вступающей в права
Скандальной лженауки,
Раздует авторское «Я»,
«Хождение по мукам»...

Творцам дарует благодать
Божественность творений,
Костям – компактных полостей
Воздушность... Без ранений,

Без сублимации невзгод,
Хранимых за замка'ми,
Не будет вихрей, виражей,
Лишь хлюпанье носами.

Не ляжет Случая печать
На Гения икринки,
Личинкам Славы не принять
Вид образов картинных

без нависающих молок
Немногих научивших
Питаться Болью и питать
Любовью, как Всевышний...

Самодостаточность стиха
Звучит как откровение;
А с ним покончив, не спеша
Попью-ка чай с вареньем!

ТОСТ

Довольно под ноги смотреть
И на посредственность коситься,
Пред вами взял да объявился
Созданья Божьего венец!
А вы, скрывая интерес,
Постыдно поспешили скрыться;
Куда вам до принцесс и принцев?!
Как от низины до небес!
А если просто восхититься
И дотянуться? Смертный грех
Простого корпуса стыдиться,
Коль механизм швейцарский биться
Часам позволит! За успех!

ИСТИНА

В Египет прибыл. В мутных водах Нила,
у пирамид, во чреве Аль-Халили:
в Кавафиса кофейне, у зеркал,
на площади (взвывал микроцефал –

пытал его тайком коловший шилом
подросток-попрошайка, подавал,
кто мог, профессионалу. Я не дал...)
скал её… в билете на корриду:

воочию увидев смерть в Мадриде
(«Герой тореадор!» – вопили дети.
Его жалела пресса... Я не стал.)
Ловил её меж тел, видавших виды:

в Акрополь не ступивших индивидов,
музеев не видавших афинян,
и к морю равнодушных... с виду –
благих островитян...

Я Истины, должно быть, не увижу
средь правды разношерстной зазывал,
политиков, обиженных и нищих...
Узреть её дано тому, кто ищет,

не ставя Объяснению на алтарь
понятия Сакральных Истин.
А Вера и Любовь превыше...
(доказанных теорий, всех начал).

СТИХ (*для песни*)

Задуло свечи нам
Дождливым вечером,
Холодным вечером
мы платим по счетам.
Моллюском в трещинах
Ветрами встречными
О риф разбит,
На милость сдан штормам,
Мещанский серый быт
(Когда-то Божий Храм).
Любовь отсвечена
Глазами детскими,
И ради этого
Бороться нам не жаль;
Пред ликом Вечности
Померкли мелочи,
Балласт за борт…
И снова манит даль
Плавучий наш корабль,
Живучий наш корабль.
Две створки целого
(дыра заделана);
Видать, сама Фортуна
Встала за штурвал.
Вернуло мальчика
Глазами девочки
В живой наземный Храм,
В лишённый Богом Рай.
Задуло свечи нам
Дождливым вечером,
Холодным вечером
Всё встанет на места,
Все платят по счетам…

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЫСТАВКИ

Нолик в отдельности – дырка от бублика;
Кол с шестизначною свитой – миллион,
Коль в неглиже выставляется публике
Плюсом заряда закусочный стол.
Рока рука и Король, Голь и выпивка,
Критикой Славы замкнёт ореол.
Кроет Портной презентацию Выставки;
Я наблюдаю («не пойман – не вор»).
С кучи жующих, их жестов и мимики,
Взором скользну по полотен шелкам:
Вслед за Шагалом летаю над крышами
И балерины касаюсь Дега…
Сверзнувшись с Шара Сезанна, синюшности
Дабы не видел смотрящий в упор,
У Ренуара омою округлости
Розовым жемчугом светлых тонов.
Кляксы Малевича, хаос Кандинского,
Деские по'туги поиска форм
Меркнут пред Климтом, его фееричностью –
Образа дамы во всём золотом.
От плоскостного к объёмному – светится
Купол Капеллы Си(к)стины, взбежал
Ввысь по пылинкам кружащейся лестницы
В солнечном свете – к Началу Начал.
Изгнан повторно разбуженным временем
С шумом захлопнутой книги, вдали
Райские кущи, адамову семени
Ход прямиком в паранойю Дали.

Там, где сознание распластанной девою
Сладко отдалось греховному сну;
Там, где гранат раскололся от семени
Страсти, видений, у воли в плену;
Там, где СМИ предрекая рождение
И окончание жужжанием всему
И объявляя корявость растения
Засухой, Богу объявят войну;
Там, где пустыни стерильность – явление,
Не из последних – прожорливость, впрок
Разве пристало винить Провидение,
Если осадки уходят в песок?

МИССИОНЕРСКИЙ ХОД

И крест о двух концах
В руке первопроходца:
Расколот череп надвое горы –
Вдоль автострады каменные кости
Бледнеют на изломе от жары...
На срезе чуб небритого подлеска
Сосудами пронзает краснозём
Обрывками корней, в порыве детском,
Дрожа, пощёчин скалам надаёт.
С того ли, что Природа оплошала
И приняла грабительский заём
Спиртного и стеклянного начала
Рукой её доверчивых племён?
В Прогресса клети узницей стеная,
Распятая, подопытным зверьком
Глядит, как методично истязают,
Галдят над свежевспоротым нутром
Её во имя Высшего – Науки,
Познания, Человечества, Богов;
В который раз омыты нефтью Руки,
И меркнет бледноликий образок.

ИСПОВЕДЬ ВЕГАНА-РАДИКАЛА

Зарубки на плахе, болтается плоть
На крючьях, рядами кровавое войско
Из дыр мясорубки бесславно взойдёт
И, пав, палачом в целлофан завернётся.
Наклеится ценник. «Кто следующий?» Кость
дробится, слеза крокодилова льётся.
«Не майся!» – бодрит покупателя. – «Брось!
Все звери, в "Мясном" отовариться можно!»
Блестит чистотой супермаркет, как морг:
Стекло холодильника, длинные полки,
На них упаковки прозрачных гробов,
В них крылья со связками рваными, кровь
Взращённых в неволе, загубленных с толком.
Прозревшему вегану сказки про Долг,
Гуманность, Любовь вызывают изжогу
Я «вороном выклюю ворону око»
За зря убиенных, елейную ложь…
Вот только по Библии Порченный Плод,
Потомок по Дарвину четвероногих,
Гроза торгашей, живодёров, дорогой,
Борьбой утомлённый, от Бога далёк…

«Искусство, свобода и творчество изменят общество быстрее, чем политика».

Виктор Пинчук

Ирина Сапир

ПРОЗАИЧЕСКИЕ ЗАРИСОВКИ

УЛЕЙ

Недавно наткнулась на один занятный пост в фейсбуке. Очередной «эксперт» высказал предположение о том, что катастрофы, природные катаклизмы, эпидемии и подобные происшествия, уносящие много жизней одновременно, спланированы представителями внеземной цивилизации с целью урегулирования количества населения на нашей планете. Я, конечно, усмехнулась, забыла об этой абсурдной идее и побежала дальше по фейсбуковской тропинке. Через какое-то время мне почему-то вспомнилась эта странная версия и стало не по себе. А если представить себе на минутку, что действительно существует некто, следящий за тем, что делается в «Земном улье». Что тогда видит этот наблюдатель?

Скорее всего то, что Земля перенаселена. Что она истощена необходимостью огромного количества пищи и воды, неуемным и часто варварским использованием её ресурсов. Что она отравлена химикатами и технологиями. Что она измучена войнами между населяющими ее существами.

И что тогда, по логике вещей, этот «пчеловод», ответственный за данный «улей», будет предпринимать? Он, скорее всего, попытается навести порядок в этом хаотичном мирке подвластными ему способами. Например, попробует сократить население с помощью средств, способных за один приём сделать существенную очистку. Не так?..

Для него это лишь определенная количественная масса лишних существ. Он и понятия не имеет, что каждый человек в этом сгустке является целой жизнью со свои-

ми страхами, талантами, надеждами, мыслями, привязанностями. Он знает только то, что, если не навести порядок, то весь «улей» придет в негодность, а через какое-то время просто погибнет.

Он не воспринимает нас как отдельных личностей совсем не потому, что является жестоким монстром. Просто у него нет рецепторов, позволяющих услышать, понять и прочувствовать нас. Точно так же, как мы не в состоянии наладить контакт с пчёлами, мухами или муравьями. Это не другой язык, который, поднапрягшись, можно выучить. Это чуждая жизненная суть, понять которую мы не можем по причине отсутствия у нас необходимых органов восприятия.

Что же нам в этом случае делать? Как остановить вполне обоснованные действия «пчеловода»? Даже если мы будем истерически орать, для него это будет просто бессмысленное жужжание или писк. Что бы мы не предприняли, пытаясь остановить его благие (по его мнению) действия, он не поймет, не услышит, не расшифрует.

А может, попытаться навести порядок САМИМ приемлемыми для НАС способами? Прекратить вкладывать силы, деньги и человеческие жизни в войны. Перестать превозносить деньги над ценностью природы и здоровья. Научить растущее поколение детей более бережно и разумно относиться к ресурсам этой планеты, которые далеко не бесконечны.

И тогда «полномочному пчеловоду» не придётся прибегать к жёстким методам зачистки. Ему останется только довольно и горделиво наблюдать за тем, как ладно работает вся эта система, находящаяся под его ответственностью.

Диву даюсь, какие бредовые мысли иногда гуляют по моему воображению.

ДВЕРЬ

Захлопнуть обычную дверь несложно. Много не надо. Достаточно одного резкого движения ногой или рукой. Так же и с дверью, которая ведет в душевный космос. Необдуманный поступок, взрыв раздражения, неправильные слова, сказанные не должным тоном в неподходящей обстановке, – и дверь в сердечный будуар закрыта. Открыть ее снова намного сложнее, чем закрыть, но возможно. Поначалу возможно. С каждым разом всё выше вероятность того, что при очередном захлопывании эту дверь заклинит так, что она врастет. И даже если впоследствии заклинивший замок будет заменён на новый, ключи вам уже не выдадут.

Таков закон душевных дверей.

ПОРТАЛ

Женщина – поэт, самозабвенно склонившаяся над гипюровой тканью стихотворения, готовая бессрочно скитаться по лексическим джунглям в поисках одной единственной, самой лучшей рифмы, окружающая себя облаком пыли от шлифовки строк и строф, погружающаяся в глубины поэтического текста, забыв о времени и пространстве.

Женщина – мама и хозяйка дома, снующая между плитой и холодильником, по дороге закидывая в посудомоечную машину грязные тарелки и доставая оттуда чистые, постоянно подбрасывающая хворост в камин домашнего уюта и следящая за тем, чтобы он никогда не гас.

Эти две женщины несравнимы друг с другом. У них разные амбиции, разные спектры мыслей, разные территории душевного обитания. В силу своих полярных

различий они не могут сосуществовать одномоментно в одном измерении. Для трансформации из одной в другую мне необходим какой-то портал.

СТИХОРОЖДЕНИЕ

Как рождается стих?.. По разному. Иногда я ловлю образ. Ловлю как бабочку, севшую случайно мне на рукав. Потом подбираю к ещё расплывчатому силуэту ситуацию, историю или, как говорят шпионы, – легенду. Затем я вхожу в это состояние, как в построенный дом. Вхожу и обживаюсь, смотря на мир через его окна.

Бывает, стены этого дома давят так сильно, что начинает ныть под ребрами. И тогда эта лава ощущений, накалившись внутри, выливается на бумагу стихом. И образ затихает во мне, начиная жить отдельно от мыслей и ощущений, в строчках написанного стихотворения.

СЧАСТЬЕ

Счастье – это состояние прежде всего внутреннее. Оно или есть, или его нет. Внешняя жизнь, конечно, влияет на его наличие в нашей душе, но не так значительно, как принято думать.

Все наши контракты с самими собой из серии – вот, когда женюсь или выйду замуж, перееду в новую квартиру, найду лучшее место работы, и так далее, тогда я буду абсолютно счастлив(а), – просто самообман. Если все желаемое происходит – и свадьба, и более подходящее место жительства, и новый офис с большей зарплатой – то обязательно находятся новые требования для этого эфемерного ощущения.

Где, с кем и при каких условиях мы бы не жили, мы можем беспрестанно ныть и жаловаться, ждать лучшего, не замечая сиюминутного хорошего.

А можем потянуться, оглядеться, убрать и украсить свой дом, сделав его уютным, налить себе горячий ароматный кофе, залезть с ногами на мягкий диван, открыть интересную книгу, а может, включить музыку, или заняться тысячью других возможных дел. И быть при этом абсолютно счастливыми. А все хорошие события принимать как замечательный бонус и добавку к уже живущему в душе радостному трепету.

КОРАБЛЬ

Наши жизни похожи на корабли. Они постоянно плывут вперёд, оставляя позади пройденные причалы и не вернувшихся на борт пассажиров. Сколько людей за годы плаванья поднимались ко мне на палубу, обустраивали свои каюты, но через время спускались вниз по трапу, чтобы больше по нему никогда не подняться. Я должна была бы к этому уже привыкнуть, но каждый раз, когда я смотрю кому-то в след, ноет где-то под ребрами.

Снова и снова течение приносит мой корабль к новым берегам, чтобы кто-то поднялся на его борт, а кто-то спустился на берег и навсегда затерялся в толпе проходящих мимо. А мой корабль отправляется дальше, унося свой бесценный груз, который так редко бывает постоянным.

БАГАЖ

Я привезла с собой
бессмертные творенья –
поэзии биенье
и прозы вдохновенье…
Но здесь язык другой.

Я привезла с собой
блокнотик с адресами
друзей моих… Но сами
они за большаками.
Их рядом нет со мной.

Я привезла с собой
цвет мартовской мимозы,
метели и морозы,
и летних ливней слёзы…
Но здесь – дожди зимой.

Я привезла с собой –
а для чего, не знаю:
тут жизнь совсем иная,
а я храню (смешная!)
багаж никчемный свой.

Но если я тоской
поранюсь в кровь, как сорным,
густым, колючим тёрном,
мне снимут боль бесспорно
осколки жизни той:

июльский дождь, настой
есенинского слога,
ромашки у порога –
все то, что (слава богу!)
я привезла с собой!

КРУГОВОРОТ

Вновь начинается день –
всего лишь звено в цепочке.
Сползает ночная тень,
как шёлковая сорочка.

Дымку недавнего сна
сметает душистый, терпкий,
горячий эспрессо. На
автобусной остановке

ёжась, толпятся уже
угрюмые пассажиры.
На улице и в душе
еще по ночному сыро.

Тихий обыденный день.
В ладонях сжав удила, мы
насилу умерим лень
и полный возок с делами

в гору потащим с трудом:
работа, хозяйство, дети –
мы наспех день проживём,
почти его не заметив.

Ночью осмыслим итог,
вдыхая дым сигареты:
Написано мало строк!
Поломано много веток!

Но предрассветная сень
растает, и без отсрочки
начнётся наш новый день –
всего лишь звено в цепочке.

ВРЕМЯ

Мы у него во власти – мучительное иго!
Ведём неутомимо, но тщетно с ним войну.
Монарх – диктатор Время! От сотен лет до мига –
всё бытиё земное в его стальном плену.

Его бесцеремонность – мучительное бремя:
берёт что хочет в нашем хранилище святынь.
Легко, неумолимо ловкач-карманник Время
по году, по минутке ворует нашу жизнь.

То мчится, вынуждая нас ногу вставить в стремя,
то медлит, на столетие растягивая час.
Азартно, но бездушно, игрок-картёжник Время
тасует наши судьбы, не спрашивая нас.

Раскатисто и гулко стучит, как молот в темя,
вещая неизбежный, суровый приговор.
Художник бесталанный, гравёр-любитель Время,
на лицах наших пишет былых забот узор.

Но всё-таки не губит людское наше племя
и стелет перед нами густую сеть путей.
Хранитель милосердный, мудрец-наставник Время,
заботливо и щедро растит для нас детей.

ДОРОГИ

Дороги наши перепутаны,
сплетаются в густую сеть.
Стежками – вёрстами и футами –
земную прошивают твердь.

Дороги наши – бездорожица.
Ухабы, топи – не пройти.
Бурьян кустится и топорщится
густой терновник на пути.

Дороги наши злы и ветрены.
В лицо – мистраль, в глаза – песок.
То вдоль обрыва километрами
проходят лишь на волосок

от бездны, то бредут по северной
стезе – по тонкой корке льда,
то обрываются растерянно,
не ведая идти куда.

Плутают долго и мучительно.
В осколках часто, и в золе…
Но всё не в счёт! Так восхитительны
дороги наши на земле!

Марина Ламберту-Симонова

УХОДИ НАВСЕГДА!

– Уходи! Убирайся! И ничего не хочу о тебе слышать? Поняла?! – кричал он, и лицо его багровело на глазах. Он ещё не понял, что кричит впустую. Что она давно ушла. Исчезла из его жизни навсегда, как он этого, вроде бы, и хотел.

И теперь он свободен! Эх, гуляй, Вася!

Так вот он и гулял себе! И нагулялся: на старости лет один остался! Хотя, вроде бы, всё есть: машина, квартира, дом с небольшим, но ухоженным садом. Сам им и занимается: холит, лелеет, хотя мог бы и садовника нанять. Пенсия у него хорошая, да и поднакопил немало на старость, на чёрный день, так сказать… Только кому всё это достанется? Детям, которые знать его не хотят, пока деньжатами не поманишь, а как ему плохо стало, так их днём с огнем не найдёшь. А он всё один в саду спину гнёт, хоть как-то за этим занятием забывается, спасается от одиночества…

Женщины его сами сначала покидали – не хотели мириться с его грубостью. А потом он и сам их оставлять начал, едва воспользовавшись… Был в этом и страх, конечно, заложен за свои сбережения, за этот дом и сад, но и не только в этом дело.

Много лет прошло, а он так и не смог найти такую, как Она. Почему она тогда это сделала? Всегда такая терпеливая, покладистая, не то, что эти… И он сплюнул в сторону и плеснул себе коньяк в маленькую рюмочку с цветочком, которую он сохранил, не разбив тогда в сердцах, как всю остальную посуду, которой касались её руки…

Ну зачем она так поступила? Промолчала бы, зарылась в подушку, наплакалась бы, а потом тихо уснула, разметавшись во сне как ребёнок, а на утро позвала бы к завтраку, какой умела готовить только она…

Так нет же, ушла… и даже за нарядами не вернулась, которые так любила, а он её попрекал: мол, известное дело для кого она так наряжается…

Да, он не раз обижал и попрекал её, называя нахлебницей и разлучницей. Мол, она встала между ним и его детьми от первого брака, хотя он отлично знал, что она этого не делала.

И налево она не ходила тоже, хотя могла, ох как могла бы! Когда она шла по улице, мужчины оборачивались, потому что было в ней нечто неописуемое, магическое, затягивающее в омут её голубых глаз. Он ведь и сам перед этим устоять не смог тогда, да и теперь ещё вздрагивает, когда она ему грезится то на улице, то в кино, то в театре…

Да, он тогда гнал её, ругаясь всеми дрянными словами, но ведь не взаправду же гнал, а просто пар из души выпускал в постоянном страхе от того, что она сама может его оставить когда-нибудь, «перескочив», как он любил повторять, на кого-то… побогаче…

После её ухода он злобно распахнул шкафы и, увидев десятки её платьев и курточек, ухмыльнулся, подумав, что уже с ними-то она точно никогда не расстанется, прибежит как миленькая и назад запросится. Таких нарядов, как у неё, тоже ни у кого не было: недорогие, почти девичьи платьица в светлых, пастельных тонах, которые удивительно шли к её совсем детским голубым глазам и длинным темным локонам и подчёркивали таинственную уникальность хозяйки…

Он терпеливо выдержал три дня её отсутствия и отправился разыскивать в квартиру её матери, но опять не сдержался и, увидев, нагрубил, хотя приготовил слова извинения и мира, слова любви, которые на самом деле жили в его душе и никуда не исчезали с момента их первой встречи. Но он словно проглотил их, едва увидев её миниатюрную фигурку в облегающем платьице, вызвавшую в нём не только прилив страсти, но и дикой ревности. К столбу что ли? Да, наверное! Как иначе объяснить это странное, гложущее его самого чувство, ведь он же знал её жизненные принципы и понимал, что она никогда не совершит измены. Знал он и то, что она его любила, очень любила…

Ещё через несколько дней он решил предпринять новую попытку возвратить её назад, даже букет цветов прихватил, расщедрился на торт и бутылку шампанского, но она бесследно исчезла, и даже мать ничего о ней не знала или не хотела ему говорить. Хотя вряд ли дочь рассказывала ей, как он мучил её постоянными упрёками, как унижал, сам не зная за что.

Теперь-то, пройдя долгие «университеты» общения с женщинами, он понимал, что гнев в нём вызывало как раз всё то, за что и стоило любить: её образование, культура поведения, любовь к театру, живописи, книгам, которые она и сама писала, причём очень даже круто, а он лишь критиковал, еле сдерживая злобу и… зависть… Зависть к собственной жене за её же положительные качества, за которые её бы ценил любой мужик… да и за это тоже, тем более что и в постели ей поначалу не было равных… Правда, потом он и этот «компонент» уничтожил, потому что постоянно представлял, что она когда-нибудь может быть такой страстной и нежной с

другими… Что уж там говорить о том, чтобы детей завести. Он заранее знал, что и к ним будет испытывать и так испепеляющую его ревность.

А между нею и своими отпрысками от первого брака сразу вбил прочный клин, обвиняя во всем её, хотя сам так настроил подростков-недорослей, давая им полную свободу открыто не уважать и ненавидеть её. Он же был и инициатором развода. Подал все документы, чтобы принудить её явиться хотя бы в суд. Думал, вот явится, испугается хорошенько, поймёт чего лишается и будет проситься назад, смотря ему в глаза своими голубыми, полными слёз, обовьёт его шею нежными, мягкими ручками, которые были только у неё… И он простит великодушно, погладит по мягким волосам, с помпой заберёт заявление и пригласит в ресторан, а потом у них будет прежняя страстная, пламенная ночь…

Но этого не произошло. Она прислала в суд письмо с согласием на развод из какого-то далёкого города. И их быстро развели по обоюдному согласию, без всякого дележа имущества, на которое она не претендовала, как он рассчитывал, судя по себе самому.

Говорят, жизнь не меняет людей с годами в лучшую сторону, а его-то как раз и поменяла: он стал очень чувствительным, у него появлялись слёзы даже при просмотре фильмов, особенно, если главные героини хоть чем-то напоминали её… А её ему напоминало теперь абсолютно всё, хотя прошло более 30 лет… Причём, чем лучше были условия его жизни, тем горше он страдал. В конце концов перенёс на ногах инфаркт и приобрёл букет всяких других возрастных заболеваний. Ухаживать за ним было некому, хотя и надобности в принципе особой не было, но однажды, узнав о возможности времен-

но поселиться в доме престарелых – в отдельной квартирке с хорошим уходом и харчами, решил попробовать. Как никак не будет больше изнывать от одиночества и возиться с бельём и кастрюлями. Конечно, он всё оплачивал сам и в любую минуту мог расторгнуть контракт и вернуться в свой дом.

Поначалу жильё и уход оправдали его ожидания. Его довольно прилично несколько раз в день кормили, убирали в квартире, и он мог беззаботно проводить дни перед телевизором, смотреть концерты приезжих артистов и спокойно гулять в большом парке. Одно ему было неприятно: вечно жующие, громко чавкающие и шамкающие старики и старухи. Хотя сам он на их фоне выглядел, как считал, абсолютным здоровяком, неизвестно зачем здесь поселившимся; он возненавидел их уже за то, что они напоминали ему всем своим видом о том, что его может ожидать в будущем. А он ведь всегда любил смотреть вперёд и гордился тем, что заранее знал, чем всё это может кончиться.

Некоторые особенно активные старички пытались познакомиться с ним поближе, например, сыграть партию в шашки или в подкидного дурака, но он избегал этого всячески, так как ему казалось, что его просто хотят использовать, например, попросить что-то принести из магазина, ведь большинству стариков дорога на «волю» была заказана. Они могли оттуда не вернуться из-за слабеющей не по дням, а по часам памяти, их запросто могли обмануть и ввязать в какую-нибудь ненужную для дома престарелых историю. Так и прошёл первый месяц привыкания, а дети даже не подумали его разыскивать. Конечно, он уже изучил и некоторых постояльцев, дабы избежать особо неприятных контактов.

В «богадельне», как он называл это заведение, было и немало дам, причём не всегда таких уж и немощных, и многие подсаживались к нему на скамеечку: кто с желанием просто поделиться своей историей (чаще грустной), кто просто надеясь на более близкий контакт, чтобы, так сказать, было потом на чьё плечо голову приклонить на уже довольно-таки крутом склоне лет… Конечно, он смотрел на них критически, хотя у него всё больше стали проявляться проблески искреннего сочувствия, чем он никогда не страдал в молодости. Тем более, что от многих историй, происходивших некогда с этими одинокими людьми, можно было действительно и в голос расплакаться… У него ведь и самого подобная… печальная история была, опалившая его отнюдь не ангельские крылышки…

Он давно заметил одну старушку, которая, как ему казалось, сторонилась всех. Он никогда не видел, чтобы она к кому-то приближалась, не слышал её голоса и даже не видел лица, прикрытого платком… Но что-то было в ней такое, что возбудило его интерес, хотя он сам не понимал – почему. По крайней мере, у него не возникло к ней неприязни, как к другим старикам, и это было уже хорошо. Хотя он чётко понимал, что у него на эту неприязнь вообще нет права, и сам скоро таким будет… Он уже почти начал свыкаться с этой мыслью и так ему вроде легче стало. Подумывал даже решиться и дом продать вместе с садом. Кому они нужны? А то вот помрёт ненароком, и дети горло перегрызут друг другу за этот «жирный кусок». Надо будет маклера подключить и нотариуса, хотя вот рыбок в пруду жалко… и птичек, которые на специально оборудованную пло-

щадку в саду слетались на его голос. Он даже дал им имена и каждую практически знал в «лицо»...

Но вдруг он увидел ЕЁ лицо.

Он видел его часто, почти каждый день все эти годы в своём воображении, а тут... тут вдруг – вживую. Он не мог обознаться!.. Это была она, та, которую он искал все эти годы! Да, та самая худенькая старушка не успела увернуться от его цепкого взгляда, которым он уже давно провожал её, словно что-то чувствуя... Её голубые глаза выпростались из-под платка, и она не успела их спрятать. Те самые молодые, почти девичьи глаза, лишь слегка посветлевшие и поддёрнутые влагой...

– Это ты?! Ты, Наденька?! – сказал он. – Я тебя сразу узнал, хотя думал, что не может быть такого совпадения!

– Она вас не слышит! – сказала молоденькая практикантка-медсестра. – Да и вряд ли видит! Говорят, она уже давно оглохла и ослепла от какого-то горя, которое пережила в своей жизни! Сначала потеряла мужа, выгнавшего её из дома... беременную, а потом сынишку, которого было очень трудно поднимать одной... В её истории болезни есть сведенья о перенесённом ею шоке, нескольких инсультах и тяжёлой глаукоме, по поводу которой она не лечилась... Говорят, у неё даже были попытки суицида, при том, что она когда-то была известной писательницей, её особой красотой и шармом восторгались многие мужчины, а она вот так и хранила верность тому... паршивцу...

Но он так и не дослушал эту словоохотливую малолетку и ушёл, ссутулившись, как один из тех древних стариков, что его здесь окружали. «Как тот паршивец! Парши-вец!» – звучало у него в ушах её шипение. Да что по-

нимала эта соплюшка в жизни, что могла о ней знать, чтобы вот так с панталыки судить о людях, которые столько пережили!

Не дойдя до дверей своего пристанища, он резко развернулся и бросился в кабинет к главному врачу; едва не свернув дверную ручку, стал чуть ли не с порога умолять его подготовить документы на выход из дома престарелых сразу на двух людей: на него и на эту даму, которая до сих пор, как оказалось, носила его имя… а значит, была, пусть и когда-то, его женой…

Врач сначала упирался, уповая на инструкции, которые сильно усложнят и удлинят процесс выписки, потому что многое предстоит ещё доказывать и, скорее всего, в суде: «Всё не так-то просто в этой жизни, господин хороший!» Но об этом он и сам знал. Знал и вес денег, которыми сполна располагал на нескольких сберкнижках и в ценных бумагах, всю жизнь живя очень экономно, не сказать больше. Ну уж в этом-то вопросе о влиянии денег на любой «процесс» точно ничего не изменилось! И это было сущей правдой! И он всё-всё сделал, чтобы быстро осуществить свою спасительную и для него же самого идею! Он больше ничего не боялся в этом мире и абсолютно чётко знал, что компенсирует все её прошлые мучения, пусть им вдвоём и осталось-то жить всего-то ничего. Так ведь и те прошлые, почти 40 лет, так быстро пролетели… Вот их сыну сколько бы уже было… Ну надо же! Он все последние дни занимался «их» делами, бегал по разным инстанциям, да именно бегал, просто как мальчик, ведь жизнь его снова наполнилась смыслом! Но каждый вечер он приходил к ней и сидел у её постели, гладя так нежно по её седым волосам, которые она больше не прятала под платок, глядел в сухие

небесные глаза, из которых лишь однажды выкатилась большая и тяжелая слеза; значит, она его всё-таки слышала. Ведь он рассказал ей, что совсем скоро, возможно, уже завтра, они вместе поедут к нему домой, где у него есть всё-всё для счастливой… семейной жизни. И на могилку к сыну, их общему сыну, они отправятся вместе, и он попросит у него прощения… В этот-то момент и потекла у неё слеза, когда он о сыне вспомнил, и он долго осушал её лицо поцелуями…

На следующий день главный врач действительно подготовил её к выписке. А он принёс ей весёленькое, почти девичье платьице, одно из тех, что бережно хранил долгие годы, периодически отдавая в химчистку, словно зная, что она когда-то непременно снова появится в его жизни. И не ошибся!

В палату он входил с огромным букетом шикарных чайных роз, которые заказал в самом лучшем магазине города. Он и сам принарядился в праздничный костюм и рубашку с галстуком. Он знал наверняка, что она пусть и слабо, но может видеть и слышать, и просто притворяется из… вредности. Да нет же… это так к слову! Он поклялся перед самим собой, что никогда больше не будет её ни в чём упрекать, ни в чём подозревать.

Он пришёл очень рано, так как не мог спать всю ночь, мысленно репетируя, что он ей скажет… Что будет говорить ей потом, нет: нежно шептать всю оставшуюся жизнь! Она ещё спала, и седые волосы, спутавшись, разметались по подушке. И он встал перед нею на колени и стал осыпать её руки и лицо поцелуями…

Вошли главный врач и медсёстры, и стали уговаривать его прийти в себя и подняться с колен.

– Да, жизнь такая штука... и надо привыкать к её выкрутасам, молодой человек! Она... скончалась. Да, она скончалась, потому что... потому что, вероятно, сама так решила... – и врач продемонстрировал мешочек с пустыми пакетиками из-под таблеток, которые нашли у неё в тумбочке. – Мы специально не накрывали её тело, хотели украсить живыми цветами, ведь человек жизнь прожил! Да какой человек! Мы и сами не знали, что она стихи такие красивые писала о... любви. И рассказы, говорят, замечательные – и тоже всё про Любовь! Вот журналисты скоро приедут...

Но он не слушал их, он ничего не хотел больше слышать! Ничегошеньки!

– Но, нет же, нет! Вы ничего не понимаете! – кричал он исступлено! Вот у неё все щёки в слезах!

– Да, мы тоже не предполагали, что она могла видеть и... слышать...

ГОСПОЖА ОСЕНЬ

Как будто кто-то здесь чужой бродил,
Всю ночку в спящем городе бесился,
И вот такого там… нагородил,
Что хаос этот нам во сне не снился!

И кажется, что нет пути назад!
Под дудку чью уже чечетку пляшем?
А как, друзья, вам этот листопад
На головы взъерошенные наши?

И капель мелких легкий перезвон,
Готовый в миг разрушить наши планы –
Тот самый пошлый подлости закон!
Но под зонтом нам все «по барабану!»

Заменим туфли мы на сапоги,
От платьев перейдём к плащам и курткам,
А если кто-то встал не с той ноги,
Сам бог велит такому на прогулку!

Размякла на глазах земная твердь,
В обнимку с ветром мы несёмся в танце.
Ах, как к лицу нам эта круговерть,
Окрасившая щеки в миг румянцем.

В углах проспектов разноцветный хлам –
Осколки вдрызг сметенного господства!
Короче говоря – сплошной бедлам,
Похожий так на смену руководства.

Как будто здесь разбойничал чужой,
Несносный забияка и транжира…
Так Осень полноправной госпожой
Вступает во владение нашим миром!

ОКТЯБРЬ

Набрать чернил у октября
И написать о нем без грусти
О том, что он пришёл не зря
Намедни в наше захолустье.

Пришел и высыпал всю медь
Из переполненных карманов,
Чтоб не повадно было впредь
Дышать цветам самообманом.

И безнаказанно цвести
(Когда пора им осыпаться!),
Плодиться… Паучков пасти..
И сказкам Солнца отдаваться.

О том, что: «дождь ещё слепой;
Сад, перед ним не унижайся!»
Что ж: пой, соловушка, ты пой!
И все-таки не забывайся!

Октябрь не друг тебе, не брат,
И не лишён порой коварства,
Но пить даёт тебе не яд,
А от беспечности лекарство.

Бальзам для сгорбленной души –
Я испила его не мало!
Платила сущие гроши,
А сдача… золотом сияла.

И, накупив ещё чернил,
Писала с головокружением,
И дух мой над землей парил,
В очередном стихотворенье.

Про восхитительный Октябрь –
С мужским характером железным,
Как с глаз срывая шоры, храбр!
Как увлекает листья в бездну!

Как всем нутром он устремлён
В бой за главенство рукопашный!
Что от таких лихих, как он,
И забеременеть не страшно!

Он целовал меня в уста
Как своего единоверца;
И разливалась теплота
Опять в моем остывшем сердце.

Да многим кружит он башки!
Да, слишком ветрен и изменчив;
Что не по нем – все рвёт в клочки,
И все перчит, всему перечит.

Смотрите: лес берет в полон!
Да, любит он покуролесить!
Зато Октябрь не пустозвон,
Трудяга – если трезво взвесить.

Расставит тучи по местам,
Подмочит если – с передышкой,
Позволив нам прибрать к рукам,
Намытое им золотишко.

И вот чего греха таить,
Мой друг, ведь случай так типичен:
Его должна с тобой делить –
Он и тебе не безразличен!

Но как Октябрь не любить
За то, что учит без нотаций –
Искусство каждый день ценить,
И каждым мигом наслаждаться!

ОКТЯБРЬ – МЕСЯЦ ГРУСТИ И ПРОСТУД

Октябрь – месяц грусти и простуд.
Иосиф Бродский

Октябрь – месяц грусти и простуд?
Ах, если б только изморозь и сырость!..
Для нас готов почище «Страшный суд»:
Знакомый по весне Коронавирус!

Скворечник взяли воробьи внаём,
А вирус, и мизинца недостойный,
Взял в октябре громадный Белый дом,
Пока не тронув, к счастью, Кремль и Смольный.

И на Авроре пушки мирно спят,
Октябрьский опыт накопив богатый.
А голубиный пролетариат
Дрожит на крышах мокрых и покатых.

Час комендантский Октября настал:
Запрещены любые бенефисы,
И кошки в масках прячутся в подвал
Под тёплые бока к мышам и крысам

Да-да, без маски нынче никуда!
Скворцы же к югу лыжи навострили…
Такие вот собачьи холода
Октябрьским утром нынче наступили!

И лишь вороны приняли удар,
Не отступив от дома ни на йоту,
Кричат тревожно: «Кар-кар-кар! Кар-Кар!», –
Как подобает верным патриотам.

ОКТЯБРЬ, ГОНЯЙ МЕНЯ БЕЗ СНИСХОЖДЕНЬЯ

Октябрь, гоняй меня без снисхожденья,
Горячий ритм играй мне, а не блюз;
Жги до упада, до изнеможенья,
Чтоб, разогнавшись, я вошла во вкус.

Чтоб с ветром я дралась, как на татами,
И было мне уже невмоготу:
Ни спать, ни есть! Чтоб я пила… глазами
Зажженную тобою красоту!

Софиты звёзд как в театральном зале…
Летят листки последних новостей…
Твои дожди меня околдовали,
Промыли страстно – до мозга костей!

Не дай мне ни минуты отсидеться,
Чтоб я могла как с бала на корабль –
Вздохнуть, открыть глаза и с чистым сердцем
Вступить в тебя сменяющий ноябрь.

Пока же ты бросай в костёр поленья,
Подогревай во мне пожарче пыл;
Гоняй, чтоб наступило озаренье,
И вдохновенья пламень охватил.

Чтоб мы с тобой продолжили интригу;
И ты, Октябрь, когда придёт черёд,
Вошёл в мою очередную книгу
Одетый в золочёный переплёт!

ОКТЯБРЬ ДЛЯ КОТА

Октябрь! И так на улице красиво,
Что жизнь порою кажется мне сном;
А у меня одна лишь перспектива:
Мир наблюдать снующий за окном.

И смахивать порой слезу украдкой
Как гость незваный на чужом балу,
И бить бессильно онемевшей лапкой
По толстому оконному стеклу.

Мне не погнаться ловко за листочком,
Не прыгнуть, бойких воробьев дразня…
Могу лишь с грустью думать в одиночку:
«Какая злая участь у меня!

И нет ее унылей и тоскливей!»
Я чувствую сейчас ещё острей:
Вот воробьи – и те меня счастливей!
И жизнь мышей гораздо веселей…

И вижу я, что и Октябрь растерян,
Утратив оптимизма весь запас;
Как он меняет на печально-серый
Свой лучезарный солнечный окрас.

И чувствую, хоть не умею хныкать
И слёзы лить рекою по-людски,
Как трудно беззаботно мне мурлыкать
И втягивать послушно коготки.

И с подступившим к горлу острым комом,
Восторгом ложным «Мяу-у» наполнять…
Октябрь! А я ответственный по дому.
Уют домашний должен охранять!

Ирина Яворовская

* * *

Мирная картина,
лодка у пруда,
мать купает сына,
сохнут невода.
Белая тропинка
через лес бежит,
в листьях паутинка
первая дрожит.
Над притихшим полем
колокольцев звень,
светлое раздолье,
ясноглазый день.
Тихо проплывают
облаков ладьи,
посверкав, стихают
лёгкие дожди.
Капельки, как росы,
весело горят.
Золотые плёсы
с небом говорят.
Ниточкой безгласной
гуси над рекой.
Как же сердцу ясно
от красы такой!

* * *

Когда лишь четыре стены пред тобой,
когда ты не видел, как ласков прибой,
не слышал, как страстно поют соловьи,
не встретил большой, настоящей любви,
друзей не обрёл, ничего не свершил,
и щепкой безвольной речушками плыл,
не веря, что горы величья полны,
и звёзды, и грёзы не зря нам даны,
и тайны свои открывает судьба
лишь тем, чья и цель, и дорога тверда –
тогда твоя жизнь – это просто фантом,
и вся пустота её кроется в том,
что дух твой в глухом летаргическом сне,
давно перекрывшем пути новизне…

* * *

Лицо и личность – не одно и то же,
быть личностью не каждому дано.
Из тысяч лиц, на личности похожих,
ранг этот получает лишь одно.
Для личности немыслима личина*,
а лица с ней порой весь век живут,
и в этом-то и кроется причина,
что ничего в ответ не обретут.
Когда безвестны, как песчинки, лица
во всех цивилизациях подряд,
о личностях истории страницы
через столетья миру говорят.
Но главное есть то, что не бывает
и личностей без миллиардов лиц,
и всеми лишь Господь повелевает,
и нет Его величию границ.
И только тот, кто к высоте стремится
средь неизбежных пропастей и скал,
благодаря живущим рядом лицам,
став личностью, взойдёт на пьедестал.

* Личина – маска.

* * *

Скажи, ты помнишь ли меня
в своих дорогах неизбежных
и голос мой, и радость нежных
услышанных однажды слов,
когда, смеясь, отдать готов
весь мир за миг,
всю жизнь за чудо
неумирающей любви?..
И все метания твои
внезапно кажутся пустыми,
и самое родное имя
опять в устах, опять в судьбе
и в каждом помысле и звуке,
взлетевшем, вопреки разлуке,
волшебной птицей, в лад мольбе
с надеждой к Богу вознесённой,
и принятой, и одарённой,
и ставшей светом новых дней,
которых не сыскать ясней…

* * *

Всё лучшее страданьем рождено,
и как порой ни тягостно оно,
но радости всегда намного глубже
и выше, может быть, в какой-то миг:
лишь испытавший холод смертной стужи
его живое таинство постиг.
И чище стал,
и отогнав сомненья,
через страданье к новому пришёл,
поверив наконец-то в откровенье,
которого судьбою был лишён.
Страдал Христос,
чтоб мы освободились
от множества немыслимых грехов,
и Бог-Отец на истинную милость,
на всепрощенье
с той поры готов.
И потому не плачь и не кляни
несовершенств, обычных меж людьми…

* * *

Уехал ты, и сразу стало
в душе и смутно, и темно,
и память вспять перемотала
всю жизнь, как кадры из кино.
И вновь мгновенья каждой встречи
горят негаснущим костром,
и вновь твоим теплом отмечен
мой взгляд и путь, и светлый дом.
Любимый, как мне научиться
справляться с холодом ночным,
когда вся суть моя стремится
к тебе. И ты – необходим.
Любимый, в чём найти забвенье
без рук твоих и губ твоих,
когда я вся полна смятенья,
и зов твой солнечный не стих.
О мой далёкий!
Разве может
хоть что-то умалить тоску,
когда она томит и гложет,
и за собой ведёт строку…

* * *

Прошу тебя я, Господи,
пусть будет мука долгою,
дорога – каменистою,
бессонными – глаза,
но только б сердце милого
в любом краю услышало
мой голос,
зов мой трепетный
и стон моей мольбы.
Прошу Тебя я, Господи,
пусть грозы будут частыми
и паводки – бурливыми,
и горы – до небес,
но только б очи милого
тоску мою заметили,
страдание увидели
и озарили жизнь.
Прошу Тебя я, Господи,
пусть песня будет тихою,
тревога – нескончаемой,
короткою – судьба.
Но только б он, единственный,
ко мне примчался с радостью
и прошептал желанное,
что я – его любовь…

* * *

Метель метёт, дороги не видны,
весь мир в разгульном белом ликованье,
и в кутерьме летучей тишины
не услыхать ни шага, ни дыханья.
Легко иду сквозь эту круговерть,
прекрасный миг ничем не омрачая:
ты ждёшь меня и всё глядишь на дверь,
и угостишь горячей чашкой чая.
И будет чудный вечер при свечах,
под шорох веток и кассет звучанье.
И тёплый кот, порывисто мурча,
уляжется как барин на диване.
Я расскажу тебе про этот снег,
про этот мир, где всё не так уж плохо,
и нам с тобой привидится во сне
и Новый год, и пляска скоморохов.
И встанет новый день, прозрачно чист,
и вспыхнет солнце, в белизне сверкая,
и ты, хотя и вовсе не речист,
шепнёшь мне: «Посмотри, краса какая!..»

«Мастерство писателя заключается
в раскрытии того,
во что верит читатель».

Гюстав Флобер

Максим Сафиулин

ПИШИ СТИХИ, ПОЭТ!

Пиши стихи, поэт! Пиши, не зная скуки,
Твори на память всем – свободно, от души.
И пусть в твоих стихах родятся сердца звуки.
Не смей о них молчать! Поэтому пиши.
Пройдут десятки лет, пока прочтут потомки:
Прочувствуют всю суть, весь смысл, глубину.
Из тысячи стихов до них дойдут обломки –
Из сотен тысяч строк запомнят лишь одну.
Строку передадут другому поколенью,
И мудрые слова другие сберегут.
Не ради хвастовства, а по души веленью
Вложил в строку поэт весь свой талант и труд.
Строка всего одна. Но как она прекрасна!
А сколько света в ней, а сколько мастерства!
Написана строка, ей богу, не напрасно,
Она в речах людей сто тысяч раз жива!

ТВОЙ ПУТЬ

Твой путь. И твоя дорога. И прежде, чем сделать выбор,
Прислушайся лучше к сердцу, чужим не внимай гласам.
Не жалуйся и не бойся царапин своих, ушибов.
Не жди, что тебе помогут. Ты путь выбираешь сам.
Иди по дороге смело! И гордо расправив плечи,
Будь твёрд и всегда уверен в себе и своём в пути.
Дорога не станет шире, дорога не станет легче,
Но это твоя дорога! По ней лишь тебе идти!
Не слушай, что будет страшно, не слушай, что будет сложно.
Вся правда в твоих поступках, а всё остальное – ложь.
Покуда на небе Солнце, пройти этот путь возможно,
А главное – это помнить, зачем и куда идёшь.
Покуда с пути не сбился и верным идёшь маршрутом
Во имя великой цели и вере благодаря.
Пусть встретят тебя в финале и песнями, и салютом…
А может, никто не встретит… Ты шёл всё равно не зря.
Наверное, кто-то вспомнит, и кто-то твой путь похвалит,
И скажут, что не пугали ни трудности, ни борьба.
Судьба никогда не плачет, не ноет и не скандалит…
И лишь потому прекрасна, что это сама Судьба.

ВПЕРЁД К СВОЕЙ МЕЧТЕ!

Вперёд к своей Мечте!
Кто твёрд – всего добьётся.
Кто видит жизни цель, того не сломит страх.
Судьбой хранимы те,
Кто верит, не сдаётся.
Их не пугает путь, и не пугает крах.
Вперёд, мой друг, вперёд!
Иди к своим победам,
Пусть на пути к Мечте тебя не встретит враг.
Кто верит, тот не ждёт.
И страх тому неведом,
Кто, несмотря на боль, идёт за шагом шаг.
Путь сложен до Мечты,
Но ни к чему сомненья.
Не смей идти назад! Сто тысяч раз вперёд!
Едва поверишь ты
В своё предназначенье,
Придёт твоя пора. Наступит твой черёд.
Тебе любая цель
Свободно покорится,
Но не смени Мечту на праздность и уют.
Споёт твоя свирель.
И песня повторится.
Её услышат все. И хором запоют.

БЫТЬ ДОБРЕЕ – ВОТ ГЛАВНОЕ КАЧЕСТВО!

Быть добрее – вот главное качество,
Что важнее богатства, величия.
Мы тепло заменили на ханжество,
Позабыв все людские приличия.
Мы холодные и одинокие,
Не волнуемся мы и не каемся,
Мы корыстные, сердцем жестокие,
И менять себя не собираемся.
Забываем друг друга безжалостно,
Убиваем противников мысленно,
Ведь вокруг всё уныло, безрадостно:
Будни серые, жизнь бессмысленна…
Интересы стираются, рушатся,
А ведь были все добрыми, равными…
Перестали родителей слушаться,
Стали взрослыми, стали главными.
Нет, не главные мы и не взрослые,
Не успешные и не великие –
Взгляды лживые, лица постные,
Не улыбки – гримасы дикие.
Неужели так сложно стать близкими
И гордиться героями русскими?
Быть высокими, а не низкими,
Быть широкими, а не узкими?
Быть добрее – в делах и речах,
Быть добрее – и в горе, и в радости,
Быть добрее – светить как свеча,
И за это не ждать благодарности.

УМЕЙТЕ ПРОЩАТЬ ДРУГ ДРУГА!

Умейте прощать друг друга!
Вкусите добра нектар!
Прощение – не услуга,
Прощение – божий дар.
Прощать – значит, быть светлее,
И душу сберечь от зла;
Ведь добрый всегда сумеет
Хоть каплю отдать тепла
Тому, кто устал бороться,
Кто пал от ремней тугих,
В ком доброе сердце бьётся,
Закрытое от других.
Тому, кто в себя не верит,
Кто думает – жизнь не та;
Откройте прощенья двери
И чистой любви врата.
Не ваша, других заслуга,
Что белое молоко.
Давайте беречь друг друга,
Прощая других легко!

ФАЛЬШИВЫЙ ТЕАТР

Ухожу, не дождавшись антракта,
Из театра фальшивых оваций.
Ни культуры там нет, ни такта,
Верх цинизма и имитаций.
Всё в театре фальшивом ложно:
Сцена, свет и игра, и пьеса.
То, что было нельзя, – то можно.
Не искусство. Изгнанье беса.
Люди в зале сидят угрюмо,
В телефоны уставив взоры.
Все без грима и без костюма.
Все – и зрители, и актёры.
И актёры играют вяло –
Не играется им, не поётся.
Закрывается одеяло,
То, что занавесом зовётся.
Вас обманывают! Очнитесь!
Что же будет с искусством завтра?
А мне шикают: «Угомонитесь!
Вы совсем не знаток театра.
Нынче творчество многолико.
Все в восторге, доволен зритель.
Ваше мнение просто дико.
Не позорьтесь вы… Уходите!»
Ухожу, не дождавшись антракта,
Из театра, где честь хоронят.
И на сердце паршиво как-то
Оттого, что опять не понят.

СЛУЖИ ДОБРУ!

Относись ко всему с позитивом
И исполни былые мечты!
Пусть зажжётся весёлым огнивом
Свет всеобщей людской Доброты.
Улыбнись! Мир улыбкой ответит,
И растает бесчувствия лёд.
Счастье всем словно солнышко светит
И ко всем непременно придёт.
Нужно делать, чтоб лень не пристала;
Нужно верить, надеяться, ждать,
Чтоб скорей на планете настала
Доброты и тепла благодать.
Стань светлее от доброго слова,
Чтоб Добру благодарно служить.
Счастье в жизни находит такого,
Кто достоин с ним рядышком быть.

УЛЫБНИТЕСЬ! ЧТО ВАМ СТОИТ?

Начинайте день с улыбки
И вдохните в жизнь добра!
Пусть вчерашние ошибки
Остаются во «вчера».
А сегодня верьте в чудо!
Быть печальным – это грех.
Пусть придут из ниоткуда
Счастье, радость и успех!
Поделитесь этим счастьем
И дарите радость всем!
Знайте твёрдо: в вашей власти
Мир избавить от проблем.
Но не ждите, не ленитесь!
Прямо с самого утра
Подтянитесь! Улыбнитесь!
Ради мира и добра.
Улыбнитесь! Что вам стоит?
Подарите добрый взгляд!
Пусть ничто не беспокоит,
И дела идут на лад.
Подарите, если можно,
Часть душевного тепла!
Как приятно и несложно
Делать добрые дела!

УХОДЯТ ПОЭТЫ. СТИХИ ОСТАЮТСЯ...

Уходят поэты. Стихи остаются –
Строка так прекрасна, проста и ясна.
Стихи эти в песнях душевных поются
И ими по праву гордится страна.
Великие песни… Но их единицы…
А сколько стихов позабыто навек –
Страна их не знает, народ не гордится,
И авторы тают, как выпавший снег.
Так много поэты за жизнь написали,
Старались, трудились и ночью, и днём.
Старались напрасно… Талант не признали…
И вряд ли признают, и вспомнят о нём.
А если и вспомнят случайно поэта,
То вспомнят всё то, в чём он был виноват.
Считая творенье эпохой рассвета,
И не замечая, что это закат.
Пишите! Творите! Активней и больше!
И строчки дарите, и радуйте всех!
А главное – это живите подольше,
Чтоб лично, при жизни увидеть успех.
Что толку – смотреть, наблюдая из Рая,
И видеть, что строки твои не плохи.
Уходят поэты, талант забирая,
Живым оставляя всю жизнь. И стихи.

НЕ УХОДИ… НЕ ПОКИДАЙ…

Не уходи, тревожное волненье!
Ты – друг, что не обманет, не соврёт,
Что доставляет сердцу упоенье,
Ты – сила, что приносит вдохновенье
И заставляет двигаться вперёд.
Не покидай, душевная тревожность,
Не утекай, как времени река;
Пусть обойдут меня и власть, и должность,
Дай мучиться, но дай творить возможность,
И так творить, чтоб точно на века.
Терзай меня, тревожь бесперебойно,
Упасть не дай в изнеженную грязь!
Смятение я выдержу достойно,
Ведь хуже, если всё идёт спокойно,
И ты плывёшь теченью покорясь.
Волнуй меня, чтоб в небе не разбился,
Не забывал вперёд и вверх лететь.
Хочу, чтоб этот миг всё время длился!
Ведь хуже, если ты всего добился,
И больше в жизни нечего хотеть…

ТВОРЧЕСТВО – ЭТО ВСЯ ЖИЗНЬ

Творчество в разные годы являлось для человека важнейшей составляющей его повседневной жизни. Являясь существом разумным, человек впитывал культуру своего бытия с рождения и передавал из уст в уста колыбельные песни, потешки, сказки новому поколению. В русском фольклоре всегда существовала мудрость предков, основывающаяся на личном опыте и поразительной способности наблюдать и подмечать. Старшие учили житейской мудрости и культуре младших. Вся жизнь людей была связана с трудом, и у каждого в большой семье были своя работа и своя задача – помогать и заботиться о ближнем. Поэтому и в семье тоже имелись свои традиции, которые строго исполнялись и передавались, как великое достояние, – от деда к отцу, от отца к сыну. Это достояние состоит не только из повседневных житейских премудростей, связанных с работой и ежедневным трудом, но также и с творческим багажом, в котором тоже немало житейской мудрости и энергетической силы.

Люди умели трудиться и отдыхать; петь, танцевать, играть на музыкальных инструментах, которые сами и мастерили. Умели также слушать других и запоминать на память былины, духовные стихи, танцы и песни с огромным количеством куплетов.

В наше время творчества стало больше, но отношение к нему изменилось. Нам не надо запоминать, сохранять в памяти стихи, песни, танцы, музыкальные композиции, чтоб потом передать их «из уст в уста» новому поколению. Нам кажется, что молодым наши советы, песни и танцы не нужны. А современное поколение ничего не знает и не помнит, потому что им не у кого

спросить. Молодёжь интересуется своими музыкальными направлениями и жанрами, забывая (а чаще и не подозревая) о том, что вся музыка давным-давно придумана, и «современная попса», рэп-движение, современная танцевальная музыка во всём её многообразии вынуждены считаться с законами полифонии великого Баха, Моцарта, Гайдна и прочих великих. Современная музыка начинается с классики, а классика с духовного стиха.

Молодёжь говорит, думает, мыслит, действует и бездействует иначе, чем поколение предыдущее. И это нужно признать как факт. Однако дерево не может существовать без корней, как настоящее не может существовать без прошлого. Нынешнее поколение, не зная истории своей страны (всей в целом и культурной в частности), как дерево с обрубленными корнями.

И всё-таки творчество существовало, существует и будет существовать. Лично для меня творчество – это вся жизнь. Я не работаю. Я творю. Я не думаю. Я мыслю. И мысли свои я пытаюсь донести до слушателя, будь то стихотворение, песня или музыкальная композиция. Главное, чтоб всё – и мысли, и их изложение были понятны и близки тем, кто видит и слышит, а точнее – кто желает видеть и слышать, и ни у кого в процессе знакомства и прослушивания не возникало вопросов «Зачем?» и «Для чего?».

Человек творческий – это человек самодостаточный и умеющий принимать и отдавать. Он старается быть откровенным и с помощью своего труда пытается донести до зрителя образец того, каким должно быть на его – творца – взгляд современное искусство. И для каждого творца этот образец свой. Это прекрасно, когда получается рассказать, поведать, поделиться свои-

ми мыслями, и совсем замечательно, когда твои мысли принимает читатель. Тогда он становится соратником, другом и подтверждением того, что время и силы автора потрачены не зря, и что его труд необходим кому-то ещё.

Словом и музыкой можно лечить. Всё идёт от сердца. Отправляя свои музыку, стихи и песни в огромный мир, я всегда отдаю себе отчёт – я своим творчеством никому не хочу делать больно или обидно, и тем более – нанести вред. Мои стихи и песни разные. К ним можно по-разному относиться, принимать мою точку зрения или оспаривать, но их можно услышать и не почувствовать себя обманутым. Я открыт. Я готов к диалогу. И это прекрасно – получать положительный отклик от тех, для кого это творчество вообще существует. Творить надо для кого-то, иначе всё бессмысленно. Важно, чтобы это творчество не лежало в столе, как птица в клетке. Эту птицу надо выпускать в мир. И если её пением, полётом будут восхищаться окружающие (пусть и единицы), значит, жизнь этой птицы – дело не пустое.

Я счастлив, что могу проявлять себя в разных жанрах. Рождаются стихи, потом мелодия и как итог – новая песня. Это замечательно, когда никого не надо просить. Всё умею сам. Выразить чувства при этом можно как в отдельных жанрах – просто стихи или просто инструментальная музыка, так и превратив стихи в песню, дав им новую жизнь и возможность быть услышанными людьми.

Я просто пишу о том, что идёт из души. Я лишь делюсь тем, что важно лично для меня, и не против, если мысли, чувства и их изложение будут важны кому-то ещё. Хотя абсолютно точно понимаю, что и мысли мои,

и чувства, и способы их выражения были наверняка придуманы гораздо раньше и более талантливо. Пытаясь придумать новое, мы забываем, что это новое придумано уже кем-то до нас. «Хорошая шутка не стареет, она просто меняет автора». А юмор – это тоже творчество. И он тоже изменился в корне. Очень мало существует шуток, которые «не стареют» и так же остроумны, смешны, мудры и лаконичны.

Уходит эпоха великих. Уходят гениальные музыканты, актёры, певцы, танцоры, режиссёры, писатели и поэты. И некому передать ту исключительную мудрость «старой школы», знания которой так важны и необходимы нам – людям XXI века. Жаль, не все это понимают, считая «старую школу» пережитком прошлого. Потому что сейчас новая жизнь. Но ученику нельзя забывать уроки своего учителя-наставника. Его труд – труд мастера – не должен быть забыт. Ученик должен усвоить урок, применять эти знания в своей жизни и научить других так же, как учили когда-то его. Надо помнить учителей и их бесценный вклад в культурно-нравственное образование. Но мы не хотим учиться и не хотим запоминать. Жизнь слишком коротка. Надо всё в жизни успеть и всё попробовать. Мы набиваем шишки, приобретая жизненный опыт, но делиться этим опытом ни с кем не намерены. Потому что нашего мудрого и опытного мнения не спрашивают, как когда-то не спрашивали и мы. А сколько можно было бы избежать ошибок, если бы была хоть малейшая возможность просто поговорить и спросить совета у бывалых. Но мы, к большому сожалению, забываем об этом и вспоминаем слишком поздно – когда спросить, увы, больше некого.

«Культура – единственное,
что остается, если остальное забыто».

Эдуард Эррио

Ольга Фокина

ЛЕТО. ЛИРИКА. ЛЮБОВЬ

В бескрайней синеве над головой,
В цветочном покрывале под ногами,
И в буйстве красок лета нам с тобой
Явилось то, чего мы долго ждали.
Лесной оркестр нас с тобой венчал,
Туман окутал, как фатой невесту.
И летний ветер в губы целовал,
Как чудно пел нам соловей-маэстро.
В ромашковых венках, под звук ручья,
Мы в хороводе нежности кружились.
С душой в гармонии – основа бытия –
Мы в звуки летней лирики влюбились.
И под шатром прозрачных, лёгких туч,
Внимая звукам дивной серенады,
Играет с нами в прятки солнца луч,
А ветерок дарует нам прохладу.
И в небе проплывают облака,
Как корабли. Мечтательны маршруты.
Узоры красок летнего ковра
Всем разноцветьем блещут изумрудов.
Щебечут птицы, слышен хор сверчков.
То громко, тихо, радостно, тоскливо…
И в хороводе запахов цветов
Их трель звучит свободы дивной гимном.
Мирское перестанет волновать
В гармонии природы, чудном свете;
Тогда друг другу сможем мы сказать
Всё о любви пьянящим, тёплым летом.

ПРОСТИТЕ

Не тратьте энергию жизни
На злобу, месть и вражду.
Огнём поражают мысли,
Нет места когда добру.
Вы руку другим протяните
И свет подарите души.
Вы просто тихонько простите
Всех тех, чьи мосты сожжены.
Себя берегите и близких,
А мы на земле все – люди.
Но не осуждайте низких
И тихо прощайте судей.
В прощении крепкая сила.
В прощении жизни нить.
И как бы судьба не била,
Умейте благодарить
За солнце, за небо, за воздух.
За мамы родной глаза.
Прощайте. Хоть это не просто.
Но этого ждут небеса.
Мы все не святые на свете.
Когда-то придёт тот час,
Когда все предстанем с ответом.
И кто-то простит и Вас.

СЕМЬЯ – ОЧАГ И СИЛА

Священная опора и защита,
Уют, духовность, негасимый свет.
И в мире нет страшнее дефицита –
Когда семьи у человека нет.
В ней робость чувств, невольная надежда,
В ней продолженье рода, мудрость лет.
В ней крепкие устои жизни спешной
И вкус открытий, смысл всех побед.
Семья – очаг и сила той державы,
Что выстоит, взрастив богатырей.
Нет ничего дороже папы, мамы,
Семьи супружеской, своих детей.
Сильна страна своей духовной силой!
Семейные устои в нас крепки.
Ведь настоящая любовь непобедима.
Семью, любовь и верность мы храним.

СПАСИБО ЗА СВЕТ!

Прости, Господь, что данный дар Тобой
В пути бездарно нами проливался.
Не мы виновны в том, что мир такой.
Вина, что после нас таким остался.
Хоть каплю изменить, пролить рассвет
На мрак бездушных душ, что в серых масках,
То, может быть, смогли найти ответ,
За что Господь всем людям дарит сказку?
За что нам жизнь и строчки, что порой
Старательно мы вносим в чистый листик?
За что нам, смертным, крылья за спиной?
За что нам разум и ночные мысли?
За что блокнот, исписанный сполна
Стихами о добре, о мире, вере?
Когда вокруг жестокости волна,
В почёте – драки, злоба, месть, измены.
За то, что выбран человек судьбой,
Чтоб изменить весь мир, пролить в зло Света.
Спасибо, Бог, что дал нам путь такой,
И большего не надо мне ответа.

МИР СПАСТИ

Безумной тяжестью легла
На плечи хрупкие и вдовьи
Жестоким факелом война
У русских баб у изголовья.
Жена, сестра, подруга, мать.
И дочка Родины любимой.
Кормить бойцов и одевать,
Ковать Победу с дикой силой.
О, эти слёзы за мужчин…
И милосердие в подоле…
Им каждый воин – словно сын.
Война истёрла бабью долю…
Всё для победы над врагом,
И всё для фронта – вам девизом.
Молились бабы всем двором…
Войной проклятой дом пронизан.
О, женщина! Ты жизнь дала!
И заменила всех ушедших…
Их сберегала, как могла.
Твой Образ в тех сердцах увенчан.
Для очага и для любви
Тебя хранили небеса.
Тебя родили – мир спасти.
Вся боль войны – в твоих глазах…

СПАСИБО ЗА ЭТОТ ДЕНЬ!

Спасибо за это утро!
Спасибо за этот день!
Спасибо всем добрым людям,
Что строят мосты из стен!
Спасибо за добрые взгляды,
За щедрость поступков и слов!
Ведь если добро с нами рядом,
То нет ни грехов, ни врагов!
И пусть среди нас будет больше
Бесстрашных и мудрых творцов.
Пусть жизнь нас порадует дольше
Плодами из добрых садов.
Пусть сёстры и братья в мире
Живут и дарят любовь!
Пусть будет всегда в нашей силе
Вершить союз добрых слов.

ЧТО СНИТСЯ ТЕБЕ, СОЛДАТ?

Что снится солдатам войны?
Что духом их праведным правит?
Чем живы, в дороге сильны?
Что болью на грудь их давит?
Колосья пшеницы родной…
И запахи свежего хлеба,
Что мама пекла… Милый дом…
И Родины чистое небо…
Сестрёнки любимой глаза,
Смех детский любимых детишек…
И милые сердцу слова,
Что сквозь расстояния слышит.
Он жизнь за всё это отдаст,
За это – бесстрашные битвы.
И слышит солдат каждый час,
Как мать отправляет молитвы.
Что снится тебе, мой солдат,
Что болью твоей управляет?
Когда победителей флаг
Как Знамя Победы сияет.

ДОБРОТА СПАСЁТ МИР!

У каждого на свете есть свеча,
Что искрой из сердец больших струится,
И это есть святой очаг добра,
Что позволяет душам исцелиться.
И если б каждый на земле зажёг свечу
Своих сердец, душевного настроя,
Не погубив никак судьбу ничью,
Добавив доброты всем и покоя;
Исчезла б на века вся темнота,
Всё зло, что на земле сейчас творится,
Остановились бы интриги и война,
Чтоб сотням тысяч душ объединиться
В единое сердечное тепло,
Что отогреет и сердца, и души.
Ведь на земле возможно стало всё.
Зажгите в каждом сердце добрый лучик!
И доброта спасёт тогда сердца,
Настанет в душах мир и в целом мире.
Зажгите свечи вы внутри себя.
Пусть зло исчезнет – это в нашей силе!

ЖИВИТЕ! ЛЮБИТЕ! МЕЧТАЙТЕ!

Дарите любовь друг другу!
Прощайте и отпускайте.
К чужим не ревнуйте заслугам.
Добро просто так отдавайте.
Теплом очищая планету
От зла, негатива и страсти,
Наполните добрым светом
Наш мир и сердца участьем.
Пусть кто не поймёт и осудит.
Но вы никогда не сдавайтесь.
Добро обязательно будет!
Идите к мечте! Улыбайтесь.
Не ждите взамен вы чего-то.
Не плачьте и не скандальте.
И не торопите субботу.
Живите! Любите! Мечтайте!

НЕОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТВОРЦОВ

Кем бы мы были, если бы у нас не было духовного, интеллектуального, нравственного развития? Кто мы без духовных ценностей, уникальности и индивидуальности? С рождения нас учат говорить, нам читают сказки, развивая фантазию и восприятие окружающего мира. Мы воспитываемся на произведениях А. С. Пушкина, С. Я. Маршака, А. Л. Барто, К. И. Чуковского, С. В. Михалкова, Э. Н. Успенского, В. В. Бианки и многих других замечательных авторов. Учимся читать вместе с родителями русские народные сказки, познаём мир, черпаем уроки, сами придумываем свои сказки на ночь. С годами погружаемся в изучение творчества классиков по школьной программе. А для чего всё это? Для нашего развития. Творчество сопровождает нас тысячелетиями, ещё со времён наскальных рисунков. Да, это тоже творчество, причём полезное для поколений и даже для истории. Да, по творчеству выдающихся деятелей изучают даже историю той или иной эпохи. Какие стихи писали, какую музыку слушали, какую одежду шили и носили, история фольклора, история народа. Наши мысли постоянно находятся в творческом поиске – ищут новые решения, оригинальные задумки. А сейчас – во времена великого прогресса – мы обладаем неограниченными возможностями для творчества.

Лично я свою жизнь без творчества даже не представляю! Оно окружает меня ежедневно, ежеминутно. Я ищу вдохновение в музыке, картинах, сама пишу стихи, прозу, рецензирую книги других авторов, знакомлюсь с их произведениями, провожу творческий конкурс «Несу добро в ладошках!». И мне это нравится! Я этим живу! В творчестве я нахожу силы, чтобы принимать мир та-

ким, какой он есть, и даже видеть его в более ярких, интересных, добрых тонах. Что не говорите, а творчество, поэзия, литература, искусство делают нас чище, добрее, искреннее. Это и развитие человечества, и наши чувства, образы, созерцание прекрасного, открытие нашей индивидуальности. Это просто необходимо для жизненного баланса. А быть может, это поддержание нашего психологического здоровья? Кто-то вяжет свитер и носки любимым внучатам, кто-то занимается созданием кувшинов из глины, кто-то делает поделки из необычных подручных материалов, кто-то шьёт одежду. А почему дети любят рисовать и лепить из пластилина всякие фигурки? Это и успокаивает, и помогает развить мелкую моторику. Если в доме есть рояль, то обычно кто-то обязательно на нём играет. В минуты радостных порывов, когда невозможно удержать эмоции внутри, или в период печали, когда хочется выпустить её из сердца. А песни – они помогали жить людям даже в военные времена. Они укрепляли боевой дух, внушали уверенность, успокаивали.

Вы думаете, что вы никак не связаны с творчеством? Но это не так. Каждый человек в мире создаёт какие-то свои проекты, внедряет свои идеи, создаёт что-то новое – и это тоже творческие процессы. Творческие способности заложены в каждом из нас, ещё до нашего рождения. Просто всю жизнь мы чему-то учимся, обмениваемся опытом и знаниями, ошибаемся и снова пробуем, находим в ежедневном поиске себя.

Муза сама не приходит, её необходимо расшевелить своим кропотливым, ежедневным трудом. Для качественного продукта необходимо постоянное развитие. Давайте поразмышляем. Вели ли вы когда-нибудь свой дневник, в который старательно записывали важные

события своей жизни, свое мнение, которые стеснялись озвучить, свои недовольства, а порой даже разбавляли эти записи рисунками? Было дело? Что же это, если не творчество? А на уроках, когда дети рисуют на полях тетради? Есть, конечно, и негативные примеры – когда подростки баллончиками разрисовывают граффити с монстрами в подъездах…

А записки, которые мы, вечно занятые и редко видящиеся члены семьи, оставляли на холодильнике или на столе, рисуя очаровательные мордашки и смешные гримасы? А сколько дети придумывают баек для родителей, чтобы оправдаться, почему так поздно пришли домой или не были в школе? А сколько кроссвордов мы решаем за свою жизнь? А сколько поделок мы делали в школе! Ёлочные украшения и гирлянды?! Как часто с нас требуют креатива и необычных идей на работе? Какие-то оригинальные названия? А имена современных детей – это же настоящее творчество! А сколько творчества у попрошаек?!..

Творчество учит нас нестандартно мыслить и находить выход из любой ситуации. В этом наше неповторимое предназначение и в этом наше уникальное «я». А когда мы медитируем, мы наполняем свои разум и тело спокойствием. Если в нашей жизни не будет места стрессам, то мы будем здоровыми и долго жить, у нас будет здоровое потомство. Мы перестанем друг другу хамить.

Говорят, что среди творческих людей много завистников – поэты, музыканты, художники завидуют друг другу и подставляют, чтобы сместить более талантливого и не затеряться на его фоне. Нет, друзья! По-настоящему творческий человек – ребёнок Бога, и именно Бог даёт ему эти стихи, песни, картины, идеи.

Нам остаётся только воплощать и трудиться. Бог не станет надиктовывать что-то плохое. Значит, лжецы, завистники, убийцы тел и душ – не посланники Творца, они убивают в себе зерно добра и света, свой творческий потенциал, вместо того чтобы его развивать.

Когда мы делаем кому-то что-то доброе, то от ответной улыбки или «спасибо» наши сердца зажигаются, внутри всё сияет и радуется. А помощь бывает даже в самом малом – уступить место, открыть дверь, пожелать хорошего дня, да хотя бы просто не нагрубить. А если наши чакры забиты злом, негативом, обидами, то, как они раскроются? Как мы тогда услышим то, что говорит нам Бог, какие стихи, песни, картины, идеи Он нам преподносит? Творчество очищает наши души и сердца. Делает нас личностями. Думающими, мыслящими, рассудительными, спокойными, всепрощающими. Без творчества мы превратимся в бездушных и бессердечных роботов. Занимайтесь творчеством, друзья!

С чего начать? Медитируйте, слушайте успокаивающую музыку, отключите телевизоры и ток-шоу, напевайте добрые песни, рисуйте (и пусть сначала это будет, возможно, всего лишь мазня, и только для себя, но вы начнёте открывать себя, выпускать идеи на чистый лист бумаги). Заведите дневник. Да, как в детстве! А что плохого немного побыть ребёнком? И вы увидите, с помощью творчества ваша жизнь и ваше отношение к людям изменятся.

Настройтесь на волну добра и света, творчества и любви! Давайте творить вместе – создавать прекрасный мир без войн, агрессии и преступлений! Мир, где мы будем не чужими друг другу Грядёт новая Эра – духовного очищения и исцеления. А наш творческий потенциал, заложенный ещё до рождения, поможет нам в этом.

Наталья Шабло

ИДИЛЛИЯ СЕНТЯБРЯ

Настоян на усталости людской
По парку разливается покой.
Не шелохнется лист в застывшей кроне.
Нет золота – ещё не время зреть
И украшать обрядом жизни смерть
Дубов, берёз и лиственниц в сезоне.

Вот солнце гладит дикий виноград,
Вот лавочки покрашено блестят,
Вот белки норовят забраться в сумку.
Ещё щедра на изумруд трава,
И осень ненавязчиво права,
Скрывая листопадную задумку.

И мы, и листья… Только не сейчас!
Нам так идёт муаровый атлас!
Так хорошо минутой жить счастливой:
Вот греются на лавке старики,
Вот белки научились есть с руки,
Вот кряквы спят доверчиво под ивой…

В НЕПОГОДУ

Дружище тёплое под боком.
Знакомый пасмурный уют:
Двухтомник. Плед. По водостокам
Живые песни раздают.

Рука потянется к собаке –
Знать, хорошо и мне, и ей.
Мы место заняли без драки
В аудитории дождей.

Раз непогода неизбежна,
Дыши да слушай мерный звон
Монет, летящих центробежно
За окнами со всех сторон!

Чай травяной дымится в кружке…
А бед и бурь – не избежать.
Собаку почешу за ушком –
Жизнь надо дальше продолжать!

ДЕРЕВЕНСКИЙ ЭДЕМ

...а горизонт дыр, как сыр Маасдам,
и сыворотка через дыры льётся
на дно веков глубокого колодца,
который сдуру выкопал Адам.

И пахнет сеном мокрым и тоской
с горчинкой различимой зверобоя.
А в водостоке слышен плачь гобоя,
как будто леший пробует гобой.

Мир деревенский скуп на суету,
но щедр на созерцание и дрёму,
на благодарность жизни чернозёму
за урожай трёх яблонек в саду.

Свой немудреный щупая Эдем,
библейский плод порезав на варенье,
я погружаюсь в древнее виденье,
в нём вычленяя зёрнышки морфем.

Их окунув в привычные слова,
я, вавилонец, путаю наречья
и белый город строю в Междуречье,
как паучок, плетущий кружева...

ОТРЕЗОК СЧАСТЬЯ

Румяным яблочком касается щеки
В закате остывающее лето.
А в заднем колесе велосипеда
Застряли оборванцами вьюнки.

И жалко их, и август, и мой день,
И всё, что тоже кончится однажды,
Не выдержав всеядной жизни жажды,
Отбросив тень и крылья на плетень.

Но лёгкие наполнив до краёв
Лучами ускользающего солнца,
Во мне ещё и яблоня смеётся,
И рассыпная стайка воробьёв,

И сад, и рябь сверкающей реки,
И карася отрывистые всплески
На полном счастья маленьком отрезке,
Где ценность обретают пустяки.

МАНТРА ДОЖДЯ

Иди сюда, нахальный дождь!
Лей, словно пьяница, в три глотки.
И вызывай у окон дрожь,
Вибрацию бортов у лодки,
Смятенье липовых аллей
И шёпот пьяного асфальта.
По водостокам дробью бей,
Крути с зонтов тройное сальто!
Целуй неистово листву.
Нахальство в миг жары уместно.
Небесной влаги торжеству
Давно у нас почёт и место!
Ныряй по рамам в декольте
Всех форточек в пространстве дома!
И со щитом иль на щите
Вернись в объятья водоёма,
Где краснопёрок рыбий вид
Сомлел, краснея плавниками.
И пусть тебя земля хранит
Травы зелёными руками!

В БОЛШЕВО

Здесь сосны соблазняют красотой,
И электрички с сердца перестуком
Созвучны уносящей пустотой
Чужой беды, проглоченной без звука.

Ах, как пером начертаны слова!
Нет, вырезаны прямо в плоти сердца.
В косынке низкой лоб, а голова
Уж знает наперед куда ей деться,

В какой петле закончить вечный круг,
Где оборвать призванье быть поэтом.
Как сосны соблазнительны вокруг!
Как коротко то болшевское лето,

Что неизбежность осени сулит,
Ту мысль, что обязательно вернётся!
Как скуден счастьем тот последний быт…
И счастье-птица в руки не дается.

Оно за голос требует: «Плати!»
За родину – по полной – лихолетьем!
И стынет осень пламенем в груди
Рябиново-багровою камедью.

Что нам искать в суме ее судьбы,
Принявшей яд забвения спокойно?
Здесь сосны небывалой красоты…
Здесь сказочно. И потому так больно

В который раз нарваться на обман,
На громкое величие державы…
Недалеко тот ров, над ним – туман,
Где тень страны. И тень посмертной славы…

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ПОЕЗДЕ

Я что-то создаю или теряю?
Стучат колеса в родовой тоске.
Трясет вагон в стремленье глупом к раю:
Здесь все, кто сел, уже на волоске…
Окно – как переходы в измеренья:
Река, поляна, лес и чей-то сад.
Мелькают виды, собирая звенья,
И подстаканник плавит шоколад.
Почти что рай побега в неизвестность,
Где кажется, все заново начать
Легко, возможно, быстро, интересно,
И, как вагон, жизнь можно раскачать.
Вот проволока капель протянулась
Наискосок по серому стеклу.
Мне кажется, дорога улыбнулась…
– Создам! Я обязательно смогу!

Сергей Бедусенко

НОЧНОЕ СВИДАНИЕ

Ступал легко ногами улиц южный город,
богиню-ночь обняв разлетами мостов…
Он, укрощенный, скрыв
полуденный свой норов,
для милой хутором назваться был готов…
Град ощущал в себе мифические силы,
к скольженью Никты приноравливая шаг…
Пока рассвет – в который раз –
не разлучил их,
царь-мегаполис, пряной нежностью дыша,

смотрел в глаза родные тысячами окон,
шептал в любви признанья сотнями дворов…
А дева-ночь, прильнув
к его груди широкой,
роняла
слезы звезд,
как будто
звезды
слов.

ВИРУС

Идет бактериальная война,
Но ей не стать «народной»
и «священной» –
Она умом преступным создана –
Поди-сыщи «убийцу» во Вселенной!..

Страшнее человека – зверя нет:
Христа распяли вовсе не драконы,
И не «враги-пришельцы» сотни лет
Клинком сражений косят миллионы…

Лишь «крезы» – дабы мир
прибрать к рукам –
Над колбами химичат, и на вырост,
Нам шлют такой
смертельный биохлам –
Как «верх контроля» –
Похороно-
Вирус.

СЛУШАЯ ВОЗНЕСЕНСКОГО

Голосом, срывающимся в шепот,
А сказать точнее – шепотом,
Срывающимся в Вечность, одна
Тысяча семидесятилетний Вознесенский
Возносил нас в царство музыки
Заснеженным предновогодним вечером…
Свистели, словно два котла под паром
Измочаленные легкие – нелегкая их сокруши! –
Но все же выдавали то, что кличут
На земле Небесным даром, что рвалось
Обратно в небо из глубин души…

Поэт в безумной спешке
Задыхался, комкал, рвал бумагу фраз,
Он тормозами пауз всякий раз
Насилу контролировал разгул
Метафорических цунами,
И, казалось, сочинял все это прямо вот
Сейчас, на этой сцене – перед жутко
Ошарашенными нами…
Он как будто не на шутку опасался
Заблудиться в букво-нотах,
Оборваться, раствориться раньше
Срока, не успеть чего-то,
На былые силы не надеясь…

Потому-то и летел Орфей Орфеич
Сверхгалопом по Европам,
На ходу пронзая, празднуя,
Любя и матерясь, ну а короче говоря –
Свя-щен-но-действуя…
Вот так, друзья, жонглируя то образин
Обрезками, то образами Образов,
И словно невзначай, по крохам, но
Очеловечивал он целую эпоху –
Этот трижды эпохальный человечище,
Заснеженным предновогодним вечером
В доселе неизведанное проникая
Голосом, срывающимся в шепот,
То есть – шепотом, срывающимся
В Вечность.

МУЗЫКА

Я есмь, покуда миром правит музыка,
И мечут рев литавры бурь небесных,
И звезды в них свое вплетают кружево,
Как скрипки – свет в Иерихон оркестра.

Я есмь, покуда миром правит музыка,
Круша беззвучье злобы затаенной –
Чтоб в робкие сердца вселялось мужество,
А в мужественных – пела просветленность.

Я есмь, покуда миром правит музыка –
В бессмертных тембрах звездных горизонтов…
Хочу любой галактикой быть узнанным,
И каждою травинкой быть пронзенным…

Я есмь, покуда миром правит музыка –
Она во всем, что светит, бьется, дышит,
Во всем, что суть глубинно, не наружно –
Имеющие уши да услышат,

Как за века разросся ввысь и вширь я –
До моря нот – от первой звонкой лужицы…
Вселенная – Оркестр, а не пустыня –
МЫ есть, покуда миром правит
Музыка!

СЧАСТЛИВЫЙ ТРАМВАЙ

Счастье – особа своевольная, и является к нам поразному. Приходя по почте, топая пешком, прилетая на крыльях. Или же, катясь по рельсам… Но не будем торопить события.

Начало этой истории положил курьезный случай, который произошел со мной еще в старые добрые студенческие времена. Стоял (чтоб не сказать «висел») необычайно жаркий сентябрь. Я возвращался домой с лекций. На трамвае. Таких в стольном граде Киеве сейчас уж и не встретишь – тряских, деренчащих и поминутно дилинь-дилинькающих. Но как раз этим-то и милых.

Ну да ладно. На консерваторских лекциях великолепно выспался, так как профессора попались подслеповатые, и чувствовал себя свежим, бодрым и готовым, что называется, «к труду и обороне».

Еду, значит. Толкучка такая, что все застыли «по стойке смирно». Кстати, именно такой вот транспортный «комфорт» я называю «местом, где стираются грани между умственным трудом и физическим».

Вижу чуть впереди себя барышню. Ничто на свете не помешало бы мне обратить на нее внимание, потому как была барышня как раз в моем вкусе. Не из тех, знаете, которые, кое-как отмахав «полтора коридора», разыгрывают великосветских леди и томно рассказывают романтические истории никогда с ними не происходившие. И не из тех, наоборот, которые, получив полный комплект образования, ударяются в феминизм, матерясь на всех углах похлеще матерых грузчиков. А уж тем паче не из тех, которые, вырядившись в «последний писк», кстати, идущий им не больше, чем во-

роне – павлиньи перья и с тонной грима на претенциозно намурмоленной физиономии, праздно дефилируют по «бродвеям местного значения». Поглядывая на прохожих с таким видом, будто каждый из них должен им минимум по сотне баксов.

Другими словами – редкостная была барышня.

Интеллигентная.

С такой всегда найдется о чем поговорить. О том, к примеру, как понимают правила хорошего тона другие народы. Туземцы с островов Зеленого Мыса от избытка чувств, трутся носами. Эскимосы – те в качестве приветствия показывают друг другу языки. А вот в некоторых африканских племенах, совершенно неприличным считается появление в обществе без специальной повязки над левым коленом. И это, знаете, при полном отсутствии всяких других повязок, в том числе и набедренных.

В общем, с информацией как-нибудь разберусь.

Но как же с ней познакомиться?..

Решение органически вытекало из воображаемого разговора. Просто при выходе из трамвая галантно предложу даме руку. А заодно проведу тест. Если действительно душевный человек – не шарахнется, оценит. А там – слово за слово…

Занимаю я, значит, позицию, способствующую осуществлению моего замысла – поближе к дверям – и жду. Трамвай, щелкает остановки – что твои орехи. За окошками уже массив какой-то новый, «куда и серый волк костей не заносил», а владычица грез моих – ни с места. Наконец, вижу, пробирается-таки к выходу.

Др-р-р-р-р-р-р-р – бумц.

Остановка.

Я живехонько так выскакиваю и готовлю орудие знакомства. Руку, значит. Идеально рассчитываю общее расстояние до объекта. И, в частности, до его локтя. Ну и, конечно, количество впереди идущих. Их трое. Вижу, вываливается первый. Второй…

И тут что-то на секунду отвлекает внимание. Тем временем ощущаю на своей руке атласную кожу драгоценной ноши. С плавной уверенностью опускаю ее с крутых ступенек вниз, победоносно поворачиваюсь и… Вижу перед собой восьми или десятилетнего мальчика, которого нежно держу за покорно вздернутый подбородок. Оказывается, за этот самый подбородок, так напоминавший на ощупь изящный девичий локоток, я только что свел его с высокой трамвайной площадки, прямо на глазах у офонаревших пассажиров. Не иначе, как этот «юный следопыт» в последний момент протолкался вперед моей пассии. Ее давно уже и след простыл, а мы с пареньком так и остались стоять друг напротив друга… Моя рука накрепко прикипела к его подбородку – точно просоленная клешня контр-адмирала к штурвалу тонущего флагмана. А мальчик, с опрокинутой головой, смотрел на меня своими невинными голубыми глазами, застыв в благоговейном ужасе. Ни дать, ни взять – жертвенный агнец, предназначенный закланию…

Опустим же завесу жалости над концом этой сцены.

Как вы могли бы догадаться, я так и не смог забыть вожделенный предмет моей трамвайной симпатии, а потому, запомнив время, раз десять кряду колесил по вышеозначенному маршруту с надеждой на встречу. Но все было тщетно…

Прошло полтора томительных месяца, в течение которых писались такие вот стихи:

Я праздную жизнь, умирая стократно, –
Пока ты сокрыта в туманной дали…
Ни морем, ни сушей к тебе не добраться –
Увы, нет на картах подобной Земли…

Но знаю: мой свет лишь тебе предназначен –
Как то, что рожден я увидеть Твой свет…
И сердце-маяк то смеется, то плачет,
Горя ожиданьем любви сотни лет…

Кстати, о стихах. Наконец-то увидела свет моя первая поэтическая книга с романтическим названием: «Заастралье». (Прошу не путать с «Зазеркальем» Льюиса Кэрролла, потому как мой мир располагался значительно дальше.) Ехать на сей раз мне было удобнее другим транспортом, но ноги почему-то сами привели именно к трамваю. Заметьте: никакой задней мысли при этом не было.

Так вот, занимаю освободившееся место и буквально впиваюсь нетерпеливым взором в мой свежеврученный сигнальный экземпляр. Да так увлекаюсь, что радостно пропускаю нужную мне остановку… И тут кто-то легонько трогает меня за плечо, вежливо так спрашивая:

– Извините, пожалуйста, не подскажете ли вы мне имя автора?..

– Он перед вами… – бросаю я через плечо, по инерции дочитывая страницу.

И вдруг до меня доходит: более чем неприлично даже мельком не взглянуть на потенциального поклонника. Молниеносно встаю и… – вот он, счастливый случай! – оказываюсь лицом к лицу с барышней – той самой!..

Оказывается, она вернулась после длительной отлучки и подсела на «мой» трамвай тремя остановками позднее вашего покорного слуги. Поневоле очутившись прямо за моей «взахлеб читающей» спиной, из чистого любопытства пробежала одно стихотворение, второе, третье… И заинтересовалась настолько, что решила узнать имя «новоявленного Пушкина» в моем лице.

Мы представились друг другу, разговорились, и филологиня Юлия (так звали девушку), не изображая из себя «принцессу на горошине», сама предложила проводить ее до дому. Ура! Это ли не предел мечтаний! Естественно, провожание сие затянулось. Мы проболтали добрых два часа и никак не могли остановиться. Кстати, мои донжуанские «заготовки» насчет правил хорошего тона в принципе не пригодились.

Вдоволь посмеявшись над курьезным случаем с коварным мальчишеским подбородком, мы гармонично перешли на поэзию, музыку и даже астрономию. Очнулись только тогда, когда в небесной вышине зажглись свечи первых звезд – словно бы взятых из названия моей книги…

Что вам сказать, друзья… Конечно же, мы, дети Ее Величества Романтики и Его Высочества Трамвая, стали встречаться. Поначалу прогуливались, держась за руки, потом – рука об руку и, наконец, – в обнимку…

И были счастливы.

«После достижения определенного технологического уровня наука склонна сливаться с искусством. Все величайшие ученые – художники».

Альберт Эйнштейн

Кира Османова

* * *

Внутренний лес узнаётся по рыжим просветам
и мокрому запаху;
Дышишь спокойно, впервые себя измеряешь
не только потерями.
Так и стоишь между гладких стволов,
голова в восхищении задрана:
Выше высокого эти деревья, и сам ты –
такое же дерево.

Может, какие-то ветки как нужно не выросли,
выглядят детскими;
Может, иные – кривые, тяжёлые, попросту
лишними кажутся.
Я вспоминаю тебя – это, правда, такое особое действие,
После которого чувствуешь, будто по телу
смола растекается.

И понимаешь, какими мы стали в сравненье с собою –
огромными;
Непоказными и очень красивыми; теми,
кто всё же осмелился.
Ты исключительно сосредоточен на ярких фрагментах
над кронами.
Жизнь – это вверх. И ты занят своей вертикалью.
И в этом – бессмертие.

* * *

Теперь и вопросы другие: какими твои прорастут семена?
Не мало ли воздуха, света? Полезен ли старый грунт?
Пустым это было, смешным несколько лет назад.
Подобная метаморфоза случается, верно, во все времена:
на первых порах полагаешь, что сад – это всё вокруг;
Потом понимаешь, что ты – это и есть сам сад.

И с ним предстоит обращаться иначе, однако себе не в укор.
Вот пни, буреломы, сухие побеги, ручьи без рыб –
Следы запустения здесь; медленный, верный спад.
Вот пруд со стоячей водой – неприютное место,
давнишняя скорбь.
Но нет на земле человека без тёмной воды внутри.
А ты мою, тёмную, пил – этим меня и спас.

И дальше на смену стыду за свою неуместность
и страху пропасть –
Всему, что сейчас от себя отчуждаешь с таким трудом –
Приходит свобода цвести. Пусть – не в привычный срок.
Становишься чутким к любым шевелениям,
и ничего – напоказ.
Себя ощущаешь безмерным, бессмертным – поскольку добр
И милостив тот, кто всегда брошенный сад берёг.

Вовсю разрастается сад в глубине, он уже не напуган ничем.
Так хочется это запомнить и каждым листом дышать.
И нет незначительных дней: всякий – со смыслом день;
А смысл, если, в сущности, стоит искать его,
он – в обретении черт.
И я потому разглядела в себе, наконец, ландшафт,
Что, как бы ни двигалась жизнь, – ты на меня глядел.

* * *

И это, конечно, вера – радостней прочих вер,
Нарастающая росо а росо,
Когда ты стоишь в дверном проёме и смотришь вверх –
Вертикальная открытка от Бога.

И это, конечно, грусть – как тихий вечерний свет,
Восхитительные нежные блики;
И если бы я писала тот, что хочу, ответ,
Получилась бы в итоге – молитва.

* * *

Vesti la giubba e la faccia infarina.
Pagliacci

Это не горе, ведь горе – процесс;
Это же – точка, внезапно и в цель;
Внешне – не страшно, поскольку ты цел,
Но… как и откуда?

Думаешь сразу об очень плохом:
Молниеносный горячий прокол,
Где ты ни есть – настигает легко,
Да хоть и на кухне.

Трудно становится пальцы разжать,
Красная жидкость стекает с ножа –
Так колоритно, что вышел бы шарж,
И стоящий даже.

И не работает самоукор,
И не взмахнуть деревянной рукой.
Вдруг зарыдаешь над чашкой с мукой.
Стоишь – и рыдаешь.

ПЕРЕПЛЕТЕНЬЕ ДЛИННЫХ КОРИДОРОВ

И как бы ни искал разгадку тайны –
У настоящей тайны нет разгадки,
Как нет от лабиринта избавленья.
А сколько лет ты в нём – не сосчитаешь.
Уж сам себе и чуден был, и гадок,
А всё течёт безжалостное время.

К утру – печёт, а ночь настанет – зябко.
Так устаёшь от явственных повторов,
Такая неизбывная оскома!
Как лабиринт опишешь непредвзято?
Переплетенье длинных коридоров.
Огромная, как море, безысходность.

Всесильное, как ураган, смятенье.
Не встретится тебе ни зверь, ни путник –
И ходишь бесконечными кругами.
Шершавые, всё видевшие стены
С внушительными вмятинами, будто
Сердитый бык царапал их рогами.

Здесь всё вокруг – обманчиво, неточно.
Здесь ты как будто испытуем всеми,
Кто знает толк в тяжёлых испытаньях.
Но остановишься в какой-то точке:
Ведь сколько можно в поисках спасенья
Туда-сюда бродить – безрезультатно?

Стоишь наипечальнейшим из пугал,
Сам для себя – безмерная утрата…
Как вдруг осознаёшь: отсюда видно
Два поворота. И знакомый угол.
Два поворота. Неужели, правда?
Два поворота. А за ними – выход.

Просвет, который жизнь иную прочит.
Возможность распрощаться с этим местом –
Закономерность или просто случай?
Вопрос, больнее и важнее прочих:
Как из себя, дурного, наконец-то
Извлечь искомый лабиринт, что мучит,

А не себя из лабиринта вынуть?
И горло тотчас делается уже,
Пересыхает, ноги – словно вата.
И страшно: если я отсюда выйду,
То… кем тогда я стану – там, снаружи,
В безлабиринтье незамысловатом?

Там шаг любой несносно предсказуем;
Там всякую фигуру, птицу, ветку,
До горизонта – каждую подробность
Спокойно разглядишь. Ты не безумен,
Не заперт, и свободным человеком
Способен взять такой простор на пробу.

Не будет больше изощрённых пыток
Причудливо расколотым пространством,
Блужданий, наваждений и просчётов.

Ты станешь весел, оборотист, прыток.
Ты не захочешь показаться странным.
О чём ты будешь жить тогда? О чём ты

В неотвратимую минуту вспомнишь?
Чем будешь полон, чем потом – оправдан?
Чем сам себе окажешься ты дорог?
Сейчас не время. Может статься – позже.
И, повернувшись, ты спешишь обратно –
В переплетенье длинных коридоров.

Придумать бы решающую фразу –
О том, что каждый делает свой выбор –
Но так внутри беззвучно всё и гладко.
И если больше я за жизнь ни разу
Не отыщу из лабиринта выход,
То так тому и быть. Пусть – без разгадки.

«Безошибочный признак того,
что что-то не является искусством или кто-то
не понимает искусства, – это скука».

Бертольт Брехт

Галина Долгая

ДОЖДЬ

Со мной с утра не расставался Дождь.
– О, отвяжись! – я говорила грубо.
Он отступал, но преданно и грустно
вновь шел за мной…

Белла Ахмадулина

Тяжелые капли дождя с каким-то особым остервенением колотили по козырьку над окном. Начавшись ранним утром, с каждой минутой дождь набирал силу и, казалось, хотел выбить душу. Его стук отдавался в голове, доводя до слез. Никуда от него не спрятаться, никуда не скрыться…

Настасья открыла глаза. На потолке длинными тенями от потускневших бронзовых рожков отражается люстра – древняя, как она сама. Сил нет добраться до ее пыльных плафонов! Каждое утро одна мысль: помыть бы.

Струи дождя слились воедино, водопадом заслонив внешний мир от окна. Настасья медленно вздохнула.

– Как же я тебя ненавижу!

От такого откровения дождь поперхнулся, стена воды разомкнулась на рваные полосы и словно застыла. Только грохот от нее, как от листов жести, трясущихся на ветру.

Отвернувшись от окна, Настасья села на кровати, повела седой головой из стороны в сторону, нехотя спустила ноги на коврик. Холодок обнял их, пробежался по сухой коже. Пошевелив пальцами, Настасья пошарила ступней по коврику и, нащупав тапочку, всунула в нее ногу. Где-то лежит и другая… Нашла! Встала. В голове болью отозвался стук дождя. Злость подкатила к горлу.

Настасья дошлепала до окна и захлопнула форточку. Стало тише.

Пока закипал чайник, Настасья вспоминала дожди своей жизни. Разными они бывали: и счастливыми, и печальными, но один вытеснил все невосполнимой потерей. С тех пор, стоило только первым каплям упасть с небес, как сердце снова и снова переживало роковой миг, с которого началось ее одиночество. Именно тогда стена дождя разделила жизнь на «до» и «после», оставив ее по одну сторону, а семью – по другую.

Чайник запыхтел, задохнулся от пара и разразился свистом. Настасья вздрогнула и выключила плиту; сурово взглянула в окно. Будь ты неладен! Льешь, льешь с самой рани и никак не выльешься! Чайник протяжно выдохнул и стих, приняв упрек на свой счет.

Струя кипятка, обжигая руку паром, наполнила чашку с пакетиком заварки, и вода на глазах окрасилась в яркий каштановый цвет. Настасья поставила чашку на блюдце и, сосредоточившись на ней, дошла до кресла в углу спальни.

Маленький круглый столик. Книга с закладкой посередине. Очки... Блюдце с чашкой поместилось рядом. Настасья присела в кресло, на миг забыв о дожде. Ароматная струйка пара поднялась было к лицу, но вдруг изогнулась в сторону: форточка приоткрылась, дует из щели. И дождь стучит... Стучит... Да и пусть стучит! Она отхлебнула чаю. Приятное тепло просочилось внутрь, согрело сердце. А помнишь?..

Дождь за окном прислушался. Капли зависли в воздухе. Он помнит! Он также низвергался на землю, но только еще зеленую, полную цветов и трав; цеплялся за хвою, повисая на иголках набухающими каплями;

скользил по листьям лещины. И тоже стучал! По скатам палатки стучал! Дразнил их – молодых и красивых, мечтающих о будущем и вечной любви. Когда она родила двойняшек, он приветствовал детей гимном жизни, хвастался птицам и деревьям в округе, как заглянул в окно и первым увидел младенцев. Солнце тогда не дождалось конца ненастья и просочилось сквозь тучи яркими лучами. Так они и светились в воздухе вместе: дождь прозрачными каплями, а оно перламутром на них. Помнит ли она тот миг?..

Помню! Разве такое можно забыть?.. Ох, какими же сладкими они были…

Рука затряслась, чай пролился на рубашку.

Настасья поставила чашку на блюдце и откинулась на спинку кресла. Скорбные складки в уголках губ, тоска в запавших глазах, утративших цвет. Она выплакала его. Весь, до капли. Теперь глаза такие же пустые, как дождевая вода.

Стало невозможно душно, камнем придавило грудь. В ушах шум. Но не от дождя – от нахлынувших переживаний. Она нащупала початую облатку с таблетками, выковыряла одну, положила под язык. Раз, два, три… Ох, отпустило… Но как хочется свежести, как хочется вздохнуть полной грудью и впустить в себя дождь!

Настасья оделась. Ноги – в ботинки без шнурков, плащ – на плечи, прикрытые шарфом, зонт – подмышку. Задвижка отползла в сторону, дверь поддалась слабой руке, и свежий воздух пахнул в лицо.

Настасья спустилась во двор; глубоко и с удовольствием дыша, пошла по мокрой дорожке, забыв открыть зонт. Она с наслаждением вбирала в себя влажный воздух и витающий в нем аромат прелой листвы.

Дождь спохватился, раздвинул струи, разогнал капли. Мокрые, безлистые ветви деревьев сплелись над ней в ажур и застыли, словно боясь уронить вниз хоть каплю. Когда Настасья вышла на отрытое место, тучи разбежались, и луч солнечного света вспыхнул в напоенном влагой воздухе радужным мостом.

Стая грачей пронеслась в голубеющей выси. Кошка выбралась из укрытия, потянулась и с вопросом в зеленых глазах взглянула на одинокую женщину. В такую рань гуляешь?..

Настасья улыбнулась. Гуляю!

Дождь облегченно выдохнул последними каплями: оттаяла, простила. Простила до следующего ненастья. Уж сколько лет так! Ничего. Он понимает. Это жизнь. И он с ней слился…

«У искусства есть два самых опасных врага:
ремесленник, не озаренный талантом,
и талант, не владеющий ремеслом».

Анатоль Франс

Ольга Равченко

Перевод с итальянского языка
Калоджеро Ла Векъья, Италия

ДЫХАНЬЕ РАСУЛА

Обновляется время.
Зелёные комья земли,
всё ещё обильно политые потом,
превозносят дыханье Расула,
приближая их к небу.
Когда узловатые нежные руки
ласкают
одомашненные облака,
воспевает Расул эти горы –
источник чистой любви.
Дыханье Расула –
витальная сила земли.
Сила народа –
в предвечном поиске
многообразия
идентичности.
В дыханье Расула –
зеркале – всё человечество:
мир не предал
сын Дагестана.

- Линии на узловатых руках обычно чётко выражены, слегка изогнуты, но не слишком глубоко прочерчены.

- Витализм (от лат. vitalis – «жизненный») – устаревшее учение о наличии в живых организмах нематериальной сверхъестественной силы, управляющей жизненными явлениями – «жизненной силы» (лат. vis vitalis): «души», «энтелехии» («внутренней силы), «археи» (образованной от слов «извечный, древний, первозданный, старый»).

- Безусловно, дыхание Расула приравнивается к дыханию «святого духа»: Руах – неизменно воспринимаемого иудаизмом как действующая сила, дыхание самого Бога Иеговы (Яхве), которыми Он всё делает и творит.

ГУНИБ

Мать-земля
отсюда черпает свой аромат.
Здесь начало берёт особая сладость айрана:
пью его,
обнимая руками
голубоглазую кружку
из терракоты.
Тишина листвы плывёт
от смолистых верхушек:
ниспадает, рассеявшись
средь
на солнце отбеленной глины.
Проникаюсь
тысячелетней историей горцев –
сохранной, неизменённой.
Здесь время застыло…
Столь шершавая,
сколь самобытная музыка
горского языка
влечёт мои мысли
на встречу с восходом –
застывшим утренним светом Гуниба.

- Гуниб – «груда камней». Природная крепость Гуниба – последний оплот имама Шамиля; была взята русскими войсками 25 августа 1859 года.

- Аварский язык (авар. авар мацI, магIарул мацI (букв.: «горный, горский язык»), язык аваро-андийской группы нахско-дагестанской семьи языков. В основе литературного аварского языка лежит т. н. болмацI («язык войска») – междиалектный язык, сложившийся на основе северного наречия. Название «Дагестан» известно с XVII века и означает «горная страна», что справедливо лишь в историческом смысле, поскольку с включением в состав Дагестанской АССР (ныне Республика Дагестан) равнин Кизляра и ногайских степей на горные регионы приходится лишь 56 % от всей её площади.

ДАНЬ УВАЖЕНИЯ ДЖУЗЕППЕ УНГАРЕТТИ*

Не хочу погружаться
в клубок своих мыслей...
Безмолвен.

Охотно
молчал бы и дальше –
если бы всё замолчало.

Но ведь скажут:
«Свободен!»

АРБУЗ

Я б хотел быть спокойным.
Живописным и миролюбивым.
Естественно, летним.

Но
когда –
за укусом укус –
утоляешь жажду хроматики,
возникает потребность выплюнуть семечки,
и это меня беспокоит.

* Итальянский поэт и переводчик, один из основателей итальянского герметизма.

НЕБО МАХАЧКАЛЫ

Пенье цапель смешано
с шумом коварных волн
Каспийского моря.
Наступает вечер –
мощными чистыми красками
многострадальной горной земли:
чары неба Махачкалы
отразились в моих глазах:
непрерывная смена игры
исконно каспийских цветов
обновляет душу –
узорами калейдоскопа.

А ЛЯ «ПАРМИДЖАНА»*

Слоёное сердце:
по центру – груда красного
с белым: каждый – в отдельности.
Если вдруг не хватит надежды,
умерим пыл
потребления.
Однако –
не из любви.

* Название «Пармиджана» происходит от сицилийского «Parmiciana“, что на диалекте обозначает груду деревянных планок жалюзи, в свою очередь, образованных от фр. jalousie (ревность). Ингредиенты символического блюда средиземноморской кухни: помидоры, баклажаны, базилик и сыр.

МОИМ ДЕТЯМ

Если
вдруг обнаружишь
меня среди собственных мыслей –
сгруппируй их
и отпусти на волю.

Если
вдруг заметишь,
что нет меня в твоих мыслях –
остановись
и найди меня.

Если
вдруг случится,
что не найдёшь меня в мыслях –
тогда оглядись:
возможно,
ты сбился с пути.

РЕПЛИКА

Подари мне немного себя,
как всегда, –
бессмертною остией:
плотью от плоти.

ПАСХА – 2016

Лакримоза –
кричащая боль распятья,
безмолвье страдания Божьих сынов.
Ослепительно белая плащаница.
Невольно щуришь глаза –
и не видят они ничего,
кроме крови.

Ожидаем Пасху.
В надежде вновь пережить
страсти Христовы.
Едины.

ЦВЕТОК МИНДАЛЯ И ЛИСТ ВИНОГРАДА

На этой благословенной земле
ароматов много и много цветов.
Но ... равно как
в колёсах времени,
часто
то, что красиво,
обречено не встречаться.
Цветок миндаля и лист винограда
между собой не знакомы.
Такова судьба нашей земли.
И желанье спускается в сумерки…

ПРЕБЫВАЮ

Пребываю во сне.
Снам вверяю
начало учебного года,
равно как и дни, что делил
между песком и морем.

Пребываю во сне.
Прихвачу с собою
соль последнего вздоха,
горечь дней,
которые вы у меня украли.

Пребываю во сне.

ТЕБЕ ЭТО НАДО?!

Писательница продала всё,
чтобы издать свои книги,
а продав их, купила себе хлеба.
Вроде притча от родной сестры

Хочешь сказать, что творчество
качественно изменило твою жизнь?
Из беседы с верной институтской подругой

Из всего этого, друзья, вытекает урок,
что поэт должен учиться у других людей.
Нет непреклонного творчества.
Все пути ведут в одну точку:
к сообщению того, чем мы являемся.
Из Нобелевской лекции Пабло Неруды

Случайно в разговоре с одним из итальянских друзей я узнала, что настоящим певцом был не Лучано Паваротти, а его отец – Фернандо Паваротти, только у бедняги в свое время не было возможности пению учиться.

Мой дедушка, враг народа, был великолепным рассказчиком, и все десять лет – с тридцать шестого по сорок шестой – его охотно слушали воркутинские друзья по несчастью.

Мама преподавала русский язык и обладала недюжинными артистическими способностями (Ермолова!), но уничтожила на корню «моего в детстве» Есенина четырьмя строками:

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

Я бывала летом в деревне у бабушки. Видела капустные грядки, восход, кленёночка и коровье вымя. Положительных эмоций лично у меня сие есенинское творение не вызывало.

Вторая мамина попытка привить мне любовь к своему любимому поэту тоже не увенчалась успехом:

Хороша была Танюша,
Краше не было в селе.
Красной рюшкою по белу
Сарафан на подоле…

Маму звали Татьяна. Этого было достаточно, чтобы возненавидеть и Есенина, и его героиню, и ассоциировавшуюся с «ряхой» «рюшку», и «подол» – вместе с тем, что в нём приносят.

Опять же – «коса-душегубка», «лихой кистень»… Одним словом, хороша была Танюша!..

Лет в десять (моих) мама выступила по отношению к моему поэтическому творчеству в роли кастрирующего типа: прочтя отзыв о моём стишке редактора одной из пионерских газет (я отправила письмо самостоятельно!), мама сказала, как отрезала: «Это ты стихи пишешь?! Пойди лучше Пушкина с Лермонтовым почитай».

Почитала. Лучше.

В школе «моего» Есенина добили, поведав о том, что «семерых ощенила сука» (дальше можно было не продолжать), и полным отсутствием у меня желания «Задрав штаны, /Бежать за комсомолом».

Следует отметить, что кроме семьи, в целом любовь к литературному слову поочерёдно мне прививали три учителя-словесника: Розалия Григорьевна Фарбер, Григорий Львович Старосельский и Виктор Акимович Уземшин – цитировавшие всё наизусть. Виктор Акимович,

во время декламаций неизменно принимавший соответствующие артистические позы, виделся мне исключительно Великим Качаловым.

Был ещё Терентий Прокофьевич Кожемякин, повлиявший на меня не опосредованно – преподавал литературу в чужих – старших – классах и вёл кружок, в котором находили приют будущие поэты и драматурги, но я там не задержалась. А жаль! Было что послушать!

Родители ежевечерне читали нам в детстве вслух. Выразительно.

Более того, папа повсеместно обращал моё внимание на красоту окружающего мира, параллельно цитируя кого-нибудь из классиков и даже литературных критиков. Я считала, что так поступают все отцы, пока сама не стала матерью. Из своей головы спонтанно я не могла извлечь красоты в том количестве, в котором предоставлял мне её папа, но читала детям стихи и пела песни – превеликое множество. (Недавно младший внук поделился со мною наблюдением: «Бабушка, я заметил, что ты перед тем, как уснуть, любишь попеть…»)

Резюме: настоящим поэтом был мой папа, не написавший ни строчки, говоривший редко, но часто вызывавший у меня желание записать очередное его личное нетривиальное высказывание.

Почерк у папы был шедевральный: мелкий, убористый, да ещё и витиеватый, напоминавший редко встречающиеся маленькие розовые ракушки – туррителлы*.

* Туррителлиды, туррителлы, башенки – семейство морских брюхоногих моллюсков. Небольшие (1,9 см) моллюски, для которых характерна удлинённая вытянутая форма раковины с большим количеством оборотов.

Папин почерк-аркану-вязь я разбирала без труда, чем очень гордилась. Образца, я думаю, не осталось.

В школе, в институте, на работе постоянно выпускала оригинальные стенгазеты. Школьных сочинений писала, как правило, два (за себя и за того парня). В институте у меня можно было списать любой предмет, кроме аналитического чтения: слишком узнаваемо!

Подавляющее число преподавателей факультета испанского языка минского иняза были выдающимися личностями, но, как и в случае с папой, я считала это нормой.

Илья Израилевич Альтман**, Владимир Иванович Силецкий, Владимир Васильевич Макаров (постоянный представитель БССР при ЮНЕСКО), Збигнев Владиславович Ивановский (доктор политических наук, профессор, руководитель Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН), Николай Фёдорович Ленивко, Хуан Карлос Попок, Галина Францевна Лепесская (дочь писательницы), Галина Ивановна Брыль (дочь писателя), Иван Александрович Кулешов (родной брат поэта), Софья Григорьевна Бербека (единственная, как мне казалось, кто знал, с какой целью даёт то или иное задание), Эдуард Борисович Элькин, вверивший

** Родился в г. Одесса, жил на Кубе (1928-1936 гг.), где принимал участие в борьбе с режимом Мачадо и Батисты. В 1936 г. после очередного ареста был выслан с Кубы. В составе интернациональных бригад в 1937-1939 гг. работал переводчиком в Испании; затем прошёл Великую Отечественную войну, был контужен. Награждён орденом Красной звезды. Самый человечный человек, впрочем, как и все остальные мои преподаватели – люди.

меня Хосе Марии Флоренсу Фернандесу*** в качестве диктора институтского телевидения, и Хосе Марьянович практически ежедневно давал мне индивидуальные уроки испанского языка перед нашим с ним выходом в эфир. Вряд ли кому-то ещё представилась такая возможность.

Декан факультета – Евгений Александрович Маслыко – был двоюродным братом Евгения Евтушенко. Часть моих друзей-однокурсников, помешанных на поэзии, создали поэтический театр «Время!», где я была Левым Светом, зато всегда гарантированно имела свой экземпляр текста.

Однажды моя ученица Лена Кофман заявила: «Моя мама**** сказала: „Ваша англичанка пишет стихи!“»

Вот это да! На вопрос, кто же эта англичанка, Лена ответила: «Вы!»

Во-первых, никогда не считала себя англичанкой, во-вторых – пишущей стихи, но была польщена. И сейчас не считаю себя ни поэтом, ни – тем более – англичанкой, хотя английский преподавала и, более того, прикоснулась к «Автобиографии Феери» Дональда Грейбоу, а на испанском – к «Красной розе Пайты» Пабло Неруды, «Флорентино и Дьяволу» Альверо Торреальбы, танго

*** Родился в г. Кадис, в 1939 г. вынужден был покинуть Испанию, спасаясь от репрессий диктатуры Франко, и просить убежища в СССР. Говорил исключительно на испанском языке.

**** Светлана Ивановна Гузик, талантливейший учитель-словесник той же школы, эвриканка («Эврика» – постперестроечное общественно-педагогическое движение учителей-новаторов).

Орасио Феррера и Астора Пьяццоллы, к ранним стихотворениям Лорки – наконец!

Переводить с итальянского начала в 1999 году, поражённая красотой выставки «Искусство и природа» на одной из итальянских вилл. Искусствовед Джузеппе Кордоне никогда не считал себя поэтом, но сумел пробудить во мне доселе мирно спавшую поэтическую жилку (на итальянском: vena poetica).

В 2001-м творчество стало для меня спасением. Здесь можно было бы с лёгкостью углубиться в эзотерику, но… скажу лишь одно: проезжая в общественном транспорте по улицам города, я видела за окнами всё и всех крупным планом, в деталях – в каждом доме, в каждом окне, в каждой проезжающей мимо машине, – словно движущиеся фигурки на курантах или в экспозиции музея игрушек…

Это ощущение может понять лишь тот, кто сам испытал подобное. Моя душевная боль в тот период обострила все чувства, наделив меня сверхъестественной способностью видения, и научила слышать подсказки Вселенной.

Постепенно ушла печаль, унося с собою и странное видение, и внезапно открывшийся дар. В литературной среде я погрязла по уши. После потери мужа, бывшего душой любой компании, мне пришлось отказаться от прежнего круга друзей, чтобы избежать болезненных воспоминаний. Теперь меня окружает литературная братия – и какая! Хотя и старые друзья не забывают: кто-то гордится, кто-то ревнует…

Нужно ли кому-то, кроме нас, то, что мы делаем?

На мою сегодняшнюю реплику ещё на заре нашей молодости, когда мы увлеклись ручной печатью цветных фотографий, ответил мой муж: «Как – никому не нужно? А нам?!»

Елена Ханина

ХАИМ

С Хаимом мы познакомились двадцать лет назад. Хаим – мой пациент, житель Димоны. С первого дня знакомства меня предупредили о шлейфе поступков и проступков, которые сопровождали его. Хаим – отпрыск уважаемого религиозного семейства.

В день нашего знакомства передо мной предстал симпатичный молодой человек 22 лет, в черной кипе, белой рубашке, с доброй хитрой улыбкой, очень подвижным лицом, смеющимися глазами. И все же во всем облике сквозила неуверенность и незащищенность.

У Хаима на тот момент были две болезни. Болезни были тесно переплетены и мешали одна другой, делая невозможными многочисленные попытки помочь Хаиму. Одна из болезней – юношеский диабет, который Хаим приобрел в 17 лет, для контроля за которым были необходимы регулярные уколы инсулина, измерение сахара крови перед каждой едой, соблюдение определенного режима питания и образа жизни. Именно этой болезнью я и должна была заниматься; ни о каком контроле за диабетом не было и речи – показатели сахара зашкаливали, превышая цифры, которые может показать прибор для проверки сахара крови, или падали до опасной для жизни отметки.

Вторая болезнь Хаима с красивым названием маниакально-депрессивный синдром. Этой болезнью занимался психиатр, который прописал множество психотропных препаратов для контроля за настроением и поведением. В отношении успеха в контроле за психиатрическими проблемами были большие сомнения. Препараты, предписанные ему, Хаим принимал не регуляр-

но, а иногда двойную или тройную дозу одномоментно, хотя необходимо строго следовать схеме и принимать препараты три раза в день.

Хаим часто находился на лечении в психиатрической больнице, выйдя на свободу его настроение колебалось от состояния радостного, когда все воспринималось в розовом цвете, до унылого, когда ничего не хотелось, и жизнь окрашивалась в серый цвет.

За Хаимом числились и опасные деяния – однажды он ополчился на своего психиатра; после выписки из психиатрической лечебницы Хаим явился на плановую проверку к психиатру, но был крайне недоволен беседой с ним, скандалил и даже выбросил в окно с третьего этажа компьютер. Он собирался выбросить туда же и самого психиатра, но тот успел сбежать.

Контроль за диабетом также оставался за кадром. Диета, частые проверки сахара крови – все это не для Хаима. Хаим с вечера выпивал психотропные средства, выписанные психиатром, и засыпал, позабыв о необходимости укола инсулина.

Хаим жил один, но семья не оставляла его без присмотра, явившись в квартиру утром, братья, мать, отец заставали Хаима без сознания, и тогда его срочно доставляли в больницу Сорока, где его интенсивно лечили, приводили в состояние, когда он сам должен был заниматься своим диабетом, и выписывали; все возвращалось на круга свои. Было понятно – Хаима необходимо вытащить из этого заколдованного круга. Но как?

Путь был найден. В каждой человеческой жизни должна произойти встреча с человеком, который поможет изменить жизнь другого к лучшему. Этому человеку Хаим должен доверять, согласиться совершать действия,

необходимые для контроля за диабетом То есть – что делать было понятно, как делать – было понятно, единственная проблема – Хаим был не готов выполнять необходимые действия. Человеком, который помог изменить жизнь Хаима, стала медицинская сестра Ольга. Ольга – красивая, яркая женщина 40 лет, мать двоих дочерей, москвичка, интеллигентнейшая женщина, много лет занимается больными диабетом, – Хаиму Ольга понравилась.

У Ольги счастливый брак. Красивая, ухоженная женщина, всегда с прекрасно подобранными золотыми украшениями. Ольга медленно двигалась к соблюдению заповедей и, как принято говорить, вместе со всей семьей חזרה לתשובה.

Ольга любит книги, театр и больных. По плану, который был разработан нами для лечения Хаима, Ольга встречалась или созванивалась с ним ежедневно. Постепенно Хаим активно включился в собственное лечение. Стал регулярно делать анализы, во время – уколы инсулина. Прекратились госпитализации в бессознательном состоянии. Возможность контролировать диабет помогла Хаиму поверить в себя, психиатрические проблемы постепенно сошли к минимуму, как и количество психотропных препаратов.

Хаима перевели на инсулиновый насос, состояние стабилизировалось. Через несколько лет семья подобрала для Хаима невесту, и Хаим женился. Ольга была на свадьбе, а проблемы, которые возникают в жизни Хаима, помогают решать раввин и Ольга.

Конечно, были падения, нежелания следовать рутине, колебания настроения, но все это было уже редко, и основной выбранный вектор выполнялся.

Занимаясь с другими медицинскими сестрами, Ольга приводила в пример, Хаима и на графиках, которые вела месяцами, показывала, как постепенно удалось изменить жизнь Хаима.

Недавно Хаим приходил ко мне – это был уверенный в себе отец семейства, по прежнему в белой рубашке и черной кипе. Хаим – красив, разговорчив, много рассказывал о сыне, жене, работе. Хаим находился в прекрасном душевном состоянии, но что было для меня особенно важным – Хаим стал инструктором-мадрихом и уже он дает советы и поддерживает молодых людей, которые, как и он когда-то, должны найти человека, который поможет им выйти из трудной жизненной ситуации. Во время нашего разговора дважды звонил телефон, и Хаим с громадным терпением и выдержкой решал вопросы своих подопечных, давал дельные советы. Да помогут ему Бог и люди, такие, как медицинская сестра Ольга, и другие, которых он еще встретит на своем пути.

«Искусство, как и жизнь,
слабым не по плечу».

Александр Блок

Гюнай Александра Гейдарова

НАСТОЯЩЕЕ

В глазах живых таятся нежность и любовь, порою – печаль и страх. В них есть предчувствие весны... В глазах живых машин я видела только конец. Это и отличало их от нас, тех людей, что остались на Земле. Но конец этот был нашим, человеческим.

Господь оставил меня незримой свидетельницей над Землёй, чтобы я рассказала вам всё это...

Я иду по ночному городу, и сердце моё щемит боль. Темнота обнажила свет уснувших машин, который не знает жалости. Они пришли на смену нам. Это люди их создали. Их эгоизм и честолюбие загнали нас в угол. Но днём всё не так. В белом свете они – прогресс цивилизации. Машины – торжество человеческого ума и его безграничная глупость. Но эти машины всё ещё служат нам. А те, которые изобрёл мой отец, не поставлены нам в услуженье.

Моего отца зовут Дмитрий Слепцов. Ему сорок два года. Он начальник отдела экспериментальной медицины. Это он их создал. Создал тех, кто не способен думать, переживать или любить. А ему аплодировали стоя и кричали: «Браво! Вы – Гений!» Это мой отец погубил этот мир или, по крайней мере, ускорил его конец, о мнимом приходе которого ещё несколько лет назад говорили с иронией в новостях. Я помню тот день, когда он взял в руки прозрачную газету с чёткими чёрными буквами и прочёл новость о конце света, и глаза его в тот миг загорелись неистовым огнем. Он задумал продлить человеческую жизнь. Меня ещё не было даже в его мыслях. Однако все мы участвуем в судьбе нашего мира...

Но позвольте мне всё объяснить с самого начала. Мне трудно назвать поэтическим то время, в котором я жила. Но оно очень скоро настанет. Это век виртуального образования в учебном заведении; век нематериальной одежды и мебели в доме, а также умных систем уборки без какого-либо участия человека. Было у нас и ещё одно отличие. Над нашими головами был возведён купол. Прозрачный колпак из сверхпрочного металла, который защищал от солнца. Его опускали только ночью, когда ядовитые лучи были не страшны человеку. Без него нас не стало бы... В новостях говорили, что солнце устремило свою бесконтрольную силу к нам. Но я им не верила. Бесконтрольной силой были мы сами, но об этом никто не хотел слышать. Многих стран, что существовали прежде, уже не осталось на планете, – купол прячет лишь богатых. Но я не верила, что тот, что над нашими головами, изменит исход. Время не обманешь.

Дорогой читатель, позволь мне сказать тебе, что я много читала о твоём времени. И у вас всё ещё было то, чего не стало у нас. Но даже тогда, на большом расстоянии от нас, вас уже подчинила машина. Как жаль, что ты не знал об этом. Кто мог об этом знать?.. Но ты наверняка догадывался, ведь твоя душа настроена тонко, и она видела те пространные зелёные леса и долгие реки и чувствовала неядовитое солнце и свежий ветер. Ах, если бы ты видел, что от этого осталось... Моя бабушка умерла от сильнейшего солнечного ожога. Таких случаев было очень много во всём мире. Кто-то внезапно стал бить тревогу. Большие страны помогали друзьям, а об остальных ничего не желали слышать. Моему отцу тогда было три года.

Позднее мой дедушка привил ему любовь к медицине. Отец долго верил, что сам Бог благословил его на это дело. На самом же деле это его тщеславие позволило ему так думать. Имя моего отца знали во всём мире. В двадцать три года он создал чип, который продлевал человеческую жизнь на целый век. Он сделал так, что организм не выдавал значительных признаков старения. Отец имплантировал его пациентам в живот. Я своими глазами видела людей, которые жили по две сотни лет!

Эксперимент удался. Открытие получило широкий охват. «В сто тридцать семь на пятьдесят пять! Так хочу выглядеть и я!» – подобных заголовков в новостях было не перечесть. К отцу прилетали пациенты со всех уголков планеты. Но ему их оказалось недостаточно… Он решил сделать подарок, когда мне исполнилось три года. Он и представить не мог, что его микросхема произведёт прямо противоположный эффект. Я стала его первым подопытным ребёнком… Опыт над собственной дочерью он утаил ото всего мира, но не смог обмануть сердце матери…

Через десять лет ему доверили отделение экспериментальной медицины, которое организовал для него сам президент. Денно и нощно отец обдумывал своё следующее изобретение. И от него все его ждали. А я ждала только маму с работы. Отца хлопали по плечу и крепко жали руку. Мама обнимала меня, учила играть на пианино и петь. Отцу улыбались. Его уважали, боялись и ненавидели. Я не стремилась к нему, потому что видела его очень редко. Люди же кричали, едва увидев отца на улице:

– Вот он – спаситель наших душ! Он победил смерть! Он живой Иисус на Земле!

Отец знал, чего хочет добиться. Он вознамерился установить новую планку.

– Если всё удастся, – говорил он, – это станет вершиной познания. Жизнь и смерть начнут говорить на равных, и я избавлю человечество от страха быть погребенным в сырой земле, будь то от старости, будь то от природных катаклизмов. Кто знает, может, я подарю человечеству новый дом!..

Отец созвал на совещание самых опытных и смелых сотрудников и озвучил им свою идею. И глубокая тишина стала его первой публичной пощёчиной.

– Вы задумали спорить с Богом?! – наконец громко, с неудержимым негодованием бросила ему Ирина Соколова, его заместительница. – Вы с ума сошли! Это не наука! Это не медицина! Это погребение заживо! Это противоестественное. Ненастоящее, если хотите. Вам мало того, что и без ваших усилий происходит на планете? Земля умирает, забирая с собой своих жильцов. По их же собственной глупости. А вы и наукой решили им помочь?

Она встала и вышла прочь. Остальные медленно потянулись за ней, не говоря ни слова. Последним встал Костя Медведев. Они с отцом учились на медицинском факультете, вместе впоследствии работали. Товарища ближе у отца не было.

– Извини, Дима, – произнёс он удрученно, положив руку отцу на плечо, и ушёл вслед за остальными.

Отец рассвирепел. Такой безудержной злости я не видела никогда.

– Они забыли, – говорил он, – кто вытянул их из болота, потому что видел в них ум, выдающиеся способности, талант предвидения, если так можно назвать вра-

чебное чутье. Нет, это не они ушли от меня, это я их бросил! И они ещё пожалеют об этом!

Отец не находил покоя. Он обезумел. Очень быстро он нашел студентов-добровольцев для своей лаборатории и обставил её машинами, которые строились по его слову лучшими учёными.

– Сколько нервов мне это стоит… – ронял он иногда в присутствии матери, никогда не объясняя, что имеет в виду.

Очень скоро она была готова – лаборатория переселения душ. Людей, которые добровольно хотели стать испытуемыми, нашлось много. Отец создал электронные очереди, чтобы внести всех. Вначале желающими были в основном молодые девушки, реже юноши. Позднее среди его пациентов оказались люди всяких возрастов – они слышали об удачных экспериментах отца.

– Юля, прошу, не делай этого! Это ловушка. Это чудовищный обман. Я не верю в это!

– Но как ты можешь такое говорить?! Это же твой отец!

Лучшая подруга с упрёком смотрела на меня. Сердце моё болело. Она, как и многие другие, поверила этому страшному человеку. Он отнял у меня право на жизнь. И теперь он крадёт у меня подругу детства.

– Я не хочу тебя терять, – молящим голосом уговаривала я её. – А этот человек – мне не отец…

– Да ты с ума сошла! Великий учёный, медик, о котором знает весь мир, которым гордится вся страна. И это он тебе не отец? Может, поменяемся? Забирай себе моего нищего папашу, а я буду королевой! – Юля истерично засмеялась. – Ты при таком отце одеваешься в какие-то заношенные тряпки. Может, тебе это нравит-

ся, а меня нищета не устраивает. Так что уйди с дороги. Я отправляюсь в новую жизнь!

Слушая её, я силилась понять, когда именно произошла в ней эта перемена. Прежней Юли больше не было. А та, что несколько секунд назад стояла передо мной, с лёгкостью прошла мимо и хлопнула дверью за моей спиной.

В газетах подробно писали о том, как проходили опыты отца. Пациент ложился на кушетку животом вниз. Предварительно на него надевалась плотная синяя рубашка, защищавшая грудную клетку и позвоночник. Остальные части тела оставались свободными. Через рубашку к животу присоединялся провод. Пациент засыпал в тёмных пластичных очках, через которые его, вернее, его душу направляли в новую жизнь, в которой у него было всё именно так, как он сам для себя хотел. Машина программировалась с учётом необходимых параметров, которые она считывала в мыслях испытуемого. Путешествие длилось чуть меньше двух часов. Во время сна оставленное душой тело самопроизвольно вздрагивало, как бы реагируя на незримые импульсы. По прошествии положенного времени душа возвращалась в прежнее тело. Пациенты очень воодушевленно рассказывали врачу о том, что пережили.

Первой пациенткой стала Юля. Она довольно долго приходила в себя, а когда, наконец, сознание полностью вернулось к ней, она с восторгом рассказывала о своих ощущениях.

– Это словно сказка, поверьте мне, – помощники отца регистрировали каждое её слово. – Целый шкаф модной одежды, крутая тачка, обалденный парень – всё, как я и хотела! Вот в эту жизнь я и приду повторно

и желательно на подольше. Доктор, – обратилась она к отцу, – когда можно назначить следующий приём?

Он внёс её в очередь снова. Но на этот раз платно. Юля позвонила мне на следующий день рано утром.

– Приветик! – сказал мне легкомысленный, пустой голос. – Денег не одолжишь?

– Юля, вернись ко мне, прошу. Я ведь знаю, что ты не такая. Прежде ты была настоящей…

– Это значит «нет»? – перебила она меня.

По моим щекам покатились горячие слёзы.

– Юля, у меня поражены легкие. Чип, который имплантировал мне отец, дал осложнение. В детстве Женя раз за разом водила меня к врачам, её надежным знакомым, в тайне от отца. Они не знали и до сих пор не знают, что это. Достать чип равносильно смерти, как и остаться жить с ним. Но с ним все случится не так быстро… Я хочу помочь…

– Так нет или да? – холодно потребовала она ответа.

– Нет.

– Ну и пошла ты! Без тебя справлюсь.

В трубке раздались монотонные гудки. В тот же день в новостях сообщили о том, что желающих попасть к доктору Слепцову стало гораздо больше в связи с положительным впечатлением, произведённым на общественность его первой пациенткой – Юлией Сотниковой.

Вскоре пошли слухи о бессмертии по ту сторону экспериментов гениального медика. Отец возненавидел журналистов, назойливо докучавших ему вопросами, и злобно отмахивался от них, поджидавших его на каждом углу. Озлобленный, как он это называл – отвратительной чепухой, ходившей по новостным колонкам, он решил исчезнуть. Он уехал в отпуск, оставив своих сту-

дентов работать в лаборатории без него. Перед отъездом он увидел, как Саша обнимает меня в коридоре. Я никогда не водила его в дом, зная, что отец ненавидит его. Вечерами он обычно запирался в своём кабинете, откуда выходил только утром и сразу ехал на работу. Я и представить не могла, что он вознамерится уехать именно в этот вечер. Отец медленно поставил чемодан на пол.

– Это что такое? – злобно прошипел он и внезапно повысил голос так, что душа моя дрогнула. – Ты что делаешь возле моей дочери? Ты, нищее отродье!

– Это я себя спрашиваю, что вы делаете возле неё, – ответил ему Саша.

– Даю тебе три секунды, чтобы убраться отсюда, – пригрозил ему отец.

Саша остался на месте, глядя ему прямо в лицо. Отец усмехнулся, неожиданно спокойно поднял чемодан и перед тем, как сесть в лифт, произнёс:

– Я заставлю тебя пожалеть.

На следующий день в газете я увидела фотографию избитого до смерти юноши и в слезах упала на колени. «Господи, он убил его... Саши больше нет. Нет никого... Никого... Мамочка, где же ты?..»

– Как ты мог такое сотворить?! Она же наша дочь! – кричала она отцу в моих воспоминаниях о детстве. – Ты убил её этим!

– Что ты сказала?! Ну-ка, повтори, – он навис над нею, словно огромная тень.

– Ты убил её, – в слезах проговорила мать. – Те жизни, что ты создал, ненастоящие.

Он ударил маму по лицу с такой силой, что она упала на пол.

– Готовься, – прошипел он ей, – тебя ждёт приглашение в суд.

– А ты, моя маленькая девочка, – тёмная фигура отца склонилась надо мной, – больше никогда не будешь петь песни о маме. Посмотри, как она обижает твоего отца. Это очень злая женщина...

Моё состояние резко ухудшилось. Последние дни моей жизни обо мне заботилась Женя. Она увезла меня к себе домой. Женечка – так я звала эту добрую женщину, которая когда-то была моей няней. Однажды утром сквозь сон я услышала чьи-то тяжёлые шаги и проснулась от испуга.

– Не бойся, моя хорошая, – произнесла Женя, держа меня за руку. – Это всего лишь плохой сон.

– Я и не боюсь, матушка. Мне виделось, что я стою в поле, на котором растут пышные, чудесные цветы. Небо такое ясное, и солнце такое доброе. Господь взял меня за руку и повёл за собой. А там и бабушка с дедушкой, и Саша, и мама... Мама тоже там была. Представляешь? Она просила передать тебе, чтобы ты не волновалась за неё и больше не искала, как тайно привести меня к ней. И там так хорошо... Там всё такое настоящее... Только тебя там не было, и я пришла попрощаться. До свидания, милая Женечка...

Женя крепко обняла меня, поцеловала в лоб и навсегда закрыла мои глаза.

– На земле не осталось места для настоящего, – произнесла она, когда неожиданно почувствовала чьё-то присутствие за спиной, которое заставило её обернуться. В дверях застыл чёрный силуэт отца...

Илана Городисская

О ВОСПИТАНИИ ПОЭТА

Фильм «Воспитательница» (2018) с Мегги Джиленхолл в главной роли ударил меня в самое мягкое место. Поэзия.

Живет себе Лиза, женщина лет сорока, работающая воспитательницей в детском саду. На вид, у нее благополучная семейная жизнь: муж, двое детей-подростков, свой дом, любимая работа. Но она чувствует себя неудовлетворенной и разочарованной в мире. Чтоб вырваться из своей рутины и как-то реализовать себя, она посещает курсы поэзии. Однако ее пробы пера никто не воспринимает всерьез, что наносит еще одну рану ее душе.

И вот, однажды, в конце рабочей смены, она слышит, как один из ее воспитанников, пятилетний мальчик, бормочет стихи собственного сочинения. Очень зрелые стихи. Обалдевшая Лиза мгновенно записывает за ним этот текст... С этого момента начинается очень неоднозначная история тесных взаимоотношений воспитательницы и воспитанника-вундеркинда, в которой совершенно правильные, на мой взгляд, шаги по развитию и поддержке юного дарования граничат с одержимостью, попыткой самоутвердиться за счет другого, и даже преступлением.

Очень важно отметить, что этот фильм – ремейк израильского фильма 2014-го года с одноименным названием. Отечественное кино в американской обработке. Я понятия не имела об этом факте! Жаль, потому что именно израильский фильм ставит во главу угла вопросы, касающиеся поэзии в целом в условиях материального, мещанского мира, а не личность и мотивы главной героини, как сделали это американцы.

Для меня, как основателя поэтического клуба «Альтер Нарратив», и бывшего со-организатора клуба «Ми Эт Ле Эт» в Беэр Шеве, вопросы, касающиеся поэзии, крайне животрепещущи. На протяжении семи с половиной лет я и две мои компаньонки, занимались продвижением авторов, пишущих оригинальные стихи на иврите. Их происхождение, возраст, пол, род занятий, стаж в литературе и степень таланта были абсолютно не важны. Будущность поэзии как таковая – вот что ставилось нами, и ставится мною во главу угла. Единственным условием было и есть – соответствие стихов заданной теме. За все годы существования обоих клубов через меня прошли десятки людей: подлинных поэтов, графоманов, новичков... Этот теплый и некритичный коллектив равноценных авторов не отвергает никого, лишь бы люди писали и представляли другим свои строки. Поэтому меня очень резанула фраза, которую на каком-то этапе говорит Лизе ведущий этих курсов, прося ее покинуть их: «Ты не художник. Ты – ценитель искусства, дилетант». Такое может сказать человек, нетерпимый к другим и держащий очень высокую планку требований к стихам. Наверное, он не читал у Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора...» Я не могу себе представить ситуацию, при которой я или мои компаньонки сказали бы нечто подобное в глаза авторам, приходящим в наш клуб! Для нас каждый – гений, каждый – светоч и каждый – дорогой друг. А иначе – раз, два и обчелся. Я имею в виду настоящих поэтов.

Несколько слов о гениальности. Когда я увидела на экране маленького щуплого мальчика, проговаривающего зрелые, образные поэтические строки, которые приходили к нему из ниоткуда и уходили в никуда, если их сразу же не записать... мне вспомнилась Ника Тур-

бина. Всем известна ее печальная судьба, как и судьбы других детей-вундеркиндов. Я уверена, что дело тут не столько в выдающемся таланте этих детей, сколько в их предназначении. Эти дети – не просто одаренные. Они – проводники. Через них космос воплощает свои цели в определенные сроки. Стоит этому сроку истечь, как молодое дарование становится обычным человеком. А поскольку к жизни в качестве рядового человека они абсолютно не адаптированы, то и смысла жить дальше у них тоже нет. Поэтому такие люди, как правило, кончают рано и трагически.

В этом отношении я солидарна с отцом мальчика, стремящегося дать ему нормальное детство, но при этом, увы, не придающего значения его дару. В то же время я согласна с Лизой, озабоченной тем, чтоб поэтический талант ее воспитанника получил свое развитие любой ценой. Она и права, и ошибается. К слову, этот мальчик цепляет ее за живое только потому, что он – поэт. Будь он одаренным в какой-то другой области, например, в живописи, вряд ли героиня фильма «присосалась» бы к нему. Как говорится, у кого что болит…

В конце фильма показано насколько все-таки необходим симбиоз между гением и его фанатом. Один просто не существует без другого. В последнем кадре поступивший по всем правилам реальной жизни мальчик сидит в полицейской машине и вдруг произносит: «Я сочинил стих». Все, милый, дело сделано! Теперь некому его записать! Занавес! В то же время и Лизе пришел своеобразный конец, ибо представить себе, что она вернется к своим рутинным обязанностям после того, как прикоснулась к прекрасному, невозможно. Теперь у нее лишь одна дорога…

Это еще раз говорит о том, что, как и любая крайность, выдающаяся одаренность – это плохо. Окружающие гения люди просто не знают, что с ним делать. Его нельзя игнорировать, но в то же время нельзя возводить его и его талант в культ, как делает это Лиза. Самое лучшее – это самый неприемлемый в искусстве средний путь: быть способным, в меру ярким и деятельным в своей области, а главное – удовлетворенным человеком и совмещать творчество с обычной повседневностью. Парадоксально, но это так. В конечном счете, даже ребенок-вундеркинд все-таки, прежде всего, ребенок.

О фильме «Воспитательница», как американском, так и израильском, написаны десятки рецензий, статей и критических опусов, стоит лишь зайти в Гугл. Видимо, это творение кинематографа зацепило не только меня одну…

ТВОРЧЕСТВО И Я

Я пришла к писательству благодаря большой любви, и иногда мне кажется, что оно заменяет мне любовь. Я пишу постоянно прозу и стихи. И каждый раз отдаюсь этому процессу целиком, как отдаются любви. Принято считать, что любовь – дело личное. Так же и труд писателя. Он субъективен до мозга костей. С ним нельзя спорить, называть приукрашенной ложью, считать надуманными глупостями, подгонять под какие-то рамки, стандарты и прочее, как нельзя навязывать двум любящим способ заниматься сексом.

Я никогда не считалась со временем и с обстоятельствами на пути к осуществлению моих писательских задач. Не в пример тем, кто ощущают в себе призвание к этому поприщу, но стараются быть прагматичными и полагают, что оно может подождать до тех пор, когда они, образно говоря, встанут на ноги и будут располагать кучей свободного времени. Мне так и хочется сказать им, что Муза – очень непредсказуемая дама, которая всегда будет требовать их внимания за счет чего-нибудь другого, и которая может разочароваться в них, если отказывать ей во внимании. Писать надо только тогда, когда пишется.

Заработать на писательском поприще сложно. Почти невозможно. Однако письмо для меня – это духовная пища. Я отдаю себе отчет в том, что самое главное и самое дорогое, что я им заработаю, это собственное имя и репутацию. Если повезет – статус классика. Желательно, прижизненного. Деньги никогда не могут являться моей целью для занятий литературой, а лишь производным по вкладу в нее.

А еще это моя интеллектуальная собственность. И, конечно же, мой посыл. То, что останется после меня навсегда. То, в чем мои читатели сразу же увидят и узнают меня. Ибо вопреки существующему мнению, автора невозможно искоренить из его текстов. Все начинается и все заканчивается автором и его жизненным опытом. Ведь работа писателя эмоциональна, и фактор времени в ней ничего не значит.

Каково это жить со мной? Об этом лучше спросить моего супруга. Однако мне повезло, что я выбрала себе спутника жизни, отождествляющегося с моим миром. Ибо тот, кто не способен, пусть не оценить, но хотя бы принять мою деятельность, никогда бы не смог понять и поддерживать меня. Недаром говорят, что жениться или выходить замуж нужно за равных себе и близких по духу.

В общем и целом, я занимаюсь писательством по одной единственной причине: я без этого не могу. Это – мой способ самовыражения и мое призвание. Моя сущность. Для меня, как и для многих творческих личностей, зарыть свой талант в землю, пойти на уступки ради большинства обывателей, чтоб не выделяться, – все равно, что убить себя. Поэтому я и ищу себе группу поддержки только среди конгениальных людей. Тех, кто, подобно мне, ставят во главу угла не реальность, как таковую, а свое отношение к ней. Отношение это может быть самым разным, но, без сомнения, оригинальным.

СОДЕРЖАНИЕ

В качестве введения	5
Леонид Колганов	9
Татьяна Бадакова	25
Валентина Бендерская	45
Альбина Гарбунова	77
Яков Каплан	91
Ханох Дашевский	101
Алла Кречмер	117
Александр Василенко	129
Юлия Ольшевская	151
Татьяна Кайзер	177
Глеб Пудов	201
Виктория Левина	207
Нани Сариду	219
Ирина Сапир	229
Марина Ламбертц-Симонова	239
Ирина Яворовская	257
Максим Сафиулин	267
Ольга Фокина	283
Наталья Шабло	297
Сергей Бедусенко	305
Кира Османова	317
Галина Долгая	325
Ольга Равченко	331
Елена Ханина	347
Гюнай Александра Гейдарова	353
Илана Городисская	363

STELLA-VERLAG
verlag
ingild.com

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГИЛЬДИЯ ПИСАТЕЛЕЙ
INTERNATIONALE SCHRIFTSTELLERGILDE